

ED
GAS
FEU
IEU

составитель
Б. Акунин

серия
"Лекарство
от скуки"

Фред Варгас
.....
Бесприютный

.....
Издательство "Иностранка"

Фред Варгас

Бесприютный

OCR Busya

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158347

Фред Варгас «Бесприютный», серия «Лекарство от скуки»:

Иностранка; Москва; 2004

Аннотация

Вся Франция взбудоражена зверскими убийствами женщин в Париже. Полиция ищет садиста, вооруженного ножницами. Подозрения падают на местного дурачка. Кто же он на самом деле? Несчастный, обделенный природой парень или хладнокровный убийца и прирожденный актер? В этом и пытаются разобраться отставной сыщик Кельвелер и трое безработных историков из Гнилой лачуги на улице Шаль.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	30
Глава 6	33
Глава 7	43
Глава 8	51
Глава 9	69
Глава 10	72
Глава 11	79
Глава 12	83
Глава 13	94
Глава 14	98
Глава 15	103
Глава 16	106
Глава 17	116
Глава 18	125
Глава 19	136
Глава 20	147
Глава 21	152
Глава 22	161
Глава 23	169

Глава 24	180
Глава 25	185
Глава 26	190
Глава 27	195
Глава 28	206
Глава 29	210
Глава 30	215
Глава 31	219
Глава 32	229
Глава 33	235
Глава 34	246
Глава 35	248
Глава 36	253
Глава 37	268
Глава 38	282
Глава 39	283
Глава 40	286
Глава 41	291
Глава 42	294
Глава 43	299
Глава 44	302

Фред Варгас

Бесприютный

Глава 1

Вторая жертва парижского убийцы. Читайте на странице 6.

Луи Кельвелер бросил газету на стол. Он на своем веку повидал достаточно убийств и не спешил открывать шестую страницу. Может быть, потом, когда дело раскроют, он вырежет заметку и подошьет в архив.

Он отправился на кухню за пивом, открыл бутылку. Шариковой ручкой нарисовал на руке большую букву «Б». В июльскую жару всегда мучит жажда. Сегодня вечером он будет читать последние новости о перестановках в министерстве, забастовке железнодорожников и о дынях, высыпавшихся на дорогу. И спокойно пропустит шестую страницу.

Расстегнув рубашку, с бутылкой в руке он вернулся к работе. Он переводил толстенную биографию Бисмарка. За это хорошо платили, и он рассчитывал прожить несколько месяцев за счет канцлера Великой империи. Сделав одну страницу, он застыл, держа руки над клавиатурой. Его мысли пере-

скочили с Бисмарка на ящик для обуви, вместительный такой, с крышкой, и чтоб в шкафу поместился.

Чувствуя раздражение, он оттолкнул стул, прошелся по комнате, пригладил ладонью волосы. По оцинкованной крыше стучал дождь, перевод успешно продвигался, казалось бы, чего волноваться. Луи задумчиво провел пальцем по спине своей жабы, дремавшей на столе в корзинке для карандашей. Потом нагнулся и перечитал фразу, на которой остановился: *«Вряд ли Бисмарк уже тогда, в начале мая, собирался...»* И снова взглянул на газету, лежавшую рядом.

Вторая жертва парижского убийцы. Читайте на странице 6. Ладно, проехали. Его это не касается. Он вернулся к экрану, где ждал канцлер. Что он там забыл, на этой шестой странице? С прежней работой покончено. Он теперь переводит с немецкого на французский и должен покрасивей изложить, почему Бисмарк вряд ли что-то замышлял в начале мая. Спокойная работа, платят хорошо, да и познавательное.

Луи напечатал двадцать строчек. И вот на словах *«ничто не указывает на то, что Бисмарк...»* снова прервался, вернувшись мыслями к коробке для обуви.

Луи достал из холодильника последнюю бутылку и выпил ее мелкими глотками из горлышка, стоя на кухне. Не стоит себя обманывать. Если в голову лезут домашние дела, это верный знак. Если честно, тут все ясно, он начал сдавать. Не хотелось строить планы, голова просилась на покой, мозг понемногу сдавал свои позиции. Его беспокоило не то, что

он думает о своей обуви. Каждый мимоходом размышляет об этом. Беда была в том, что ему нравилось о ней думать.

Луи сделал два глотка. А ведь есть еще рубашки. Не далее как на прошлой неделе он подумывал, как бы поизящнее сложить свои рубашки.

Все ясно как божий день, это начало конца. Только жалкие типы, которым некуда себя приткнуть, наводят порядок в шкафах, раз уж не могут сделать мир лучше. Он поставил бутылку в бар и пошел изучать газету. Потому что в глубине души знал: именно из-за этих убийств он чуть было не занялся домашним хозяйством и генеральной уборкой. Вовсе не из-за Бисмарка, нет. Канцлер не доставлял ему больших хлопот, да еще и кормил. Так что Бисмарк не виноват.

Все дело в этих проклятых убийствах. За две недели убиты две женщины, об этом говорит вся страна, он только об этом и думает, как будто имеет право думать о них и их убийце, хотя его это не касается.

После дела о собаке¹ он решил больше не вмешиваться в преступления этого мира. Смешно начинать карьеру сыщика без жалованья под тем лишь предлогом, что трудно забыть старые привычки после двадцати пяти лет службы в министерстве внутренних дел. Когда дело поручали ему, труд казался оправданным. Теперь же, когда он сам решал, чего хочет, работа выглядела гробокопательством и охотой за скальпами. Распутывать преступление, если никто тебе это не по-

¹ Это дело Луи Кельвелер расследовал в романе Ф. Варгас «Дальше и направо».

ручал, жадно листать газеты и делать подборки – более чем пошрое развлечение и весьма сомнительный смысл жизни.

Так и получилось, что Луи Кельвелер, готовый в первую очередь подозревать самого себя, а не других, отказался быть сыщиком-добровольцем. Это занятие вдруг показалось ему извращенным и глупым, хотя именно к нему тянулась самая темная часть его существа. Но теперь, героически уединившись с Бисмарком, он удивлялся тому, как охотно его мозг увязает в тине домашних дел. Начинается все с коробок, а чем кончится, никто не знает.

Луи кинул бутылку в мусорное ведро и взглянул на стол, где угрожающе лежала сложенная газета. Его жаба Бюфо, решив на время стряхнуть сон, уселась сверху. Луи тихонько приподнял его. Он считал жабу притворщиком. Среди лета Бюфо делал вид, что впадает в спячку, но если никто на него не смотрел, он начинал шевелиться. Живя в квартире, Бюфо запутался во временах года и забыл, когда нужно впадать в спячку, но из гордости не хотел в этом признаваться.

– Глупый пурист, – сказал Луи, сажая Бюфо в корзинку для карандашей. – Кому интересна твоя дурацкая спячка? Делай, что умеешь, и успокойся.

Луи медленно подвинул к себе газету.

И, секунду поколебавшись, открыл ее на шестой странице. Вторая жертва парижского убийцы.

Глава 2

Клеман был в панике. Сейчас, как никогда, ему следовало быть умным, но он был дураком, уже лет двадцать все только и твердили ему об этом. «Клеман, дурак ты этакий, давай, напряги мозги».

А уж как с ним мучился старичок-учитель в школе для умственно отсталых! «Клеман, постарайся думать о нескольких предметах сразу, например о двух, а не об одном, понимаешь? Например, ветка и птица. Подумай о птице, которая села на ветку. А – птица, б – червяк, с – гнездо, d – дерево, е – ты видишь картинку, соединишь все вместе и представляешь. Понял, что нужно делать, Клеман?»

Клеман вздохнул. Ему понадобилось несколько дней, чтобы понять, при чем тут червяк.

Брось думать о птице, думай о сегодняшнем дне. А – Париж, б – убита женщина. Клеман утер нос дрожащей рукой. С – отыскать в Париже Марту. Вот уже много часов он искал ее, спрашивал у всех встречных проституток. У двадцати спросил или у сорока, ну, в общем, у многих. Не может быть, чтобы никто не помнил Марту Гардель. Буква «с» – найти Марту. Клеман шагал, потев на июльской жаре, зажав под мышкой синий аккордеон. Может, с тех пор, как он пятнадцать лет назад покинул свою Марту, она уехала из Парижа? Или умерла?

Посреди бульвара Монпарнас он вдруг остановился. Если она уехала или умерла, он пропал. Пропал, и все тут. Только Марта ему поможет, только Марта его спрячет. Она одна не обращалась с ним как с идиотом, она одна гладила его по голове. Кому нужен этот Париж, если здесь не отыскать человека?

Клеман повесил аккордеон на плечо – у него слишком вспотели руки, и он боялся его уронить. Без аккордеона, без Марты, да с этой убитой женщиной, он пропал. Он оглядел перекресток. На боковой улочке он заметил двух проституток, и это придало ему сил.

Девушка, «дежурившая» на улице Делаамбр, заметила направлявшегося к ней жалкого, плохо одетого парня лет тридцати, в рубашке, которая была ему явно мала, с рюкзачком на спине, лицом – настоящий придурок. Она поморщилась. С такими лучше не связываться.

– Я не могу, – сказала она, помотав головой, когда Клеман остановился около нее. – Спроси Жизель.

Девушка ткнула пальцем в товарку, стоявшую на три дома дальше. Жизель проработала тридцать лет и не боялась ни Бога, ни черта.

Клеман вытаращил глаза. Он привык, что его отсылали, даже не дав открыть рот.

– Я ищу друга, – с трудом проговорил он, – ее зовут Марта, Марта Гардель. Ее нет в справочнике.

– Друга? – недоверчиво переспросила девушка. – Ты что,

забыл, где она работает?

– Она больше не работает. А раньше она была самой красивой на Мютюалите. Марта Гардель, все ее знали.

– Я не все, и я не телефонная книга. Что тебе от нее нужно?

Клеман отступил. Ему не нравилось, когда с ним громко разговаривали.

– Что мне от нее нужно? – повторил он.

Нельзя много разговаривать, нельзя, чтобы его заметили. Только Марта сможет его понять.

Девушка покачала головой. А парень, видно, и впрямь дурачок. От такого лучше держаться подальше. И все-таки его было жалко. Она поглядела, как он осторожно поставил на землю свой аккордеон.

– Эта Марта, как я понимаю, была одной из наших?

Клеман кивнул.

– Ладно, стой здесь.

И девушка направилась к Жизель, шаркая на ходу ногами.

– Там один парень ищет подружку, из бывших, с Мобер-Мютюалите. Марта Гардель, помнишь такую? Сейчас она не зарегистрирована.

Жизель подняла голову. Она многое знала, даже то, о чем не ведали официальные органы, и гордилась этим.

– Лина, крошка, – сказала Жизель, – кто не знал Марту, тот, считай, вовсе ничего не знал. Это тот артист ее ищет? Пусть подойдет, не люблю бросать свое место, сама знаешь.

Лина издалека махнула рукой. Клеман почувствовал, как забилося сердце. Он поднял инструмент и побежал к толстой Жизель. Бегал он плохо.

– Вид у него дурацкий, – заметила Жизель, доставая сигарету. – Явно дошел до ручки.

Клеман поставил аккордеон у ног Жизель и посмотрел на нее.

– Ты спрашивал старую Марту? Она тебе зачем? Учти, к ней просто так не подъедешь. Она у нас как памятник архитектуры, разрешение на осмотр требуется. А у тебя, дружок, уж извини, больно вид странный. Так зачем она тебе?

– *Старая* Марта? – повторил Клеман.

– Ну да. Ей уже за семьдесят, ты не знал? Ты и вправду с ней знаком?

– Знаком, – сказал Клеман, делая полшага назад.

– А чем докажешь?

– Я ее знаю. Она меня всему научила.

– Работа у нее такая.

– Нет. Она меня читать научила.

Лина расхохоталась. Жизель сурово обернулась к ней:

– Чего скалишься, дура? Ты ни черта в этой жизни не понимаешь.

– Она тебя научила читать? – уже мягче переспросила Жизель.

– Когда я был маленький.

– Смотри-ка, это на нее похоже. И чего тебе от нее надо?

Тебя как зовут?

Клеман собирался с мыслями. Кто-то убил женщину. Надо что-то придумать, сочинить. «Е – ты выдумываешь». Но это-то и было труднее всего.

– Я должен вернуть ей деньги.

– Это может быть, – кивнула Жизель, – старуха Марта всегда на мели. И сколько?

– Четыре тысячи, – наугад сказал Клеман.

Он устал разговаривать. Это было слишком быстро для его головы, и он боялся сболтнуть лишнее.

Жизель задумалась. Странный парень, что и говорить, но Марта умеет за себя постоять. А четыре тысячи на дороге не валяются.

– Ладно, верю тебе, – сказала она. – Видел букинистов на набережной?

– Набережная? Которая около Сены?

– Ну, конечно, у Сены, глупый, где же еще. Вот, значит, на левом берегу напротив улицы Невер, не ошибешься. У нее там маленький лоток с книгами, один друг ее пристроил. Старая Марта не любит сидеть без дела. Запомнишь? Точно? Уж прости, умником тебя не назовешь.

Клеман молча глядел на нее, не решаясь ответить. Сердце колотилось как бешеное, нужно разыскать Марту, от нее зависело все.

– Ясно, – вздохнула Жизель, – сейчас напишу тебе.

– И чего ты с ним возишься! – Лина пожала плечами.

– Помолчи, – повторила Жизель, – не суйся.

Она порылась в сумке, вытащила пустой конверт и огрызок карандаша. Потом написала четкими большими буквами адрес, думая, что парень и читает-то плохо.

– Вот, с этой бумажкой ты ее найдешь. Передай ей привет от Жизель с улицы Делаамбр. И без глупостей. Я тебе доверяю, понял?

Клеман кивнул, быстро сунул конверт в карман и поднял аккордеон.

– Слушай, – сказала Жизель, – сыграл бы что-нибудь. Я тогда буду знать, что ты и впрямь меня не надул. Уж извини, но так мне будет спокойней.

Клеман вдел руки в лямки аккордеона, старательно растянул мехи, высунув от усердия язык, опустил голову и заиграл.

«Все-таки нельзя доверять внешнему виду, – подумала Жизель. – Дурак дураком, а музыкант-то настоящий. Настоящий музыкант-дурак».

Глава 3

Клеман долго благодарил, а потом направился в сторону Монпарнаса. Было почти семь вечера, и Жизель велела ему поторапливаться, если он хотел застать старую Марту, пока та не свернула торговлю. Ему пришлось много раз спросить дорогу, показывая бумажку. Наконец он добрался до улицы Невер и увидел набережную и зеленые деревянные ящики с книгами. Он начал разглядывать продавцов, но никого не узнал. Придется подумать. Жизель сказала – семьдесят лет. Значит, Марта стала старой, значит, нужно искать не ту женщину с черными волосами, которую он помнил, а совсем другую.

Пожилая женщина с крашеными волосами в яркой одежде стояла к нему спиной, закрывая складной полотняный стул. Она обернулась, и Клеман прикрыл рот ладонью. Это была его Марта. Да, она постарела, но все-таки это была она, его Марта, та, что гладила его по волосам и не обращалась с ним как с кретином. Он вытер нос и перешел улицу на зеленый свет, выкрикивая ее имя.

Старая Марта оглядела мужчину, который ее звал. Он как будто бы знал ее. Весь в поту, маленький, худой, с синим аккордеоном под мышкой, он нес его как цветочный горшок. Крупный нос, ничего не выражающие глаза, бледная кожа и светлые волосы. Клеман застыл перед ней, улыбаясь. Он все

помнил, он спасен.

– Вы ко мне? – сказала Марта.

Клеман и подумать не мог, что Марта его забыла, и он снова запаниковал. А если Марта его забыла? А если она все забыла? А если она совсем ничего не помнит?

Он так устал думать, что ему даже не пришло в голову назвать свое имя. Поставив аккордеон, Клеман принялся лихорадочно рыться в рюкзаке. Потом осторожно достал удостоверение личности и с опаской протянул Марте. Он очень любил свое удостоверение.

Марта пожалала плечами и взглянула на потертую карточку. Клеман-Дидье-Жан Воке, двадцать девять лет. Нет, ей это ни о чем не говорит. Она посмотрела на парня с мутными глазами и с легким сожалением покачала головой. Потом снова посмотрела на карту и опять на парня, который шумно дышал. Она чувствовала, что должна постараться вспомнить, что этот человек чего-то отчаянно ждал от нее. Но она никогда не видела это худое, испуганное, шелушащееся лицо. И, однако, эти полные слез глаза и тревожное ожидание в них были ей знакомы. Тусклые глаза, маленькие уши. Бывший клиент? Да нет, больно молод.

Парень быстро утер ладонью нос, как ребенок, у которого вечно нет платка.

– Клеман?... – пробормотала Марта. – Малыш Клеман?...

Боже, да это же малыш Клеман! Марта быстро закрыла деревянные ставни, повернула ключ, подхватила складной

стул, газету, две сумки и, вцепившись молодому человеку в руку, потащила за собой.

– Пошли, – сказала она.

Как она могла забыть его фамилию? Хотя, по правде сказать, она никогда не звала его по фамилии. Просто Клеман. Она увела его за полкилометра на автостоянку Института и там кинула поклажу на землю между двумя машинами.

– Здесь нам будет спокойнее, – объяснила она. Клеман совсем успокоился и во всем ее слушался.

– Вот видишь, – снова начала Марта, – я тебе говорила, что однажды ты перерастешь меня на целую голову, а ты не верил. Ну, кто был прав? Н-да, давненько это было... Сколько тебе тогда было лет? Десять. И потом в один прекрасный день мальчуган испарился. Хоть бы весточку о себе подал. Не хочу тебя упрекать, но ты хоть бы разок объявился.

Клеман прижал к себе старую Марту, а та похлопала его по спине. Конечно, от него разило потом, но ведь это был ее малыш Клеман, да Марта и не была неженкой. Она была счастлива снова видеть этого мальчика, которого когда-то потеряла и которого пыталась учить читать и складно говорить целых пять лет. Когда она встретила его на улице, на тротуаре, где его всегда бросал негодяй отец, он только и умел, что ворчать: «Плевать, все равно мне гореть в аду».

Марта посмотрела на него с тревогой. Вид у него был никудышный.

– Неважно выглядишь, – объявила она.

Клеман присел на машину, уронив руки. Он смотрел на газету, которую Марта положила на свои пакеты.

– Ты прочла газету? – выговорил он.

– Я там кроссворды гадаю.

– Убитая женщина, ты видела?

– Еще бы не видеть. Все видели. Такое зверство.

– Они ищут меня, Марта. Ты должна мне помочь.

Клеман описал в воздухе круг рукой.

– Убитая женщина, – повторил он. – Они ищут меня. Они про меня в газете напечатали.

Марта порывисто раскрыла складной стул и села. Кровь стучала у нее в висках. Теперь она уже видела в Клемане не маленького прилежного мальчишка, а вспоминала все те гадкие привычки, которые он впитал с девяти до двенадцати лет. Он воровал, дрался, если кто-то обзывал его придурком, царапал машины, кидал куски мела в бензобаки, бил витрины и поджигал мусорные баки. Он был такой худой и ворчал «все равно гореть в аду, папа так сказал, и мне плевать, все равно». Сколько раз Марта забирала его из полиции? Хорошо еще, что благодаря своему ремеслу она знала все участки как свои пять пальцев. А к тринадцати годам Клеман почти успокоился.

– Не может быть, господи, – тихо сказала она несколько минут спустя. – Господи, не может быть, чтобы они искали тебя.

– Это я. Они заберут меня, Марта.

У Марты стоял ком в горле. Ей представилось, как по лестнице бегут люди и слышен голос ребенка, колотящего в дверь: «Они заберут меня, Марта, заберут!» Она открывает дверь, и он с плачем бросается к ней. Она велит ему свернуться калачиком на кровати, накрывает красным одеялом и гладит по голове, пока он не уснет. Конечно, малышу Клеману всегда не хватало ума. Она это знала, но скорее дала бы разрезать себя, на куски, чем согласилась бы с этим. И без того было много желающих плюнуть в него. Мальчуган не виноват, он придет в себя и всему научится. И будь что будет.

И без того ясно, что будет, сказал бы эта старая сволочь Симон, который когда-то держал бакалейную лавку. Этот всегда готов утопить ближнего. Он называл Клемана «дурным семенем». Мысль о старом негодяе придала Марте сил. Она знала, что надо делать.

Встала, сложила стул и подхватила свои сумки.

– Идем, – сказала она. – Нечего тут торчать.

Глава 4

Марта жила теперь в комнате на первом этаже недалеко от площади Бастилии, в маленьком тупичке.

– Один друг нашел мне комнату, – гордо сказала она Клеману, открывая дверь. – Если бы не все это барахло, смотрелось бы лучше. И на набережную он меня пристроил. Людвиг его зовут. Ты бы поверил, что однажды я буду книгами торговать? Была одна панель, теперь другая, и такое бывает.

Клеман успевал уловить лишь половину из ее слов.

– Людвиг?

– Это мой друг. Таких, как он, не часто встретишь. А ты знаешь, в мужчинах-то я разбираюсь. Да поставь же наконец аккордеон, Клеман.

Клеман взмахнул газетой, собираясь что-то сказать.

– Нет, – сказала Марта. – Сначала поставь аккордеон и садись, ты на ногах не стоишь. Потом расскажешь, откуда аккордеон, спешить нам некуда. Послушай, мальчик, сейчас мы пообедаем, выпьем по стаканчику, а потом ты мне все расскажешь, тихо и спокойно. Все надо делать по порядку. Пока я готовлю, приведи себя в порядок. И поставь, бога ради, этот аккордеон.

Марта отвела Клемана в угол комнаты и отдернула занавеску.

– Гляди, – похвасталась она. – Настоящая ванная. Здорово-

во, да? Сейчас примешь горячую ванну – всегда нужно принимать горячую ванну, если дела идут плохо. Если у тебя есть чистая одежда, переоденься. Дашь мне грязное, я простирну вечером. В такую жару все быстро сохнет.

Марта пустила воду, подтолкнула Клемана к ванной и задвинула занавеску.

Отмоется, хоть потом от него разить не будет. Марта вздохнула, вот уж не было печали. Она бесшумно взяла газету и внимательно прочла статью на шестой странице. Молодая женщина, чье тело было обнаружено вчера утром в квартире на улице Башни Аббатис, была избита и задушена, после смерти ей нанесли двадцать восемь ранений острым предметом, возможно, ножницами. Просто мясорубка. *Многое проясняют показания соседей, все они утверждают, что несколько дней подряд какой-то мужчина стоял перед домом жертвы.* Марта вздрогнула, Клеман с шумом выпускал воду из ванной. Она тихонько отложила газету.

– Садись, сынок. Сейчас все будет готово.

Клеман переоделся и причесался. Он никогда не был красив – нос картошкой, бледная кожа, а главное – пустые глаза. Марта считала, что у него просто зрачок сливался с радужной оболочкой, но если приглядеться, он вовсе не плох, да и какая, к черту, разница? Помешивая макароны, Марта вспоминала приметы преступника, описанные в конце газетной статьи: *...разыскивается молодой белый мужчина, возраст 25 – 30 лет, маленького роста, худой или хрупкого телосло-*

жения, волнистые светлые волосы, лицо гладко выбрито, одет скромно, серые или бежевые брюки, спортивная обувь.
Через два дня, не позже, полиция составит фоторобот.

Серые брюки, мысленно уточнила Марта, взглянув на Клемана.

Она разложила по тарелкам макароны и сыр, а сверху разбила яйцо. Клеман молча глядел в свою тарелку.

– Ешь, – велела Марта. – Макароны быстро остывают, Бог их знает почему. Зато цветная капуста наоборот. Спроси кого хочешь, почему так, никто тебе не скажет.

Клеман никогда не умел разговаривать во время еды, он был просто не способен делать два дела сразу. И Марта решила отложить разговор на потом.

– Не думай об этом, ешь, – повторила она. – На пустой желудок разговор не идет.

Клеман послушно кивнул.

– А пока мы едим, я расскажу тебе разные истории из своей жизни, как в детстве, хорошо, Клеман? Помнишь того клиента, который напяливал одни брюки поверх других? Уверена, ты про это забыл.

Марте было нетрудно развлечь Клемана. Она умела часами рассказывать истории одну за другой, а нередко она даже разговаривала сама с собой. И она рассказала историю про мужчину в двух парах брюк, про пожар на площади Алигр, про депутата, жившего на две семьи, о чем знала только она, про рыжего котенка, который упал с седьмого этажа и при-

землился на четыре лапы.

– Неважные истории у меня сегодня, – поморщилась Марта. – Болтаю, сама не знаю что. Я принесу кофе, а потом мы поговорим. Не спеши.

Клеман мучительно соображал, с чего бы начать. Он понятия не имел, где в его истории маленькая буква «а». Наверно, нужно начать с утра в кафе.

– Сегодня утром, Марта, я пил кофе в кафе.

Клеман запнулся, прикрыв рот пальцами. Вот что значит быть дураком. И как это у других получается не говорить «кофе в кафе»?

– Продолжай, – сказала Марта. – Не обращай внимания на все эти глупости, плевать нам на них.

– Я пил кофе в кафе, – повторил Клеман. – Один человек читал вслух газету. Я услышал название улицы – Башня Аббатис, и я самолично слушал, а потом там описывали убийцу, которым был я, Марта. Я, и никто другой. И тогда потом я пропал. Не понимаю, как они узнали. Мне было очень страшно, и, значит, я вернулся к себе в гостиницу, взял свои вещи, а потом после я подумал только об одном, о тебе, чтобы они меня не забрали.

– И что она тебе сделала, эта девушка, Клеман?

– Какая девушка, Марта?

– Которая умерла, Клеман. Ты ее знал?

– Нет. Я просто шпионил за ней пять дней. Но она мне ничего не сделала, честно.

– А зачем ты за ней шпионил?

Клеман прижал палец к носу и нахмурил брови. Как же трудно было рассказывать по порядку!

– Чтобы узнать, есть ли у нее любовник. Вот зачем. И цветков в горшке, это я его купил и сам его отнес. Они ее нашли вместе с цветком, вся земля на земле валялась, это в газете написано.

Марта встала за сигаретой. Ребенком Клеман не отличался умом, но он не был ни сумасшедшим, ни жестоким. А сейчас ей вдруг стало страшно рядом с этим парнем, который сидел за ее столом. На мгновение ей захотелось позвать полицию. И это ее малыш Клеман, не может этого быть. На что она надеялась? Что он убил случайно? Сам того не понимая? Нет. Она надеялась, что все это неправда.

– Что на тебя нашло, Клеман? – пробормотала она.

– Ты про цветок?

– Нет, Клеман! Почему ты ее убил? – выкрикнула Марта.

И заплакала. Перепуганный Клеман обошел стол и опустился возле Марты на колени.

– Но, Марта, – пролепетал он, – Марта, ты же знаешь, что я хороший парень! Ты сама мне это всегда говорила! Разве это было неправда? Марта?

– Я так думала! – всхлипнула Марта. – Я всему тебя научила! А теперь видишь, что ты наделал? По-твоему, это хорошо?

– Но, Марта, она мне ничего...

– Замолчи! Не хочу тебя больше слушать!

Клеман сжал голову руками. Что он сделал не так? О чем забыл рассказать? Он, как всегда, забыл про маленькую «а», как обычно, начал не с того и сильно огорчил Марту.

– Я начало забыл рассказать, Марта! – сказал Клеман, тряся ее за плечо. – Я не убивал эту женщину!

– А если не ты, то кто, святой дух, что ли?

– Ты должна мне помочь, – прошептал Клеман, цепляясь за ее плечи, – а то они заберут меня!

– Ты врешь.

– Я не умею врать, ты же сама говорила! Ты говорила, что для этого нужно уметь придумывать.

Да, она помнила об этом. Клеман ничего не умел выдумывать. Ни шутить, ни хитрить, ни тем более врать. Марта снова подумала о его мерзком папаше Симоне, который всякий раз харкал на землю и обзывал мальчишку. «Чертово семя... Семя убийцы...» Слезы стали колоть глаза. Она отцепила руки Клемана, громко высморкалась в бумажную салфетку и глубоко задумалась. Тут правы либо они с Клеманом, либо старый хрыч Симон, выбирай, что хочешь.

– Ладно, – сказала она, шмыгнув носом, – давай все сначала.

– Буква «а», Марта, – снова заговорил Клеман, задыхаясь, – я следил за девушкой. Я делал работу, которую мне поручили. А все остальное – это просто... просто...

– Совпадение?

– Совпадение. Они ищут меня, потому что меня видели на улице, что касается меня. А я работал. А еще раньше я следил за другой девушкой. Это тоже была работа.

– За другой девушкой? – с ужасом проговорила Марта. – Ты помнишь, где это было?

– Погоди, – сказал Клеман, приставив палец к носу. – Сейчас вспомню.

– Случайно, не на улице Аквитании, Клеман?

– Да, там, – с облегчением улыбнулся он. – Первая девушка жила там. Это совсем маленькая улица на окраине Парижа.

Марта рухнула на стул.

– Бедный мой мальчик, – пробормотала она. – Бедный мой, ты разве не знаешь?

Клеман, все еще стоя на коленях, смотрел на Марту, разинув рот.

– Это не совпадение, – тихо сказала Марта. – На улице Аквитании десять дней тому назад убили женщину.

– А там был цветок в горшке? – Клеман снова перешел на шепот.

Марта пожала плечами.

– Такой красивый папоротник, – бормотал Клеман, – я сам его выбрал, самолично. Так меня попросили.

– Ты о ком?

– О том человеке, который позвонил мне в Невер, чтобы взять меня аккордеонистом в Париж, в свой ресторан.

Но оказалось, что ресторан еще не готов. Он попросил меня проследить за двумя официантками, которых хотел нанять, но нужно было сначала узнать, серьезные это девушки или нет.

– Бедный мой Клеман...

– Ты думаешь, что на улице Аквитании меня тоже видели?

– Конечно, видели. Тебя за этим туда и поставили, бедный мальчик, чтобы все тебя видели. Господи, а тебе не приходило в голову, что это какая-то странная работенка?

Клеман глядел на Марту, широко раскрыв глаза.

– Я дурак, Марта. Ты-то ведь знаешь.

– Нет, Клеман, ты не дурак. Так о первом убийстве ты ничего не знал?

– Я жил в гостинице, там нет радио.

– А газета на что? Клеман потупился:

– Да я не совсем помню, как читать.

– Ты разучился читать? – воскликнула Марта.

– Я читаю, но не очень хорошо. Буквы в газете такие маленькие.

– Ясно, – вздохнула Марта. – Вот видишь, что бывает, если бросить учебу.

– Меня втянули в махину, в ужасную махину.

– В ужасную махинацию, Клеман. Ты прав. И одни мы с этим не справимся, ты уж мне поверь.

– Мы пропали?

– Нет, не пропали. Потому что старая Марта знает кое-

кого, малыш. И кое-кого, кто разбирается в делах. Вот для чего нужно учиться, понимаешь?

Клеман кивнул.

– Так, теперь ответь, – продолжила Марта, вставая, – ты никому не говорил, что идешь ко мне?

– Нет.

– Точно? Подумай хорошенько. Ты никому не говорил про меня?

– Ну да, сказал. Девушкам говорил. Я спросил у сорока девушек на улице, как тебя найти. Я не могу читать телефонную книгу, там буквы мелкие.

– А эти девушки смогут тебя узнать по описанию в газете? Ты подолгу с ними разговаривал?

– Нет, они меня самолично сразу прогоняли. Кроме одной, мадам Жизель, и ее подруги, которые были очень добры. Она просила передать тебе привет от Жизель с улицы...

– Делаббр.

– Да. Вот они меня узнают. Но, может, они читать не умеют?

– Умеют. Все умеют читать, сынок. Ты у нас исключение.

– Я не исключение. Я дурак.

– Тот, кто называет себя дураком, уже не дурак, – решительно объявила Марта, держа Клемана за плечо. – Послушай, сынок. Сейчас ложись спать, я устрою тебе постель за ширмой. А сама побегу повидаться с Жизель, скажу, чтобы держала язык за зубами и подруге передала. Ты знаешь, как

зовут ее подружку? Это, случайно, не молоденькая Лина, которая теперь на улице Делаамбр?

– Точно. Ты потрясающая.

– Просто я училась.

Внезапно Клеман схватился за щеки.

– Они расскажут, что я приходил тебя повидать, и за мной придут сюда. Я должен уйти, а то меня заберут.

– Нет, ты останешься здесь. Жизель и Лина и словечка не промолвят, потому что я их попрошу. Солидарность – вот как это называется в нашем ремесле. Но мне надо спешить, я отправляюсь прямо сейчас. А ты никуда не выходи, ни под каким видом. И никому не открывай. Я вернусь поздно. Спи.

Глава 5

Было около одиннадцати вечера, когда Марта хлопнула по плечу Жизель, которая дремала, стоя в дверной нише. Жизель умела спать стоя, совсем как лошадь, и гордилась этим, как спортсмен, но Марте это всегда казалось немножко грустным. Женщины обнялись, они не виделись четыре года.

– Жизель, – начала Марта, – у меня мало времени. Надо поговорить насчет парня, который меня недавно искал.

– Так я и думала. Я что, прокололась?

– Ты все сделала, как надо. Но если тебя о нем спросят, проглоти язык. Может, ты его даже в газете увидишь. В общем, молчи, если спросят.

– Ты о легавых?

– В том числе. Этот парнишка мой, и я сама о нем позабочусь. Поняла, Жизель?

– И понимать нечего. Держу рот на замке, и все. Что он натворил?

– Ничего. Говорю тебе, это мой мальчуган.

– Смотри-ка, не тот ли это парень, с которым ты была знакома давным-давно? Которого ты учила читать?

– А ты соображаешь, Жизель.

– Я как его увидела, так и стала кумекать. – Жизель улыбнулась, постучав пальцем по виску. – Ты уж извини, но, похоже, не много науки у него в голове осталось, у твоего па-

цана?

Марта смущенно пожала плечами:

– Он никогда не умел пользоваться мозгами.

– Это еще мягко сказано. Но раз твой Клеман, то чего уж там говорить. Ума ведь не купишь.

Марта улыбнулась.

– Ты помнишь, как его зовут?

– Я ж тебе говорю, Марта, – сказала Жизель, снова приставляя палец к виску, – у меня голова еще работает. А то как же, если стоять весь день без дела, так оно и будет, вот откуда все берется. Ты-то знаешь.

Марта задумчиво кивнула.

– Ты-то, – продолжала Жизель, – считай, тридцать пять лет на панели оттрубила. Такой опыт со счетов не скинешь.

– Но под конец-то я сидела дома на трубке, – сказала Марта.

– И что с того, дома тоже думаешь от нечего делать. Это если руки все время заняты, как на почте, например, думать особо некогда.

– Да уж, для дум свобода рук требуется.

– Вот-вот.

– Но про Клемана тебе лучше забыть. Не болтай про него, ясно?

– Извини, но ты мне это уже говорила.

– Не обижайся, просто мне так спокойней.

– Он что, серьезно влип, твой Клеман?

– Никуда он не влип. Это другие хотят его подставить.

– Кто?

– Придурки всякие.

– Ясно.

– Я побегу, Жизель. Надеюсь на тебя. И Лину предупреди обязательно. Целуй детишек. И поспи хоть чуток.

Женщины снова обнялись, и Марта быстро засеменила прочь. Насчет Жизели она не беспокоилась. Даже когда та поймет, что Клеман убил этих двух женщин, – а поймет она наверняка, когда увидит фоторобот в газете, – она его не сдаст. Во всяком случае, сначала она придет к Марте. А вот убедить Людвига помочь ей, казалось, не так-то просто. То, что она выучила Клемана читать, еще не доказывает его невиновность. Как называлась та дурацкая книга, которую они читали? Столько лет прошло... Марта хорошо помнила обложку, там был нарисован маленький домик, собака и мальчик.

Рене и его собака.

Вот как она называлась.

Глава 6

Сначала Марта слушала под дверь, не спит ли Людвиг. Обычно он ложился в три утра или где-нибудь бродил всю ночь, но кто его знает. Она не решалась постучать, потому что не предупреждала, что придет, да и не виделись они уже три месяца. Поговаривали, что Людвиг отошел от дел. И Марта, которая, непонятно почему, себя самое считала важным делом, боялась, как бы ее дружба с Немцем не прекратилась, раз он бросил свои расследования. Людвиг был одним из тех редких людей, которые могли произвести на Марту впечатление.

– Людвиг, – позвала она, стуча в дверь. – Хочу тебя побеспокоить, у меня срочное дело.

Прижав ухо к двери, она слышала, как Немец отодвинул стул и не спеша пошел к двери. Он редко куда-нибудь торопился.

– Людвиг, – повторила она, – это я, старая Марта.

– Ну, конечно, ты, – сказал Людвиг, открывая. – Кому же еще придет в голову вопить в коридоре в два часа ночи? Ты весь дом разбудишь.

– Я шепотом говорила, – оправдывалась Марта, входя в квартиру.

Луи пожал плечами:

– Ты не умеешь говорить шепотом. Я только что чай за-

варил. Пиво кончилось.

– Ты читал в газете про второе убийство? Что скажешь?

– А что я должен сказать? Паршивая история, что тут говорить. Садись.

– Значит, правда то, что болтают? Ты ушел на покой?

Луи посмотрел на нее, скрестив руки.

– Это и есть твое срочное дело? – спросил он.

– Просто спрашиваю. А что такого?

– Ну да, правда, Марта, – сказал он и сел напротив, скрестив руки и вытянув ноги. – Раньше мне платили, и я работал. Было бы странно продолжать заниматься этим и сейчас.

– Не понимаю, – нахмурилась Марта, – это всегда выглядело странно, а ты заметил это только сейчас, что ли? Ты делаешь свое дело, потому что у тебя это получается.

Луи покачал головой.

– Сейчас, – сказал он, – меня занимает только Бисмарк и коробки для ботинок. Видишь, от меня теперь немного толку.

– Что это за «Б» у тебя на руке?

– Список неотложных дел. Бутылка пива, ботинки, Бисмарк. Ладно, рассказывай, зачем пришла?

– Ну, я же тебе сказала, Людвиг. Из-за убийства. Вернее, из-за двух убийств.

Луи разлил чай и улыбнулся:

– Что, страшно, старушка?

– Да это тут ни при чем, – сказала Марта, пожимая пле-

чами. – Все дело в убийце.

– И что с убийцей? – терпеливо спросил Луи.

– Да ничего. Просто он у меня дома. Спит. Я решила, ты должен знать, не важно, ушел ты на покой или нет.

Марта плеснула молока в чашку и стала размешивать чай. Она была очень напряжена, но старалась выглядеть беззаботной.

Луи замер от удивления, потом глубоко вдохнул и откинулся на спинку кресла. Он не мог решить, верить Марте или нет.

– Марта, – воскликнул он, – какого черта убийца делает в твоей конуре?

– Я же только что сказала, спит он.

Марта подняла чашку и поглядела на Луи. Она смотрела в его зеленые глаза, которые хорошо знала, и читала в них недоверие, тревогу и жгучий интерес.

– Под моим одеялом, – быстро добавила она, – на раскладушке. Я не вру, Людвиг, не буду я у тебя время зря отнимать. И это вовсе не для того, чтобы ты снова впрягся в хомут, не думай. Это твое дело, начинать снова или нет, хотя, по мне, так зря ты все бросил. Он правда сейчас у меня, и я не знаю, что делать. Я кроме тебя никого не знаю, кто бы мог помочь. Хоть и не представляю, чем ты сможешь. Ты все равно мне не веришь.

Луи опустил голову и некоторое время молчал.

– Почему ты называешь его убийцей? – тихо спросил он.

– Потому что это тот парень, о котором написано в газете. Это его видели возле домов тех двух женщин.

– Если так, Марта, почему ты не заявишь в полицию?

– Ты рехнулся? Чтобы его сцапали? Этот парень – Клеман, а он мне как сын.

– Ага... – Луи откинулся назад. – Нечто подобное я и подзревал. Тебя сегодня не поймешь, честное слово. Рассказываешь черт знает как. Будь добра, перескажи так, чтобы можно было разобраться в этой каше из убийцы и одеяла.

– Это, наверное, после разговора с Клеманом у меня башка наизнанку. Все в голове перепуталось, мысли скачут, как блохи.

Марта порылась в огромной красной сумке из искусственной кожи, достала сигарку и старательно раскурила ее, что-то бормоча про себя и щуря глаза от дыма.

– Сейчас, – сказала она, выдохнув клуб дыма. – Лет двадцать назад я работала на Мобер-Мютюалите. Я тебе уже говорила, что вся площадь Мобер была моей единоличной ответственностью. Можно сказать, я тогда была на пике своей карьеры.

– Все это я знаю, Марта.

– Не важно, так вот, я была на пике. Вся площадь и начало улицы Монж были моей территорией, ни одна девка и помыслить не могла оттяпать у меня хоть уголок. Я могла отказывать клиентам, как хотела. Прямо как королева. Когда было слишком холодно, работала на дому, но в теплые дни

выходила на улицу, потому что настоящую клиентуру по телефону не заведешь. Видел бы ты, где я тогда жила...

– Ладно, Марта, не отвлекайся.

– Сейчас, не сбивай меня. Я рассказываю все по порядку. Так вот, улица... Там был один мальчик, совсем малыш, вот такусенький. – Марта поднесла к носу Луи мизинец. – С половины пятого он уже был там, совсем один. Его мерзавец отец жил в доме на углу, и малыш часами ждал, когда о нем вспомнят, откроют ему дверь, когда отец вернется, он работал на бегах. Та еще работенка, скажу тебе.

Луи улыбнулся. Иногда Марта становилась необъяснимой ханжой, как будто всю жизнь прислуживала в церкви.

– Малыш Клеман околачивался на улице до вечера, а порой и до ночи, все ждал, когда за ним придут. Ему было восемь лет, но его сволочной папаша не давал ему ключ от квартиры, боялся за припрятанные деньги. Говорил, что не доверяет сыну, что сынок у него кретин и пакостник, если это можно назвать словами. По мне, так такие гадости и словами назвать нельзя.

Марта яростно затянулась сигаркой и покачала головой.

– Мешок дерьма это был, а не отец, – припечатала она.

– Не шуми, – сказал Луи, – и рассказывай дальше.

Марта снова показала Луи мизинец.

– Вот такой парнишка был, говорю тебе. Ну и понятно, сердце разрывалось смотреть на этого малыша. Сначала мы просто с ним болтали. Он дичился, как крысенок. Кто дру-

гой от него бы и трех слов не добился. А потом мало-помалу подружились мы. Я его полдником кормила, потому что он кроме столовой, не знаю, где и ел. Короче, когда осень наступала, парнишка все так же ждал на улице в темноте, на холоде, под дождем, хочешь верь, хочешь нет. Однажды вечером я отвела парня к себе. Так вот все и началось.

– Что началось?

– Обучение, Людвиг. Клеман не умел читать, имя свое едва мог написать. Впрочем, он почти ничего не умел, только кивал да нес всякую чушь. Тут ему не было равных. А в остальном ничегошеньки не смыслил и сначала только сворачивался у меня на коленях и плакал. Как вспомню, реветь хочется.

Марта покачала головой и лихо затянулась сигаркой, чуть помяв губами.

– Выпьем по глоточку, – вдруг предложил Луи и встал.

Он достал два стакана, откупорил бутылку, вытряхнул пепельницу, зажег еще одну лампу и попросил Марту разлить вино. От движения ему стало лучше.

– Рассказывай поскорей, старушка. Уже почти три утра.

– Ладно, Людвиг. Лет пять я заботилась о парнишке. Завязывала с работой в половине пятого и до вечера с ним занималась, мы читали, писали, сочиняли истории, я его умывала, кормила – в общем, воспитывала. Первым делом я его научила держать голову прямо и смотреть людям в глаза. Потом говорить то, что он хотел. Пришлось попотеть, уж по-

верь мне. Через полтора года он уже читал и писал. Не очень хорошо, но у него получалось. Иногда он ночевал у меня, а отец даже не замечал. По воскресеньям он весь день был со мной. И вот что я тебе скажу, Людвиг, Клеман любил меня, как родную мать.

– А потом, Марта?

– Потом ему исполнилось тринадцать, и однажды вечером он не пришел. Больше я его не видела. Узнала, что его чертов папаша уехал из Парижа, не сказав куда. Так вот все и кончилось. И вдруг, – добавила Марта, помолчав, – сегодня вечером он возник передо мной, его ищут за убийства. Я его помыла, уложила под одеяло, и теперь он спит. Теперь тебе ясно?

– Ты никогда мне о нем не рассказывала.

– А зачем? Я ведь не знала, где он.

– Ну, хорошо, теперь ты знаешь. И я хотел бы знать, что ты собираешься делать с убийцей, который спит под твоим одеялом.

Марта шваркнула стаканом об стол.

– Уж позабочусь, чтобы никто к нему и близко не подошел и не сделал ему ничего плохого, понятно? Другого не остается.

Луи порылся в столе и достал утреннюю газету. Сложил ее на шестой странице и раздраженно кинул на стол перед Мартой:

– Ты кое о чем забываешь, Марта.

Та взглянула на заголовок статьи и на фотографии убитых женщин. Вторая жертва парижского убийцы.

– На, – сказал Луи, – прочти. Их душили чулком, потом руками, на теле десятки ранений то ли ножницами, то ли от-
верткой, то ли зубилом, то ли...

– Ты не понял, – сказала Марта, пожимая плечами. – Клеман не делал этих мерзостей. С чего ты взял? Повторяю: я пять лет воспитывала этого мальчишку. Это что-нибудь да значит. Думаешь, он вернулся бы к своей старой Марте, будь он убийцей?

– Не знаю, Марта, можешь ли ты представить, что происходит в голове убийцы?

– А ты можешь?

– Уж получше тебя.

– И Клемана ты тоже знаешь лучше меня?

– Что говорит твой Клеман?

– Что он знал этих женщин, что следил за ними и отнес им цветы в горшках. Это его в газете описывают. Тут сомневаться не приходится.

– Но женщин он, конечно, не трогал?

– Это правда, Людвиг.

– А зачем он следил за ними?

– Он не знает.

– Как так?

– Говорит, что ему поручили эту работу.

– Кто?

– Он не знает.

– Он что, законченный идиот?

Марта умолкла, поджав губы.

– В том-то и беда, Людвиг, – сказала она, волнуясь, – в том-то все и дело. Он не совсем... в общем... не совсем развит.

Марта сделала глоток вина и вздохнула. Луи посмотрел на чай, к которому ни он, ни она не притронулись. Потом неторопливо поднялся и отнес чашки в раковину.

– Если он ничего не сделал, – спросил он, споласкивая чашки, – почему тогда он прячется у тебя под одеялом?

– Потому что Клеман считает себя идиотом и думает, что, как только он выйдет, его сцапает полиция, и тогда ему не выпутаться.

– И ты всему этому веришь?

– Да.

– И отступать не собираешься?

Марта молча затянулась.

– Какого роста твой пацан?

– Среднего. Примерно метр семьдесят пять.

– Широкий в плечах?

– Скажешь тоже! – воскликнула Марта, задирая мизинец.

– Жди меня завтра к полудню и смотри не упусти его.

Марта улыбнулась.

– Нет, старушка, – Луи покачал головой, – не обольщайся. Я вовсе не уверен в нем так, как ты, далеко не уверен.

Я нахожу это дело сумбурным, драматичным и немного диким. Понятия не имею, что нам делать. Меня сейчас волнуют только обувные коробки и ничто другое, я уже говорил тебе.

– Одно другому не помеха.

– Ты все-таки решила идти домой?

– Ну да.

– Если завтра я найду тебя задушенной и исколотой ножами, сама будешь виновата?

– Я не боюсь. Он старух не трогает.

– Вот видишь, – пробормотал Луи, – ты и сама в нем не уверена.

Глава 7

Луи Кельвелер не смог заставить себя встать в десять, как рассчитывал. Он хотел зайти к Марку Вандузлеру прежде, чем отправиться к Марте, и теперь опаздывал. Он представлял, как Марта ждет его, съезжившись в кухне на табуретке, не сводя глаз с умственно отсталого чудовища убийцы. Вся Франция искала этого типа, а Марта не придумала ничего хитрее, как спрятать его у себя в гнездышке, словно это безделица. Луи, ворча, налил себе еще одну чашку кофе. Вырвать этого типа из цепких лап защищающей его Марты будет нелегко. Быстро это сделать не получится, придется собрать доказательства всех его преступлений, чтобы показать, как Марта была слепа. Да и тогда еще неизвестно, согласится ли она с ним расстаться.

Конечно, полиция бы все уладила. Через десять минут они были бы у Марты, парня забрали бы, и делу конец.

Но поступить так было бы гнусным предательством, и Марта с ходу отдаст концы. Нет, полицию звать нельзя. А то они и Марту упекут заодно. Луи обреченно вздохнул. Он чувствовал, что загнал себя в тупик, защищая убийцу, рискуя чужими жизнями, не говоря уж о жизни Марты, которая могла погибнуть в любую минуту, если этому парню вдруг в голову стукнет.

Он несколько раз провел рукой по волосам, не в силах

справиться с напряжением. Встреча с этим Клеманом будет нелегкой, Марта видит в нем только беззащитного ребенка, которого так любила, а для него он – человек с погубленным детством, вступивший на жестокий путь убийцы женщин. Придется как-то изловчиться и отобразить у нее это чудовище в обличье ребенка.

Луи оделся, думая о тех людях, которые пытались отобразить медвежонка у матери и погибли, а медвежонок-то и слова доброго не стоил. Он порылся в ящике кухонного стола, достал нож со штопором и сунул в карман. Только Марта могла не бояться убийцу с ножницами.

В полдень он постучался в лачугу Марка Вандузлера на улице Шаль. В этом квартале дом прозвали Гнилой лачугой³, несмотря на все новшества, привнесенные Марком и двумя приятелями, которых он позвал к себе жить. Похоже, дома никого не было, даже Вандузлера-старшего, крестного отца Марка, который жил на самом верху и сразу высовывался в форточку, когда слышал чьи-то шаги. Луи был у них всего два раза и теперь поднял голову, глядя на фасад дома. На четвертом этаже окна закрыты, там, если он не ошибается, обитает Люсьен Девернуа, специалист по современной истории, вечно поглощенный изучением хитросплетений Первой мировой войны. На третьем тоже никого, там живет Марк Вандузлер, историк, специалист по Средневековью. Никого

³ См. роман Ф. Варгас «Мертвые, вставайте».

и на втором, его занимает Матиас Деламар, специалист по древней истории. Луи покачал головой, пробегая взглядом по обветшалому дому, где трое искателей во времени поселились в строгом хронологическом порядке. За неимением места в обществе и работы Марк Вандузлер решил сохранить порядок хотя бы во времени. И они жили втроем друг над другом между первым этажом, который символизировал предвечный хаос, и верхним этажом, где обитал Вандузлер-старший, бывший полицейский с подмоченной репутацией, который был озабочен только тем, как с наибольшей приятностью потратить свое свободное время. И теперь Луи видел, что это сообщество малосговорчивых людей, поспешно созданное двумя годами раньше, чтобы вместе пережить безработицу и безденежье, уживалось лучше, чем можно было надеяться.

Луи толкнул старую решетку, которая никогда не закрывалась, и прошел по запущенному садику, который окружал старый дом. Через окно он разглядел большую комнату на первом этаже, которую Марк называл общественной столовой. Никого не было видно, входная дверь заперта.

– Здорово, Немец. Ищешь евангелистов?

Кельвелер обернулся и поприветствовал Вандузлера-старшего, который, улыбаясь, шел ему навстречу, таща за собой сумку-коляску, полную продуктов. Вандузлер называл своих сожителей Святым Марком, Святым Матфеем и Святым Лукой, или попросту «евангелистами», и им приходи-

лось терпеть, видя, что он не собирается бросать этой привычки.

– Привет, Вандузлер.

– Давно тебя не видно, – попенял ему старик, шаря в поисках ключей. – Будешь обедать? У меня на обед цыпленок, а вечером картофельная запеканка.

– Нет, я должен бежать. Мне нужен Марк.

– У тебя какое-то дело? Говорят, ты ушел на покой.

«Да уж, – раздраженно подумал Луи, – стоит только подумать про коробки для обуви, как это становится известно всему Парижу и всем до этого есть дело». В голосе старого сыщика слышался укор.

– Слушай, Вандузлер, не изображай полицейского. Сам прекрасно знаешь, невозможно всю жизнь ползать на брюхе.

– Ты не ползал, а раскрывал преступления.

– Один черт.

– Возможно, – кивнул старик, толкая дверь. – И чем сейчас занимаешься?

– Навожу порядок в ботинках, – сухо сказал Кельвелер.

– Вот как? Ну, это, конечно, проще сделать.

– Совершенно верно, это проще. И что? Ты вот картошечку запекаешь.

– А ты хоть знаешь, почему я картошку решил запечь? – спросил Вандузлер-старший, пристально глядя на него. – Ты отмахиваешься, не глядя, даже не спрашивая: «Чего это Арману Вандузлеру вздумалось запечь картошку?»

– Плевал я на твою чертову картошку, – слегка раздраженно ответил Луи. – Мне нужен Марк.

– А картошку я готовлю, – продолжал Вандузлер, открывая дверь столовой, – потому что я совершенствуюсь в ее приготовлении. То есть мой талант, да что я говорю, моя гениальная способность к запеканию не оставляет мне другого выхода. Вот и ты, Немец, ты бы тоже должен жуликов ловить, в отставке ты или нет.

– Никто не обязан делать только то, что умеет.

– Я говорил не о том, что мы умеем, а о том, в чем мы блистаем.

– Комната Марка на третьем? – спросил Луи, направляясь к лестнице. – Хронология не поменялась? На первом – хаос, на втором – древняя история, на третьем – Средневековье и на четвертом – Первая мировая?

– Точно, а я под крышей.

– И что ты символизируешь там наверху?

– Упадок, – улыбнулся Вандузлер.

– Верно, – пробормотал Луи, – я и забыл.

Луи вошел в комнату Марка и открыл дверцу шкафа.

– Ты чего за мной ходишь? – спросил он Вандузлера, который наблюдал за ним.

– Просто мне интересно, зачем ты роешься в шкафу у племянника?

– Где он, твой племянник? Я его несколько недель не видел.

– Он работает.

– Неужели? – сказал Луи, обернувшись. – И что он делает?

– Он тебе сам расскажет.

Луи выбрал две футболки, черные брюки, свитер, куртку и спортивный свитер. Он разложил одежду на кровати, осмотрел все вместе, добавил ремень с серебряной пряжкой и кивнул.

– Годится, – пробормотал он. – Отличный образец незрелой манерности Марка. У тебя чемодан есть?

– Внизу, в хаосе, – ответил Вандузлер-старший, указывая на пол.

Луи выбрал в чулане старый чемодан, аккуратно сложил в него одежду и попрощался со стариком. На улице он столкнулся с Марком Вандузлером.

– Хорошо, что встретились, – сказал Луи. – Я одолжил у тебя одежду.

Он положил чемодан на коленку и открыл его.

– Видишь? – сказал он. – Можешь проверить, если хочешь, Я тебе все верну, как только смогу.

– Зачем тебе мои шмотки? – недовольно спросил Марк. – Куда ты собрался? Зайдешь выпить?

– Времени нет. У меня одно неприятное свидание. Хочешь посмотреть, куда я несу твои вещи?

– А это интересно? Ты вроде отошел от дел. Луи вздохнул.

– Да, – подтвердил он, – да, отошел.

– И чем ты занимаешься?

– Коробками для ботинок.

– Да? – искренне удивился Марк. – И ты идешь уложить туда мою одежду?

– Твои вещи нужны, чтобы одеть одного скота, который убил двух женщин, – жестко сказал Луи.

– Двух женщин? Ты про кого? Про типа с ножницами?

– Да, про типа с ножницами, – сказал Луи, закрывая старый чемодан. – И что? Тебе жалко для него шмоток?

– Луи, ты издеваешься! Я тебя столько недель не видел, ты стащил мою лучшую куртку, чтобы нарядить в нее убийцу, и на меня же еще орешь!

– Заткнись, Марк! Хочешь, чтобы вся улица слышала?

– Да плевать мне. Ничего не понимаю. Я иду домой, у меня срочная глажка. Воруй мои шмотки, если тебе так нравятся.

Луи схватил его за плечо:

– Мне это не нравится, Марк. У меня выбора нет, и у меня голова кругом от всей этой истории. Говорю тебе, иначе нельзя. Этого типа надо спрятать, защитить, одеть, причесать, помыть.

– Как куклу, что ли?

– Лучше не скажешь.

Было почти час дня. Становилось все жарче.

– Что-то я тебя не пойму, – сказал Марк уже тише.

– Знаю. Похоже, что от этого типа у всех мозги становятся набекрень.

– От какого типа?

– От куклы.

– И почему ты возишься с этой «куклой»? – спокойно продолжал Марк. – Я думал, ты ушел на покой.

Луи поставил чемодан на тротуар, медленно засунул руки в карманы и уставился в землю.

– Этот тип, – проговорил он медленно и членораздельно, – этот тип с ножницами, этот убийца женщин, это – пупсик старой Марты. Если не веришь, идем. Пошли со мной, старик. Он сейчас у нее под одеялом.

– Таким большим красным?

– Что?

– Одеяло.

– Наплевать, Марк. Главное, что он там. Ты как будто нарочно делаешь вид, что не понимаешь! – Луи снова начал заводится.

– Я одного не пойму, – сухо отозвался Марк, – почему, черт возьми, этот тип – Мартин пупсик?

– Сколько на твоих?

У Луи никогда не было часов, он ориентировался по своему чувству времени.

– Без десяти час.

– Мы опоздаем, но давай зайдем в кафе, и я расскажу тебе, откуда у Марты этот пупс. Я сам узнал об этом сегодня ночью. И можешь поверить, веселого мало.

Глава 8

Марк и Луи молча дошли до площади Бастилии. Время от времени Марк забирал у Луи чемодан, потому что тот прихрамывал из-за покалеченного на пожаре колена и быстро уставал из-за жары. Марк с удовольствием поехал бы на метро, но, похоже, Луи совсем забыл, что оно существует. Он любил ходить пешком, в крайнем случае – на автобусе, а поскольку Луи был из тех людей, которые не терпят принуждения, Марк не сопротивлялся.

В два часа Луи остановился у двери маленькой квартирki, где жила Марта, в коротком тупике неподалеку от Бастилии. Поморщившись, он пристально взглянул на Марка своими зелеными глазами. Напряженный и взволнованный, он сейчас, по выражению Марты, прикидывался Немцем. А Марк говорил, что Луи «изображает Гота с нижнего Дуная».

– Волнуешься? – спросил Марк.

– По-моему, мы круглые дураки, – тихо сказал Луи, опершись на косяк. – Надо было предупредить полицию.

– Нельзя. – Марк тоже перешел на шепот.

– Почему?

– Из-за Мартиногo пупсика, – продолжал шептать Марк. – Ты же сам мне все объяснил недавно в кафе. Для полиции он убийца, но для Марты он как сын.

– А для нас – головная боль.

– Это точно. Давай звони, не вечно же тут торчать.

Марта осторожно открыла дверь и оглядела Луи, на лице у нее было то же упрямое выражение, что и накануне. Впервые в жизни она доверяла Луи только наполовину.

– Нечего прикидываться немцем, – сказала она, передернув плечами. – Сам видишь, он меня не съел. Заходи.

Она прошла в маленькую комнату и села на кровать рядом с худым парнем, который сидел не поднимая головы, и Марта похлопала его по руке.

– Это человек, о котором я тебе говорила, – тихо сказала она. – Он пришел с другом.

Тот посмотрел на них мутными глазами, и Луи был потрясен. Все или почти все выглядело отталкивающим в этом лице: оно было длинным и расплывшимся, с высоким лбом, бледной, чуть мраморной кожей и тонкими губами. Даже на уши с вывернутыми наружу краями было неприятно смотреть. Общее впечатление немного скрашивали глаза, большие и черные, но лишённые всякого выражения, и волосы, густые, светлые и вьющиеся. Луи как замороженный смотрел на Марту, которая без конца гладила по голове этого отвратного типа.

– Это тот человек, о котором я тебе говорила, – машинально повторила Марта, продолжая гладить его по голове.

Клеман изобразил некое подобие молчаливого приветствия. Так же приветствовал он и Марка.

И Луи понял, что перед ним идиот.

– Влипли по полной программе, – пробормотал он, ставя чемодан на стул.

Марта осторожно прошла те три метра, которые их разделяли, все время оглядываясь на кровать, как будто без нее могло что-то случиться с ее подзащитным.

– Чего ты на него так уставился? – гневно прошипела она. – Это не дикий зверь.

– На ангела он тоже не похож, – пробормотал Луи сквозь зубы.

– А я и не говорила, что он красавец. Нечего пялиться.

– Я вижу его таким, какой он есть, – нетерпеливо и еле слышно ответил Луи. – Вижу человека, о котором в газете написали, что он стоял под окнами двух жертв. Потому что, ты права, Марта, это он, никаких сомнений. Эта глупая рожа и военный клобук, все так и есть.

– Не говори о нем так, – грозно произнесла Марта. – Что на тебя нашло?

– А то, что дело его – труба.

– У него есть я. И если не хочешь помогать, ему и меня хватит. Можешь убираться.

Марк, наблюдавший ссору Луи и Марты, был смущен грубостью Кельвелера. Обычно Немец был спокойным и рассудительным, не судил сгоряча. Он сам был далек от совершенства и уважал чужие недостатки, всегда во всем сомневался и ни в чем не был уверен, а если позволял себе оскор-

бить другого, то только имея на то вескую причину. Непонятно, почему он накинулся на этого беднягу под одеялом. Но Луи не любил убийц и любил женщин. Он явно не верит в невиновность этого парня. Клеман, сжав пальцами коленки, не спускал с Марты глаз, пытаясь понять, что происходит. Марк вынужден был признать, что он действительно похож на идиота, и ему стало от этого грустно. Странного питомца выбрала себе Марта.

Он подошел к раковине, выпил воды из-под крана, утерся рукавом и похлопал Луи по плечу.

– Мы его даже не выслушали, – мягко сказал он, кивнув в сторону Клемана.

Луй сделал вдох, с удивлением отметив, что Марк был совершенно спокоен, тогда как он сам вышел из себя. Обычно все было наоборот.

– Я тебе уже говорил. От этого парня у всех голова кругом, – сказал он, успокаиваясь. – Принеси-ка нам пива, Марта, а мы попытаемся поговорить.

Он взглянул на парня с лицом придурка, который неподвижно сидел на кровати, держась за коленки, и пристально смотрел на него своими красивыми пустыми глазами на бледном лице.

Марта враждебно подвинула Луи деревянный стул. Марк взял большую подушку и устроился на полу по-турецки. Луи, взглянув на него с завистью, сел на стул, вытянув перед собой длинные ноги. Прежде чем начать, он глубоко вздох-

нул.

– Тебя зовут Клеман? А фамилия?

Молодой человек выпрямился.

– Воке, – охотно ответил, явно желая угодить. Потом посмотрел на Марту, та кивнула в знак одобрения.

– Зачем ты пришел к Марте?

Парень нахмурился и молча пожевал губами, как будто готовился к ответу. Потом снова взглянул на Луи.

– Буква «а», потому что я с моей стороны никого не знаю в Париже, буква «b», потому что я лично попал в ужасную махину. Махина, буква «с», была в газетах. Которую я сам мог услышать сегодня утром.

Ошеломленный Луи посмотрел на Марту.

– Он всегда так разговаривает? – шепнул он ей.

– Это ты на него так действуешь, – раздраженно ответила она. – Он старается говорить красиво, но у него не выходит. Говори попроще.

– Ты живешь не в Париже? – продолжал Луи.

– В Невере. Но я знаю Париж из моего личного детства. С Мартой.

– Но ты приехал сюда не к Марте?

Клеман Воке покачал головой:

– Нет, я приехал после телефонного звонка.

– А что ты делал в Невере?

– Я играл на аккордеоне днем на площадях и по вечерам в кафе.

– Ты музыкант?

– Нет, я просто играю на аккордеоне.

– Ты что, не веришь ему? – вмешалась Марта.

– Не лезь, Марта, дай мне договорить. Это и так тяжело, поверь. Лучше сядь и не изображай тигрицу в засаде, ты всем действуешь на нервы.

Луи снова заговорил спокойно и размеренно. Он сосредоточился на худом пареньке, а Марк наблюдал за ним, потягивая пиво. Его удивил красивый музыкальный голос Клемана. Его было приятно слушать, несмотря на словесную мешанину.

– Что было потом? – задал следующий вопрос Луи.

– С чем? – не понял Клеман.

– Что там было с этим телефонным звонком?

– Мне позвонили в кафе, где я работал, особенно по средам. Хозяин сказал, что спрашивают Клемана Воке, значит, меня.

– Так, – кивнул Луи.

– В телефоне спросили, хочу ли я работу с аккордеоном в Париже, в одном новом ресторане, будут очень хорошо платить по вечерам. Он слышал, как я играю, и у него была такая работа для меня.

– А дальше?

– Хозяин сказал, что я должен сказать «да». И я сказал «да».

– Как называется это кафе? То, в Невере?

– «Глаз рыси», вот как.

– Значит, ты сказал «да». И что потом?

– Мне все объяснили: в какой день я должен приехать, в какую гостиницу пойти, какой конверт мне дадут, название ресторана, где я буду работать. Я сделал все, как мне сказали, значит, буква «а», я приехал в четверг, и буква «b», я сразу пошел в гостиницу, и буква «с», мне сразу дали конверт с авансом.

– Как называется гостиница?

Клеман Воке молча пошевелил губами.

– Гостиница с шарами. Гостиница Трех Шаров, или четырех, или шести. В общем, много шаров. На станции Сент-Амбураз. Я смогу ее найти. Там моя собственная фамилия в книге, Клеман Воке, телефон в номере и ванная. Он позвонил и сказал, что они задерживаются.

– Что это значит?

– Они задерживаются. Я должен был начать в субботу, но ресторан еще не был готов, потому что ремонт задержали на три недели. Он сказал, что я пока буду делать другую работу. Вот так я лично и стал следить за женщинами.

– Постарайся рассказать так хорошо, как только сможешь, – попросил Луи, наклоняясь к нему. – Это ты придумал насчет женщин?

– Придумал насчет женщин?

– Говори яснее, черт тебя возьми! – накинулась Марта на Луи. – Ведь видишь, что парню тяжело. И так история запу-

танная, представь себя на его месте.

– Это ты придумал найти этих женщин? – продолжил Луи.

– Придумал найти женщин для чего? – спросил Клеман.

Он замолчал, озадаченно раскрыв рот, держа руки на коленях.

– Что ты хотел сделать этим женщинам?

– Я хотел подарить им цветок в горшке и последить за их...

Парень нахмурился, шевеля губами.

– ...за их нравственностью. Это слово сказали в телефоне.

Я должен был следить за их нравственностью, чтобы ресторан был спокоен за их поведение, когда женщины будут там работать. Официантками.

– Ты хочешь сказать, – спокойно сказал Луи, – что этот человек попросил тебя следить за будущими официантками и докладывать ему?

Клеман улыбнулся:

– Ну да. У меня лично были два адреса и две фамилии. Я должен был начать с первой и продолжить со второй. Потом была бы третья.

– Постарайся вспомнить точно, что сказал тебе тот человек.

Последовала долгая пауза. Клеман Воке шевелил губами и прижимал палец к носу. Марку показалось, что так он пытается заставить мысли выйти из своей головы. И, как ни странно, у него, похоже, получалось.

– Я буду говорить его голосом, – сказал Клеман, нахмутив брови и прижав ноздрю. – У него голос ниже, чем у меня. Я буду говорить так, как мне лично запомнилось: «Первую девушку зовут так-то, с виду она ведет себя хорошо, но ни в чем нельзя быть уверенным. Она живет на улице Аквитании, дом такой-то, и ты пойдешь убедиться в этом. Прятаться необязательно. И ты не устанешь. Стой на улице и смотри, водит ли она кого-нибудь к себе, мужчин, например, ходит ли она покурить в кафе или выпить, ложится ли она спать поздно или как. Для этого надо смотреть на свет в ее окне. И рано ли она встает или как. Будешь следить пять дней, пятницу, субботу, воскресенье, понедельник, вторник. Потом купишь цветок в пластмассовом горшке и отнесешь ей подарок от ресторана, чтобы посмотреть, как у нее дома. Я тебе позвоню в среду, и ты мне все расскажешь, а потом будешь делать то же самое со второй девушкой, какой, я тебе скажу».

Клеман шумно вздохнул и взглянул на Марту.

– Он лучше говорит, – сказал он, – но я все точно повторил. Эту работу я должен был делать, пока ресторан не откроется. Но он гораздо лучше говорит. Значит, буква «а», я был в сквере Аквитании и делал мою работу. Хотя, впрочем, буква «b», девушка вела себя очень хорошо, что я сам лично заметил, и в среду я выбрал красивый папоротник в горшке и позвонил ей в дверь. Папоротники хорошо пахнут. Она очень удивилась, но цветок взяла, а меня к себе не пу-

стила, она очень серьезная была, я не видел, как у нее дома, и огорчился. Потом, буква «b»...

Тут Клеман впервые запнулся, он явно был чем-то обеспокоен и повернулся к Марте.

– Я уже говорил букву «b», Марта? – прошептал он.

– Ты остановился на «с», – подсказала Марта.

– Буква «с», – продолжал Клеман, снова повернувшись к Луи, – я пошел к другой девушке и следил за ней с понедельника. Она вела себя не так хорошо, она жила на улице Башни Аббатис, и было совсем непохоже, что она скоро будет официанткой. Она не водила к себе мужчин, зато виделась с ними на улице, они вместе уезжали на синей машине, и она возвращалась очень поздно. Несерьезная девушка. И буква «d», я все-таки отнес ей цветок, но я выбрал папоротник поменьше из-за этого типа на синей машине, который мне не нравился. Она тоже взяла цветок, но тоже была удивлена и тоже не пустила меня к себе. И я закончил свою работу. По телефону тот человек из ресторана меня похвалил и сказал никуда не отлучаться, он мне скоро скажет, где живет третья девушка, я не должен был никуда выходить. Никуда.

– И ты сидел у себя в номере?

– Нет. Я через день вышел. Я пошел выпить кофе в кафе. Парень умолк, раскрыв рот, и поглядел на Марту.

– Ничего страшного, – успокоила она его, – продолжай.

– Ну вот, а там, – запинаясь, проговорил Клеман, – были люди и газета, они ее читали. Они говорили название улицы

и фамилию умершей девушки.

Клеман внезапно занервничал, встал и зашагал по комнате между кроватью и умывальником.

– Ну вот, – запыхавшись, сказал он, – это все.

– Но о чем ты подумал в кафе?

– Чтоб все провалилось! – закричал вдруг Клеман. – Не могу я больше рассказывать, хватит, слов больше нет! Я уже все самолично Марте объяснил, она может вам сказать! Не хочу больше, я устал от этих женщин. Когда я лично о них думаю, начинаю их хотеть.

Марта подошла к Клеману и обняла его за плечи.

– И он прав, – сказала она Луи, – ты парню всю голову заморочил своими вопросами. Знаешь что, малыш, – сказала она, повернувшись к Клеману, – пойди-ка ты прими душ, хотя бы минут пять постой под душем, я тебе скажу, когда хватит. И голову сполосни как следует.

Клеман кивнул.

– Раз уж так, – сказал Луи, открывая чемодан, – скажи ему, пусть наденет вот это. А мне пусть свои шмотки отдаст, мы их спрячем.

Марта протянула Клеману черную одежду и подтолкнула его к маленькой ванной. Потом недоверчиво взглянула на Луи:

– Отдать тебе его шмотки? Чтобы ты самолично их взял и передал полиции?

– Ты говоришь как он, – заметил Луи.

– А что я сказала?

– «Самолично».

– Ну и что? Кому какое дело?

– Просто сразу видно, что ты под его влиянием, старушка.

Ты у него на крючке, если хочешь знать.

– Ну и что? Это мой паренек, разве не так?

– Это самолично твой паренек.

– Нечего надо мной издеваться.

– Я и не издеваюсь. Просто хочу тебе втолковать, что за этого мужика, которого ты шестнадцать лет не видела, ты готова своих друзей поубивать.

Марта села на кровать.

– Кроме меня никто ему не поможет, – тихо произнесла она, – вот что меня грызет, Людвиг. Я одна ему верю, но он говорит правду, потому что только Клеман мог согласиться на такую работу, следить за женщинами, не задавая вопросов, ни о чем не подозревая, не пытаюсь понять, не читая газет... И еще он эти папоротники отнес, там полно его отпечатков... Это меня и гложет. Ты хоть представляешь, сколько там отпечатков? Это гиблое дело, Людвиг, гиблое! Клеман слишком глуп, а тот, другой, слишком хитер!

– Ты действительно считаешь его глупым?

– А ты думаешь, что он притворяется?

– Все может быть.

– Нет, Людвиг, нет... Он уже маленький таким был. Бог его знает, может, я слишком стара стала, но ты же сам ви-

дишь... Дурная наследственность, вот и все, и тут ничего не поделаешь.

– Где он так говорить научился?

Марта вздохнула.

– Он говорит, что это чтобы выглядеть пристойно... Скорее всего, нахватался этих словечек то там, то сям, а теперь и говорит их как попало. Но ему кажется, что это звучит солидно, понимаешь? Что... что ты о нем думаешь?

– Мало хорошего, Марта.

Марта понурила голову:

– Так я и знала. Он не производит хорошего впечатления.

– Дело не только в этом, Марта. Он нервный и, возможно, агрессивный. И не может себя держать в руках, когда говорят о женщинах. Его это смущает.

– Меня тоже, – сказал Марк.

Луи повернулся к Марку, который по-прежнему сидел на полу по-турецки и смотрел на него с улыбкой.

– Ты что-то совсем притих, – сказала Марта, – даже не похоже на тебя.

– Я слушал его, – объяснил Марк, кивнув в сторону ванной. – У него красивый голос.

– Что ты там говорил про женщин? – спросил Луи, взяв новую бутылку.

– Что меня тоже смущает, когда о них говорят, – ответил Марк, четко выговаривая слова. – Если в нем есть что нормального, так это оно. Зря Луи бросается на этого парня, он

и так никому не нравится. Зато я очень даже понимаю его любовь к Марте.

Марк подмигнул старой Марте. Луи размышлял, развываясь в кресле и вытянув ноги.

– Возможно, тебя тоже обвели вокруг пальца, – сказал он, глядя в стену. – Это его голос на тебя действует. Он музыкант, и под звуки красивой музыки ты и воевать побежишь, как последний дурак.

Марк пожал плечами.

– Я просто думаю, что таких, как он, не часто встретишь, – сказал он. – Настолько тупого, чтобы выполнить все точь-в-точь, как ему велят, ни о чем не спрашивая. Настолько слепого, чтобы не видеть яму, которую роют у него под ногами, да он просто находка для мошенника. Над этим стоит задуматься.

В эту минуту из ванной с мокрой головой вышел Клеман, одетый в черную одежду Марка. В руке он держал ремень с серебряной пряжкой.

– Мне лично надо и это надеть? – спросил он.

– Да, – сказал Луи, – самолично надевай.

Клеман принялся вставлять ремень в петли, для него это было нелегкой задачей.

– Ты мне так и не ответил. О чем ты подумал в кафе, когда услышал про эту историю с убийствами?

Клеман что-то проворчал, потом прошлепал босыми ногами до кровати и уселся на прежнем месте, держа носки в

руках. Он снова прижал пальцем ноздрю, потом принялся натягивать носок.

– Буква «а», что я знал женщину, которая умерла и которой я подарил папоротник. Буква «b», что я принес ей несчастье, потому что наблюдал за ней. И обо мне говорилось в газете. Это когда я лично обнаружил совпадение, тогда я и подумал, что я в ловушке, из которой я и пошел искать Марту.

Держа в руке носок, Клеман придвинулся вплотную к Луи.

– Это махина, – сказал он.

– Махинация, – поправила Марта.

– Из которой нет выхода, – уверенно продолжал Клеман, – меня специально выбрали и по телефону вызвали из Невера.

– И почему среди прочих выбрали именно тебя?

– Потому что я среди прочих дурак.

Последовало молчание. Парень старательно натягивал второй носок.

– Откуда ты знаешь? – спросил Луи.

– Да потому что мне всегда это твердили, – ответил Клеман, пожимая плечами. – Потому что я лично не понимаю, что люди говорят, и что вокруг происходит, и в газетах тоже что пишут, потому что мне читать трудно. Только Марта мне никогда так не говорила, но Марта-то добрая.

– Это точно, – отозвался Марк.

Клеман взглянул на Марка и улыбнулся ему. Он улыбался застенчиво, не показывая зубов.

– Ты знаешь, как умерли эти женщины? – не отставал Луи.

– Я не хочу про это говорить, я от этого волнуюсь.

Марк, наверно, хотел вставить «я тоже», но Луи взглядом удержал его.

– Ладно, Марк, пока хватит, – сказал он, вставая.

Марта поглядела на него с тревогой.

– Нет, – недовольно проговорил Луи. – Не знаю, Марта.

Но пока, что бы там твой парень ни натворил, мы влипли, как последние идиоты. Постриги его покороче и перекрась. Только, ради бога, ничего кричащего, сделай из него красивого брюнета. Ни в коем случае не рыжего. Пусть отпустит бороду, мы ее тоже потом выкрасим, если нас раньше не сцапают.

Марта хотела что-то сказать, но Луи приложил палец к ее губам.

– Подожди, старушка, дай мне закончить и сделай в точности, как я скажу: ни под каким видом не дай ему выйти отсюда, даже если станет вопить, что пойдет выпить кофе в кафе.

– Я ему почитаю книжку.

– Ну-ну, – раздраженно сказал Луи. – И закрывай дверь, когда будешь уходить. Дай мне его пожитки, все, что есть. Надо от них избавиться.

– А как я узнаю, может, ты их себе оставишь?

– Никак не узнаешь. У тебя оружие есть?

– Мне его не надо.

Марта собрала вещи Клемана и сунула их в его рюкзачок.

– А аккордеон? – спросила она. – Ты же его не заберешь?

– Он брал его с собой, когда следил за женщинами?

Марта вопросительно посмотрела на Клемана, но он не слушал их разговор. Сидя на кровати, он расправлял рукой складки.

– Малыш, – обратилась к нему Марта, – ты брал с собой аккордеон, когда следил за женщинами?

– Конечно нет, Марта. Он такой тяжелый, да и зачем он нужен, когда за кем-то следишь?

– Ну вот. – Марта снова повернулась к Луи. – М в газетах об этом ни слова.

– Очень хорошо. Но пусть к нему не притрагивается, чтобы ни одной ноты не было слышно, проследи за этим. Никто не должен знать, что у тебя кто-то есть. Когда стемнеет, мы придем за ним и уведем отсюда.

– Уведете?

– Да, старушка. В такое место, где нет женщин, которых можно убить, и там, где за ним можно будет наблюдать день и ночь.

– В кутузку? – вскрикнула Марта.

– Да не ори ты все время! – вдруг нервно огрызнулся Луи уже третий раз за утро. – Хоть раз доверься мне! Просто надо убедиться, кто этот парень, зверь или просто дурак! Только так мы выпутаемся из этой истории! Пока я все не выясню, легавым я его не отдам, ясно?

– Ясно. А куда ты его отведешь?

– В Гнилую лачугу. К Марку.

– Что? – удивился Марк.

– Больше некуда, Марк, ничего не могу другого придумать. Этого придурка надо срочно спрятать от полиции, да и от него самого. У тебя в доме женщин нет, это уже большой плюс.

– Надо же, – сказал Марк, – никогда бы не подумал, что это плюс.

– И потом, нужно, чтобы кто-нибудь следил за ним: Люсьен, Матиас, ты и твой крестный.

– А с чего ты взял, что мы согласны?

– Вандузлер-старший согласится. Он любит разные паршивые истории.

– Это верно, – признался Марк.

Взволнованный Луи дал Марте еще кое-какие наставления, взглянул напоследок на Клемана Воке, который уныло разглаживал рукой одеяло, закинул рюкзак на плечо и потянул Марка на улицу.

– Пойдем перекусим, – сказал Марк. – Уже почти четыре.

Глава 9

– Найди столик поукромнее, – сказал Луи, входя в кафе на площади Бастилии. – С нашими заморочками нам сейчас лучше не светиться. Пойду-ка позвоню, а ты закажи что-нибудь.

Через несколько минут Луи вернулся.

– У меня встреча с комиссаром Девятого округа, – объявил он, садясь. – Там было второе убийство, на улице Башни Аббатис.

– И что ты ему скажешь?

– Ничего, его послушаю. Хочу узнать, что полиция думает об этих убийствах, какие у них версии и до чего уже докопались. Может, они уже и фоторобот сделали. Неплохо было бы взглянуть.

– Думаешь, комиссар так тебе все и выложит?

– Надеюсь. Мы когда-то вместе работали в министерстве.

– А под каким предлогом ты будешь его выпрашивать?

Луи задумался:

– Скажу, что эти убийства мне что-то напоминают, не могу вспомнить, что именно. Что-нибудь наплету, не важно.

Марк с сомнением покачал головой.

– Да хватит и этого. Комиссар ко мне хорошо относится, я помог его сыну в одном деликатном деле восемь лет назад.

– Что за дело?

– Он с кучкой бритоголовых приторговывал сильным кокаином, настоящей крысиной отравой. Я успел его вытащить прямо перед облавой.

– И с какой стати ты это сделал?

– С такой, что это был сын полицейского, а это всегда может пригодиться.

– Браво.

Луи пожал плечами:

– Он был не опасен. Не тот окрас.

– Ну да...

– Уж я-то разбираюсь! – повысил голос Луи и посмотрел на Марка.

– Ладно, – сказал Марк, – давай поедим.

– Я его ни разу среди них не видел, не строй из себя святошу. Сейчас главное вытащить Марту из того феерического дерьма, в которое она ухитрилась вляпаться. И нам нужны сведения от полиции. Очень важно знать, куда идут они, чтобы знать, куда идти нам. Думаю, что полиция, как и журналисты, нацелились на серийного убийцу.

– А ты нет?

– Я нет.

– На сведение счетов что-то не похоже. Он выбирает случайных женщин.

Луи махнул рукой, быстро глотая жареную картошку. Он почти всегда ел медленно, но сейчас торопился.

– Конечно, – сказал он. – Я думаю, как ты и как все осталь-

ные: это сумасшедший, маньяк, свихнувшийся на сексуальной почве, называй, как хочешь. Но это не серийный убийца.

– Хочешь сказать, что больше он убивать не будет?

– Наоборот. Он будет убивать и дальше.

– Черт побери, надо думать.

– Здесь дело в арифметике, я тебе потом объясню, – сказал Луи, быстро глотая пиво. – Я убегаю. Отнеси, пожалуйста, вещи Мартинового пупсика к себе в лачугу, не тащить же мне их с собой в полицию. И жди меня.

– Раньше восьми не приходи, я буду на работе.

– Ну да, – сказал Луи, – ты вроде работу нашел? В Средневековье?

– Нет. Работа по дому.

– То есть?

– Я с тобой самолично по-французски говорю, Луи. Работа по дому. Вот уже три недели, как я горничной работаю на две трети ставки. Пропылесосить, полы натереть, пыль протереть, постирать, помыть, довести до блеска. А глажку на дом беру. И ты сам сейчас похож на святошу. Иди к своему комиссару, а меня грязные полы ждут.

Глава 10

Окружной комиссар Луазель не заставил Луи ждать в коридоре. Похоже, он был искренне рад его видеть. Луазелю, как и Луи, было около пятидесяти. Это был невысокий блондин, который курил сигареты, тонкие как соломинки. В министерстве Луи Кельвелера называли Немцем, и Луазель тоже звал его так. Луи давно перестал обращать на это внимание. Наполовину немец, наполовину француз, он родился во время войны и не знал, где его корни. Он хотел бы называться Рейном, но это была его высокомерная мечта, о которой он никому не говорил. Все вокруг называли его Людвигом или Луи, и только Марк Вандузлер, неизвестно по какому наитию, иногда звал его «сыном Рейна».

– Здорово, Немец, – сказал Луазель. – Рад тебя видеть. Сколько лет...

– Как сын? – спросил Луи, присаживаясь.

Луазель поднял обе руки в знак того, что все в порядке, и Луи кивнул.

– А ты как? – продолжал комиссар.

– Меня вышибли из министерства четыре года назад.

– Чего и следовало ожидать... Ты совсем отошел от дел?

– Живу переводами.

– Но делом Севрана ведь ты занимался, разве не так? А банда неонацистов в Дрё и старик в мансарде?

– Ты хорошо осведомлен. Пришлось заняться кое-чем факультативно. Держаться в стороне труднее, чем ты думаешь, если у тебя картотека. Старые дела преследуют, врезаются в память. Только рядом что-то случится – сразу вспоминаешь про папки в шкафу. Не дают они спать спокойно.

– И что на сей раз?

– Я тихо-мирно переводил биографию Бисмарка, и тут какой-то тип убил в Париже двух женщин.

– Убийца с ножницами?

– Да.

– Это тебе что-то напомнило? – спросил Луазель, сразу заинтересовавшись.

– Меня это зацепило. Что-то напоминает, но пока не пойму, что именно.

Какая чушь, подумал Луи.

– Ты мне басни плетешь, – сказал Луазель, – это тебе что-то напоминает, и ты не хочешь мне говорить что.

– Да нет, честное слово. Какое-то смутное воспоминание, ни имен, ни лиц, поэтому я к тебе и пришел. Мне нужны точные сведения. Конечно, если тебе удобно об этом говорить.

– Удобно, – неуверенно сказал Луазель.

– Если все подтвердится, я тебе расскажу, что меня беспокоит.

– Договорились. Я знаю, что ты честный человек, Немец. Ничего плохого в том, что мы поговорим об этом. Не думаю, что ты разболтаешь журналистам.

– Они уже и так почти все знают.

– Да, почти. Ты уже виделся с комиссаром Девятнадцатого? Говорил о первом убийстве?

– Нет, я сразу к тебе.

– Почему?

– Не нравится мне комиссар из Девятнадцатого. По-моему, он кретин.

– А... Ты не перебарщиваешь?

– Нет.

Комиссар зажег одну из своих сигарет-соломинок.

– Я тоже так думаю, – бросил он.

Луи понял, что только что заключил прочный союз, ибо ничто так не сплачивает двоих, как объявить дураком третьего.

Луазель прошаркал к несгораемому шкафу. Он всегда шаркал ногами, странная привычка для человека, который любил крепкие мужские словечки. Он достал с полки толстую папку и театрально кинул ее на стол.

– Вот, – вздохнул он, – самое грязное дело о столичном маньяке-убийце, которое только было за многие годы. Нечего и говорить, министерство на нас всех собак спустило. Так что, если сумеешь помочь мне, я в долгу не останусь – дашь на дашь – все по закону. Если тебе попадетсЯ этот парень...

– Само собой, – заверил Луи, думая, что в эту самую минуту парень свернулся под одеялом у Марты, а та читает ему книжку, чтобы развлечь этого блаженного.

– Что ты хочешь знать? – спросил Луазель, листая досье.

– Про убийства. Есть ли какие-то детали, не описанные в газетах?

– Не так много. Вот посмотри на фото, тебе это больше поможет. Как говорится, картина маслом... Про первое убийство, это было двадцать первого июня на улице Аквитании. Комиссар уперся как бык, не захотел сотрудничать! Представляешь? Пришлось звонить в министерство, чтобы прочистили ему мозги.

Луи ткнул пальцем в одну из фотографий:

– Это женщина с улицы Аквитании. Красивой не назовешь, но судить сложно, лицо искажено от удушья. Он вошел к ней в квартиру неизвестно как, где-то около семи вечера. Заткнул ей рот тряпкой и, похоже, зверски прибил об стену.

– А говорили, что он ее задушил.

– Да, но сначала оглушил. Не так просто душить сразу, если можно так выразиться. Потом он подтащил ее к ковру на середину комнаты, там остались следы ботинок. И вот тут уже он ее задушил, а потом раз двенадцать ударил чем-то острым, скорее всего маленькими ножницами. Этот тип просто чудовище.

– Сексуальное насилие было?

Луазель воздел руки к небу и снова уронил, как бы выражая недоумение:

– Ничего!

– Ты вроде как удивлен?

– В подобных случаях всегда ожидаешь обнаружить следы. Сам посмотри: одежда в порядке, и поза убитой вполне пристойная. Никаких следов секса.

– А эта женщина... Напомни, как ее зовут...

– Надя Жоливе.

– По ней что-нибудь есть?

– Мой коллега наводил справки, но ничего интересного не обнаружил. Читай сам: тридцать лет, секретарша в коммерческой фирме, собиралась замуж. Самая обычная женщина. Когда через десять дней произошло второе убийство, он бросил заниматься Надей. И я бы так поступил, как только узнали об этой сволочи, который следил за ними. Что касается моей жертвы...

Луазель замолчал, листая папку, потом вынул из него пачку фотографий и разложил их перед Луи:

– Вот она. Симона Лекур. То же самое, видишь, все совпадает до мельчайших подробностей: оглушили, вытащили на середину комнаты с кляпом во рту и убили.

Луазель покачал головой, ломая сигарету.

– Какая мерзость, – закончил он.

– А что за тряпка?

– Самая обычная.

– Между двумя жертвами никакой связи?

– Никакой. Это мы быстро выяснили, потому что убийца почти уже у нас в руках, но эти две женщины явно никогда не встречались. У них совершенно ничего общего, разве что

обеим по тридцать лет, обе служащие и не замужем. Кроме того, обе особенной красотой не отличались, и они совершенно не похожи одна на другую. Одна брюнетка, у другой волосы скорее светлые, одна худая, другая пухленькая... Если они напоминают убийце его мать, то воспоминания у него довольно расплывчатые.

Луазель улыбнулся и взял новую сигарету.

– Но мы найдем этого ублюдка, – произнес он уверенно, – это дело нескольких дней. Ты читал газеты... Все свидетели описали человека, который торчал перед домом жертв за несколько дней до убийства. По-моему, парень болван, каких мало, поэтому мы его быстро возьмем. Представляешь, у нас семь надежных свидетелей... Семь! Уже одного этого достаточно. Он был настолько у всех на виду, стоял у дверей дома, его бы вся страна заметила. И еще одна коллега Нади показывает, что видела, как этот тип шел за ней, когда она выходила с работы, два дня подряд. И приятель Симоны его тоже заметил, когда провожал ее домой поздно вечером. Теперь понимаешь, вычислить его – раз плюнуть.

– У вас и отпечатки его есть?

– Все десять пальчиков на цветочном горшке. Ты видел такого идиота? Папоротник в горшке в квартире обеих жертв, и на каждом его отпечатки. Наверное, так он и проникал в квартиры. Девушка не испугается парня, который принес ей цветок. Хотя мог бы выбрать что-нибудь получше, чем папоротник. Говорю же тебе, кретин, опасный псих.

– Все-таки папоротники неплохо пахнут. А в других местах есть его отпечатки?

– Нет, только на горшках.

– И как ты это объяснишь? Он несет горшок голыми руками, но ухитряется больше нигде не наследить? И если он для убийства надел перчатки, то почему не забрал с собой горшок, когда уходил?

– Да, знаю, мы над этим тоже думали.

– Не сомневаюсь.

– Он вполне мог оглушить ее, задушить и нанести раны, не оставляя отпечатков. На полу ковер, а не паркет и не пластик. Возможно, он законченный кретин, как я тебе уже сказал, который просто не думал ни о чем. Такое бывает.

– Почему бы и нет... – проговорил Луи, а сам представил себе маленького человека с пустыми глазами, за которым Марта ухаживала, словно он фарфоровый. Они там наверняка уже все закончили, и Марта постригла его в своей малюсенькой ванной и покрасила ему волосы.

– Как он выглядит? – спросил вдруг Луи.

Луазель снова прошел к несгораемому шкафу и вытащил другую папку.

– Совсем свеженький, – сказал он, открывая ее. – Только что напечатали. Я же тебе сказал, семь верных свидетелей. На, посмотри и скажи, разве этот подонок не полный дебил?

Луазель положил портрет на стол, и Луи был потрясен. Сходство оказалось поразительным.

Глава 11

Клеман Воке заснул сразу после ухода Луи, даже есть не стал. И с тех пор спал, свернувшись, на красной перине, а Марта ходила по комнате так тихо, как только умела, а ей для этого пришлось постараться. Время от времени она подходила к кровати и смотрела на своего Клемана. Он спал открыв рот, на подушку тянулась слюна. Ничего, белье она поменяет. Она понимала, что Луи он не мог понравиться, вид у него был отталкивающий. Другим, наверно, тоже. Даже наверняка. Вся штука в том, что ей не удалось до конца обучить его, поэтому все так и вышло. Он был не таким, каким казался. Если он выглядит вруном, это потому что попал в переделку, а губы кривит, потому что он защищается. Глаза у него всегда такими были, густо-черные, зрачка не видать. Но такая глубокая чернота даже красива, таким глазам можно и позавидовать. Если бы ей оставили ее Клемана хоть на немножко, он бы изменился, уж она-то знает. Хорошее питание, немного солнца, и он бы поздоровел, поправился. Она бы читала ему книги, научила его говорить как положено, вместо той мешанины, которой он бог знает где нахватался. Она бы отучила его от слов-паразитов «что касается меня» и «самолично», как будто ему каждый раз нужно доказывать, что он существует. Да, она бы поставила на ноги своего малыша. Он попал в ужасную историю, но если все уладится,

она им займется, сама судьба привела его к ней. Она сделает его красивым. Наверняка все эти шестнадцать лет о нем никто не заботился. С ней он снова станет красивым, и Людвиг подивится на ее работу.

Это напомнило ей книжку, которая была у нее в детстве, она называлась *«Как дурнушка стала красавицей»*. Маленькая девочка была некрасивой, но в конце, после того, как ей все помогли, Марта уже забыла почему – дождевые капли, белки, птички и все, что ни есть в лесу, она превратилась в *грациозную красавицу* и стала королевой. А в другой ее любимой книге, которая называлась *«Смелый утенок»*, говорилось про глупого утенка, который ходил в клетчатых штанах, делал разные глупости, но в конце ему везло, настоящее чудо. Марта вздохнула. Ты бредишь, старушка. Эти сказки уже не для тебя. Ни смелый утенок, ни уродина, ставшая красоткой. Правда в том, что Людвигу не понравился ее парнишка, и все шло наперекосяк. Тут и вся лесная живность не поможет, да и с чего ей помогать!

Марта прошлась по комнате, бормоча себе под нос. Нечего ждать помощи от белок. Надо пока помочь мальчику изменить внешность, а потом постричь его, как Людвиг велел. Немец злился, это правда, но он не отдаст его легавым. Во всяком случае, не сразу. У нее еще есть время поработать над парнем.

Она тихонько потрясла Клемана за плечо.

– Просыпайся, сынок, – сказала она, – сейчас твоей голо-

вой займемся.

Она усадила его на табурет в ванной и завязала ему салфетку вокруг шеи. Молодой человек повинился, не говоря ни слова.

– Надо постричь тебя покороче, – сказала Марта.

– Мои уши будут видны, – возразил Клеман.

– Я тебе над ушами немного оставляю.

– Почему у меня уши не заворачиваются?

– Не знаю, сынок. Не волнуйся об этом. Посмотри на Людвига, у него уши не лучше. Они у него огромные, но он все равно красивый.

– Людвиг, это человек, который мне вопросы задавал?

– Да, это он.

– Я лично от него устал, – жалобно сказал Клеман.

– Работа у него такая – людей утомлять. Делать нечего. Он по всей земле ищет негодяев, самых разных негодяев, потому и утомляет всех. Это как если ты трясешь дерево, когда хочешь, чтобы орехи упали. Не потрясешь – и орехов не добудешь.

Клеман кивнул. Это напоминало уроки, которые давала ему Марта в детстве.

– Не вертись, а то криво получится. У меня кухонные ножницы, не знаю, как они волосы стригут.

Вдруг Клеман поднял голову:

– Ты не сделаешь мне больно этими ножницами, Марта?

– Да нет, малыш. Сиди спокойно.

– А что ты говорила про уши?

– Что если ты хорошенько посмотришь на уши других людей, только на уши, например в метро, то увидишь, что они у всех просто ужасные. Да и хватит про эти уши, а то противно уже.

– Я тоже уши не люблю. Особенно у женщин.

– Ну а я у мужчин. Видишь, сынок, так в природе все устроено.

Да, говорила себе Марта, оттягивая пряди волос, она снова возьмется за его воспитание, если ей дадут время.

– А после стрижки я покрашу тебя в черный цвет, очень темный, как твои глаза. Потом намажем тебя тональным кремом, цветом загара, чтобы все ровно было. Доверься мне. Вот увидишь, ты будешь красивым, а полицейские пусть бегают тебя ищут. А на обед съедим свиную котлету. Все будет хорошо.

Глава 12

Марк Вандузлер поздно закончил работу у мадам Малле, и когда он вернулся, все уже сидели за столом. Сегодня была очередь крестного готовить, и он приготовил картофельную запеканку. Он совершенствовал свое искусство запекания.

– Ешь, а то остынет, – сказал Вандузлер-старший. – Хотел тебе сказать, что Немец приходил и взял кое-что из твоих вещей, я решил, что тебе надо знать.

– Я знаю, – ответил Марк, – мы виделись.

– А зачем ему эти шмотки? Марк положил себе картошки.

– Чтобы спрятать кое-кого от полиции.

– Это в духе Кельвелера, – проворчал крестный. – Что он натворил?

Марк посмотрел по очереди на Матиаса, Люсь-ена и крестного, которые в счастливом неведении уплетали запеканку.

– Да так, ничего особенного, – сказал он угрюмо. – Это просто тот псих, который убил двух женщин в Париже, убийца с ножницами.

Все дружно подняли головы, Люсьен громко хмыкнул, Матиас промолчал.

– Еще хотел вам сказать, – продолжал Марк тем же тоном, – что сегодня он ночует у нас, я его пригласил.

– Это еще что за шутки? – весело осведомился Вандуз-

лер-старший.

– Сейчас расскажу.

Марк пошел проверить, хорошо ли закрыты окна.

– Антикризисный комитет, – проговорил Люсьен.

– Заткнись, – посоветовал Матиас.

– Убийца с ножницами, – продолжил Марк, садясь за стол, – тот самый, о котором трубят все газеты, прячется у старой Марты, она заботилась о нем в детстве, когда он был маленьким и несчастным. Марта вцепилась в свою куклу, как львица, и вопит, что он невиновен. Она попросила Луи помочь. Но если Луи отдаст его полиции, Марта тоже пойдет за решетку. Ну, вы помните поговорку про купель и младенца, так что сами понимаете, как все сложно. И Луи сегодня вечером приведет парня к нам, потому что боится, как бы тот не уколошил Марту. А здесь нет ни одной женщины, только не подумайте, что меня это радует. Здесь только четверо одиноких мужиков, на которых, как он считает, можно положиться. Мы должны будем следить за ним день и ночь. Вот.

– Всеобщая мобилизация, – снова вставил Люсьен, жуя картошку, – перед этим стоит как следует накормить солдат.

– Может, это и смешно, – сухо сказал Марк, глядя на товарища, – но если бы ты видел Марту, постаревшую на десять лет, если бы ты видел этого жалкого болвана и то, как выглядят убитые женщины, ты бы меньше хохмил.

– Да знаю я. Ты меня за идиота держишь?

– Извини. Я весь пол выдраил у мадам Молле и подыхаю от усталости. Теперь, когда вы в курсе, я поем и помолчу, а за кофе расскажу подробности.

Марк редко пил кофе, от него он начинал нервничать, и все считали, что ему он не нужен, потому что и без того было похоже, как будто он пьет по десять чашек в день. С другой стороны, кофе отнюдь не успокаивал и Люсьена Девернуа, который любил произносить речи. Но поскольку Люсьен всегда не прочь был поскандалить, он ни за что на свете не лишил бы себя возбуждающего напитка. Что до Матиаса Деламара, он был кроткого нрава и порой просто поражал своей молчаливостью, кофе ничего тут не менял. Тем временем, пока крестный налил три чашки, Марк пытался разложить гладильную доску. Матиас пришел ему на помощь. Марк включил утюг, подвинул к себе корзину, доверху набитую бельем, и бережно разложил на доске блузку.

– Это хлопок с вискозой, – сказал он, – нужно гладить осторожно.

Потом он кивнул, как бы убеждая самого себя соблюдать это новое правило, и стал рассказывать подробности истории с Мартиным питомцем. Время от времени он замолкал, чтобы побрызгать на белье из пульверизатора, Марк был категорически против утюгов с паром. Матиас считал, что Марк прекрасно справляется. С тех пор как уже три недели Марк брал гладить на дом, четверо мужчин нередко задерживались внизу, собравшись вокруг дымящейся гладильной дос-

ки, над которой колдовал Марк. Он подсчитал, что за четыре часа уборки в день и два часа глажки дома у него выходило семь тысяч двести франков в месяц. По утрам у него оставалось время на Средние века, и пока он прекрасно успевал разбирать бумаги по арендным договорам тринадцатого века по утрам и ходить пылесосить после обеда. Однажды вечером, глядя, как Люсьен натирает большой стол мягкой тряпкой и при этом разглагольствует о том, что чистота это его страсть, Марк Вандузлер, который до этого ничего не смыслил в уборке, решил заняться ею профессионально. И это после двенадцати лет безработицы в Средних веках. Он попросил Марту быстренько обучить его и меньше чем за две недели нашел четырех клиентов. Люсьен, пессимист по натуре, с большой тревогой наблюдал за превращением своего друга в уборщика. Его не беспокоило то, что Средневековье потеряет исследователя, потому что Люсьену, как историку, занятому исключительно современностью и катаклизмами Первой мировой войны, было наплевать на Средние века. Но он боялся, что Марк не сможет привыкнуть к новой работе и что на деле все окажется гораздо труднее. Однако, против ожидания, Марк держался стойко, и теперь ему даже было интересно сравнивать чистящие средства, например, те, что чистят и полируют, с теми, что просто чистят. Первые только грязь развозят, считал Марк.

Он закончил рассказ о Марте и убийце, и сейчас каждый по-своему переживал, думая, что им придется прятать этого

типа и наблюдать за ним.

– Где мы его поселим? – деловито спросил Матиас.

– Там. – Марк указал на маленькую комнату, смежную с большой. – Где же еще?

– Его можно поселить в сарае для инструментов, на улице, – предложил Люсьен, – и запирать на щеколду. Сейчас на улице нехолодно.

– Ну да, а вся улица будет видеть, как мы носим ему еду, и через два дня жди полицию. А про туалет ты подумал? Ты, что ли, будешь за ним ведро выносить?

– Нет, – сказал Люсьен. – Просто нет желания жить в одном доме с психом. Не приучены мы сидеть взаперти с убийцей.

– Ты, похоже, совсем ничего не понял, – сказал Марк, повышая голос. – Все дело в Марте. Хочешь, чтобы ее посадили?

– Утюг! – крикнул Матиас.

Марк чертыхнулся, хватая утюг.

– Вот видишь, болван. Еще чуть-чуть – и я бы сжег юбку мадам Туссен. Я тебе уже объяснил, что Марта верит своему Клеману, она верит, что он невиновен, и нам остается верить в то, во что верит Марта, пока мы не убедим ее в обратном.

– Так бы сразу и сказал, – вздохнул Люсьен.

– Короче, – подытожил Марк, выключая утюг, – мы поселим его в маленькой комнате внизу. Снаружи закроем ставни. Предлагаю, чтобы сегодня ночью его сторожил Матиас.

– Почему именно Матиас? – спросил крестный.

– Потому что я устал, потому что Люсьен против этой затеи и доверять ему нельзя, а Матиас человек надежный, храбрый и сильный. Он один сможет справиться. Пусть он будет первым, а мы примем эстафету завтра.

– А меня ты не спросил, – заметил Матиас. – Ну ладно. Посплю у камина. Если он...

Марк жестом остановил его.

– Вон они, – сказал он. – Зашли в ворота. Люсьен, на стене ножницы! Сними и спрячь. Не стоит черта дразнить.

– Я этими ножницами резанец подстригаю, – сказал Люсьен, – и там им самое место.

– Сними! – крикнул Марк.

– Я надеюсь, ты отдаешь себе отчет в том, – сказал Люсьен, медленно снимая ножницы, – что ты неизлечимый трус, Марк, и что в окопе тебе делать нечего. Впрочем, я тебе это уже много раз говорил.

Потеряв терпение, Вандузлер-младший ринулся к Люсьену и схватил его за грудки.

– Заруби себе на носу раз и навсегда, – процедил он сквозь зубы, – что во времена твоих гребанных окопов я бы скрывался в тылу, лежа в постели с четырьмя женщинами и наслаждаясь поэзией. А что до ножниц, которыми ты стрижешь свой резанец, я не хочу увидеть их сегодня ночью в животе какой-нибудь девчонки. Вот и все.

– Ладно, – сказал Люсьен, разводя руками, – раз ты так

беспокоишься...

Он открыл буфет и кинул ножницы за кучу тряпок.

– Гвардия сегодня не в духе, – пробормотал он. – Из-за жары, наверно.

Вандузлер-старший открыл дверь и впустил Луи и Клема-на.

– Входи, – сказал он Луи. – Мы переругались, но ты не обращай внимания. Прибытие этого молодого человека всех взбудоражило.

Воке стоял опустив голову, и никто не поздоровался и не назвал себя. Луи усадил его за стол, подталкивая рукой в спину, а Вандузлер пошел разогреть кофе.

Только Марк подошел к гостю и с интересом пощупал его стриженные черные волосы.

– Хорошо, – сказал он, – Марта очень хорошо поработала. Дай сзади посмотрю.

Парень наклонил голову вперед, потом снова поднял.

– Прекрасно, – заключил Марк, – она тебя и тональным кремом намазала... Хорошо. Чертовски хорошая работа.

– Пришлось потрудиться, – сказал Луи. – Если бы ты видел его фоторобот...

– Похож?

– Более чем. Пока у него не будет десятидневной щетины, пусть никуда не выходит. Хорошо бы ему очки подобрать.

– У меня есть, – сказал Вандузлер-старший. – Довольно большие солнечные очки. Сейчас как раз сезон, за темными

стеклами можно хорошо спрятаться, да и глаза не заболят.

Все молча ждали, пока крестный вскарабкался на пятый этаж. Клеман шумно мешал ложкой, не говоря ни слова. Марку показалось, что он сейчас заплачет, что ему страшно среди незнакомых людей без Марты.

Крестный принес очки, и Марк осторожно примерил их Клеману.

– Открой глаза, – сказал он ему. – Они с тебя не падают?

– Кто падает? – робко спросил Клеман.

– Очки.

Клеман покачал головой. Он выглядел совершенно изурнованным.

– Допивай кофе, и я покажу тебе твою комнату, – сказал Марк.

Он повел Клемана за руку в комнату и, когда они вошли, закрыл дверь.

– Вот, пока поживешь здесь. Не пытайся открыть ставни, они заперты снаружи. Не нужно, чтобы тебя видели. И не пытайся бежать. Хочешь что-нибудь почитать?

– Нет.

– Тебе нужно радио?

– Нет.

– Тогда спи.

– Я постараюсь.

– Слушай... – сказал Марк, понижая голос.

Клеман не слушал, и Марк взял его за плечо.

– Послушай, – повторил он.

Их глаза встретились.

– Завтра Марта придет тебя повидать. Обещаю. А теперь можешь спать.

– Самолично?

Марк не знал, что именно имел в виду Клеман.

– Да, самолично, – наугад подтвердил он.

Клеман, похоже, успокоился и свернулся калачиком на кровати. Марк вернулся в большую комнату встревоженный. Он не знал, что и думать об этом человеке. Машинально поднялся в свою комнату найти Клеману футболку и шорты, чтобы было в чем спать. Когда он снова вошел, Клеман уже уснул в одежде. Марк положил вещи на стул и тихонько закрыл за собой дверь.

– Все, – сказал он, садясь за стол. – Он самолично заснул.

– Похоже, это я утомил его своими вопросами, – сказал Луи. – Марта говорит, что я ему все мозги стер, как мыло. Подожду до завтра.

– Что ты еще надеешься узнать? – спросил Марк. – Его здорово разыграли.

– Если Марта права, то нет.

Марк встал, снова включил утюг и достал из корзины цветастое платье.

– Что ты хочешь этим сказать? – спросил он, старательно разглаживая ткань на доске.

– Если Марта права и Клемана Воке подставили, то он не

случайная жертва. Выбрали его за глупость, это без сомнения, но не только поэтому. Дураков полно и в Париже, зачем вызывать его из Невера и снимать ему номер в гостинице? Во всем этом есть смысл только в том случае, если убийце среди прочих дураков страны нужен был именно Клеман. Это значит, что тот «Другой» не только использует таланты Клемана, но еще и утоляет свою ненависть, сводит с ним счеты. Он знает Клемана Воке и ненавидит его. Все это верно, если предположить, что Марта права.

– Кстати о Марте, нужно, чтобы она пришла завтра с ним повидаться.

– Это опасно, – сказал Луи.

– Я ему обещал, придется как-то выкручиваться. А то он сбежит, так или иначе. Не выдержит паренёк.

– Не выдержит! – воскликнул Луи. – Да ему уже тридцатник стукнул!

– Говорю тебе, он не выдержит.

– А девушки, которых он прикончил, там наш малыш выдержал?

– Мы же только что договорились, – проговорил Марк, складывая цветастое платъице, – что мы исходим из предположения Марты, что мы верим Марте. Хотя бы один день, чтобы расспросить его, как будто он не виновен. А ты не можешь и двух минут потерпеть.

– Ты прав, – сказал Луи. – Надо подождать один день. Я найду к нему завтра в два часа.

– А раньше не можешь?

– Нет, с утра мне надо снова наведаться в комиссариат Девятого округа. Хочу еще раз взглянуть на фотографии. Кто сегодня за сторожа?

– Я, – отозвался Матиас.

– Прекрасно, – одобрил Луи. – До завтра.

– Я с тобой, – сказал Марк.

– Слушай, – нерешительно сказал Луи, – я смотрю, ты платье гладишь. У вас что, в доме женщина?

– А что в этом удивительного? – высокомерно осведомился Люсьен.

– Ничего, – поспешил заверить Луи. – Просто спрашиваю... Это из-за него, из-за Воке.

– А я думал, что мы считаем его невиновным, – съязвил Люсьен. – Значит, и беспокоиться нечего.

Глава 13

Выйдя из дома, Марк и Луи молча поднялись по улице.

– Так что? – спросил Луи. – Да или нет?

– Нет, – отрезал Марк. – Женщин в лачуге нет, ни одной, пустыня. Но это не значит, что можно плевать в песок.

– А платья?

– Это белье мадам Туссен. Я беру гладить на дом, я же тебе говорил.

– А, ну да, твоя работа.

– Вот именно, что работа. Не нравится?

– Да что с вами со всеми? – Луи остановился. – Вы целыми днями лагаетесь!

– Если ты про лачугу, то мы привыкли. Мы все время ругаемся, Люсьен это обожает. Да и Матиасу полезно, каждому от этого своя выгода. Отвлекает от забот, забываешь про безденежье и про то, что платья есть, а женщин в них нет.

Луи кивнул.

– Как думаешь, – снова заговорил Марк, – есть хоть малейший шанс, что Мартин питомец тут ни при чем?

– Думаю, что шансов гораздо больше. Подожди, там фонтанчик, пойду окуну Бюфо.

Марк скривился:

– Ты с собой жабу взял?

– Да, я только что сходил за ним. Он умирал со скуки в

корзинке для карандашей, сам подумай – и поймешь, какво это. Надо иногда проветривать зверюшку. Я же не прошу тебя его поддержать.

Марк с отвращением смотрел, как Луи побрызгал водой свою большую сероватую жабу, дал ей какие-то наставления, а потом снова посадил в большой правый карман своей куртки.

– Мерзость какая, – только и сказал Марк.

– Пива хочешь?

Они уселись на террасе почти пустого кафе. Марк сел слева от Луи, потому что в правом кармане сидела жаба. Было половина двенадцатого, холодно не было.

– Я думаю, – начал Луи, – что Мартин приемыш самый настоящий идиот.

– Согласен, – кивнул Марк, поднимая руку, чтобы позвать официанта.

– А значит, сам он не смог бы сочинить историю с хозяином ресторана, даже чтобы спасти себе жизнь.

– Ты прав. Этот тип существует.

– Какой тип?

– Ну тот, – сказал Марк, не опуская руки, – который управляет марионеткой. «Другой». Убийца. Он существует.

– Рука твоя не работает, – заметил Луи.

– Вижу, – ответил Марк и уронил руку на колено. – Никогда не могу позвать официанта.

– Тебе не хватает врожденного авторитета, – предположил

Луи и в свою очередь поднял руку.

Он быстро заказал официанту два пива и повернулся к Марку.

– Ерунда, – сказал Марк. – Подумаешь. Мы говорили о том, что тот тип где-то есть.

– Вероятно. Нельзя сказать наверняка. Если он существует, то мы уже кое-что знаем о нем: он знаком с Клеманом Воке, он его ненавидит, и он не серийный убийца.

– Не понял.

Луи поморщился и отхлебнул пива.

– Видишь ли, этот тип считает. Он *считает*. Первая женщина, вторая, третья... Помнишь, что рассказывал Воке? По телефону ему говорили: «первая девушка»... «вторая девушка»... Он их считает. А если ты считаешь, значит, знаешь, на чем остановишься, хочешь прийти к какому-то числу. Иначе зачем считать? Есть какой-то предел, цель. Обычно, когда убивают, счет жертвам не ведут. Не будешь же считать до бесконечности, зачем? Я думаю, этот убийца придумал себе определенное количество женщин, и его список когда-то кончится. Это не серийный убийца. Это убийца *одной* серии. Улавливаешь разницу? Он *односериный* убийца.

– Да, – неуверенно сказал Марк. – Ты много значения придаешь мелочам.

– Цифры не мелочь. Прибавь к этому, что серийный убийца никогда бы не стал искать козла отпущения. Тот, кто это сделал, рассчитывал использовать Воке для определенного

количества жертв. Воке послужил болванчиком в тщательно спланированной операции, а бесконечная резня тут ни при чем. Если за этим кто-то стоит, он очень опасен и прекрасно знает, чего хочет. Он выбрал козла отпущения и выбрал женщин. И действует он не случайно, ни в коем случае. А чтобы его серия была оправдана, у нее должен быть смысл. В его понимании, конечно.

– Оправдана?

– Оправдана символически, образно. Убить семь женщин, это как бы уничтожить всех женщин на планете, к примеру. И ты прекрасно понимаешь, что эти семь женщин не могут быть выбраны случайно. Они должны составлять единый ансамбль, вселенную, их должно что-то объединять.

Луи побарабанил пальцами по стакану.

– Уверен, что так он и действует, – продолжил он. – Если подумать, все очень банально и просто. В любом случае смотри в оба – надо во что бы то ни стало спрятать Клема-на Воке, особенно если он невиновен. Если случится третье убийство, мы, по крайней мере, будем знать, что этот кретин ни при чем. У него будет железное алиби.

– Думаешь, будет третье убийство?

– Да, старик. Тот «Другой» только начал. И беда в том, что мы не знаем ни как велика его серия, ни какой в ней смысл.

Луи вернулся домой пешком, по дороге болтая со своей жабой.

Глава 14

На следующий день в одиннадцать утра Кельвелер был в комиссариате Девятого округа. По дороге он купил утренние газеты и молил небо, чтобы евангелисты, как их называл Вандузлер-старший, оказались хорошими сторожами: фоторобот предполагаемого убийцы был напечатан на первой странице, и сходство с оригиналом было поразительное.

Луи был озабочен и в полицию вошел с тяжелым сердцем. На этот раз его попросили подождать. Луазелю наверняка не нравилось, что он так быстро вернулся. У Луи Кельвелера была репутация ищейки, которая глубоко копает и везде сует свой нос. А поскольку любой тщательный поиск чреват неприятными находками, то никто не хотел, чтобы Кельвелер лез туда, куда его не просят. Возможно, Луазель уже сожалел, что вчера так необдуманно разоткровенничался. В конце концов, Кельвелер уже в отставке, он никто.

Луи подумывал, как не вылететь из седла, но тут Луазель открыл дверь и сделал ему знак зайти.

– Здорово, Немец. Что стряслось?

– Хочу еще раз кое-что посмотреть и поделиться с тобой одной догадкой. А потом пойду в Девятнадцатый округ.

– Не трудись, – улыбнулся Луазель, – теперь оба дела поручены мне.

– Отличная новость. Рад, что смог оказать тебе услугу.

– Ты о чем?

– Я боялся, что дело попадет к твоему коллеге, – уклончиво сказал Луи. – И решил звякнуть в министерство, замолвить за тебя словечко. Приятно слышать, что дело поручили тебе.

Луазель встал, чтобы пожать Луи руку.

– Не стоит, старик. Не говори об этом никому, а то засветишь мои контакты.

Луазель молча кивнул в знак понимания и снова сел, радостно улыбаясь. Луи совсем не было стыдно. Такое вранье было обычным делом в его работе, полиция поступала так же. Он делал это ради Марты.

– Что ты хотел посмотреть, Немец? – спросил Луазель, он снова стал дружелюбным и был готов помочь.

– Снимки жертв на месте преступления, крупным планом, в верхней части тела, если можно.

Луазель прошаркал к железному шкафу. Его ноги шуршали по линолеуму. Все так же шурша, он вернулся к Луи и разложил перед ним фотографии. Тот напряженно вгляделся в них.

– Здесь, – сказал он Луазелю, показывая в какую-то точку справа от головы. – Тут, на ковре, ничего не замечаешь?

– Немного крови видно. Знаю, этой девушкой я занимался.

– Ковер длинноворсный, так?

– Да, похоже на шкуру козы.

– А тебе не кажется, что возле головы кто-то возил рукой по ковру в разные стороны?

Луазель нахмурил светлые брови и отошел с фотографией к окну.

– Хочешь сказать, в этом месте воре спутан?

– Вот именно. Он мятый и спутанный.

– Может, и так, старик, но ковер из козьей шерсти то и дело путается. Что-то не пойму я, к чему ты клонишь.

– Взгляни на другую фотографию, – сказал Луи, тоже подходя к окну. – Это вторая жертва. Посмотри на то же место, рядом с головой, у левого уха.

– Тут палас. Что на нем разглядишь?

– Следы трения, вмятины, как будто кто-то царапал в этом месте.

Луазель покачал головой:

– Нет, старик. Честное слово, ничего не вижу.

– Ладно, возможно, мне показалось.

Луи надел куртку, собрал свои газеты и направился к двери.

– Слушай, хочу спросить, пока не ушел: вы думаете, будет третье убийство?

Луазель кивнул:

– Скорее всего, если мы не поймем его раньше.

– Почему скорее всего?

– Потому что у него нет причин останавливаться, вот почему. У сексуальных маньяков всегда так, старик, их не оста-

новишь. Где? Когда? Пока никакой зацепки. Единственное, что может спасти следующую женщину, это если поймает его, – указал он на фоторобот в газете. – В Париже два миллиона жителей, хоть кто-нибудь да скажет нам, где его искать. С такой глупой рожей не останешься незамеченным. Даже если он перекрасится в рыжий, его все равно узнают. Но вряд ли ему это придет в голову.

– Да, – ответил Луи, радуясь в душе, что отсоветовал Марте красить Клемана в рыжий цвет. – А если он залег на дно, как только вышли газеты?

– Везде есть люди. И я не думаю, что эту сволочь будет кто-нибудь покрывать.

– Да, – повторил Луи.

– Может быть, его мать, конечно... – вздохнул Луазель. – Матери никогда не ведут себя так, как другие.

– Это точно.

– А уж его мамаша, вот был бы номер, если он спрячется у нее. Но я-то по нему плакать не стану. Еще не хватало. Если его найдут, сегодня вечером он будет сидеть в этом кабинете. Так что насчет третьей жертвы я особенно не волнуюсь. Бывай, Немец, и еще раз спасибо...

Луазель жестом изобразил телефонную трубку.

– Не стоит, – скромно ответил Луи.

На улице он слегка отдышался. На секунду он вообразил, что Луазель устроил за ним слежку, а он, ни о чем не подозревая, прихрамывая, привел его прямо в лачугу на ули-

це Шаль. Он представил себе встречу Воке с Луазелем под крышей дома бывшего старого полицейского и трех евангелистов с сомнительной репутацией и подумал, что худшей ситуации не было за всю его карьеру. Тут он вдруг вспомнил, что с карьерой покончено. Потом проверил, нет ли за ним хвоста. Всего только раз в жизни слежка застигла его врасплох.

Медленно шагая к автобусной остановке, он снова вспомнил про фотографии. Нельзя было терять время, болтаясь по Парижу пешком, к тому же у него болело колено. Рядом с головами женщин явно были какие-то следы. Но следы чего? Возле первой жертвы они были еле заметны, но около второй были видны хорошо. Убийца что-то делал рядом с головами своих жертв.

Пассажиры в автобусе сидели, склонившись над портретом Клемана Воке, пытаясь что-то вспомнить. Придется им подождать, пока он у евангелистов и его имя знают только шестеро. Нет, восемь. Были еще две проститутки с улицы Делаамбр. Луи стиснул зубы.

Глава 15

Жизель подпирала стену своего дома на улице Делаамбр, хмуро изучая газету.

– Паршивые дела, – пробормотала она, – я не ошиблась. Это он. Я извиняюсь, но это он самый.

Она была очень удивлена. Надо бы пораскинуть мозгами. Мартин паренек шел напролом. Есть над чем подумать.

К ней медленно направлялся клиент. Она знала его, он приходил примерно раз в месяц. Когда он с ней поравнялся, Жизель отрицательно покачала головой.

– Не то чтобы я могу себе позволить всем отказывать, – сказала Жизель, – но сейчас я не могу. Приходи после.

– Почему? Ждешь клиента?

– Сказала, не могу! – повысила голос Жизель.

– Почему не можешь?

– Потому что я думаю! – огрызнулась Жизель.

Как ни странно, мужчина ничего не ответил, удивленно хмыкнул и ушел. Чудные все-таки эти мужики, подумала Жизель, не нравится им, когда женщины думают. И они не так уж не правы, потому что, когда я думаю, лучше со мной не связываться.

Молоденькая Лина, услышав крик Жизель, прибежала с другого конца улицы:

– Что случилось, Жизель?

– Ничего. Ты очень смелая, но, когда понадобится, я свистну.

– Слушай-ка, Жизель, – опять заговорила Лина, – я тут все время думаю кое о чем с самого утра.

– Не советую много думать, клиенты разбегутся.

– Ты не видела газету?

– Какую? Ну видела. И что?

– Тот тип, которого ищут за убийство двух женщин... Ты видела его в газете?

– Ну да.

– И тебе ничего не показалось?

– Ничего, – ответила Жизель с вызовом.

– Да вспомни, Жизель... Это же тот парень с аккордеоном, который искал старую Марту. Это он, я тебе клянусь!

– Не клянись! Клясться нехорошо. Жизель небрежно развернула газету и посмотрела на фоторобот:

– Нет, Лина-крошка, это не он. Я извиняюсь, но это совсем не он. Смутное сходство есть, это да, но в целом ничего общего. Уж извини.

Сбитая с толку уверенным тоном толстухи Жизель, Лина снова взглянула на портрет. Да нет, она еще не сошла с ума, парень тот самый. Но как же Жизель, она ведь всегда права. Жизель ее всему научила...

– Ну, – сказала Жизель, – так и будешь тут торчать столбом и разглядывать этого мужика?

– А если это все-таки он, Жизель?

– Это не он! Заруби себе на носу, и закончим на этом. Потому что тот парень, которого мы видели, – говорила Жизель, размахивая пальцем перед носом Лины, – это малыш старой Марты. А ты же не думаешь, чтобы малыш старой Марты, самой умной в нашем квартале, нашей живой легенды, пошел убивать женщин, после всего, чему она его научила? А?

– Нет! – ужаснулась Лина.

– Ну вот и нечего всякую чушь пороть. Лина ничего не ответила, и Жизель заговорила

опять, уже серьезнее:

– Послушай, Лина-крошка, ты, случайно, не собираешься пойти и сдать невинного человека легавым?

Лина посмотрела на Жизель с легкой тревогой.

– Потому что потом можешь распрощаться с работой. И если хочешь все испортить только потому, что не можешь отличить цыпленка от ястреба, дело твое, ты уже большая.

– Хорошо, Жизель. Но ты клянешься, что это не он?

– Я никогда не клянусь.

– Но это точно не он?

– Нет, не он. И вообще, дай сюда газету, не будут дурные мысли в голову лезть.

Жизель смотрела вслед Лине. Теперь девчонка успокоится. Хотя от молодых всего можно ждать. Надо будет приглядеть за ней хорошенько.

Глава 16

Луи торопился в Гнилую лачугу на улице Шаль, спрашивая себя, не осталось ли, случайно, вчерашней запеканки. Старик Вандузлер, похоже, знал толк в еде, а Луи так давно не ел картофельной запеканки. Это ведь блюдо для целой компании, а когда живешь один, для компании готовить не станешь.

Конечно, жизнь троих приятелей, что делили кров со стариком Вандузлером, вовсе не была идеальной, все-таки сорок лет разницы в возрасте. Луи не раз подсмеивался над этим. Но может, он и не прав. Потому что, по правде сказать, его собственная жизнь, жизнь одинокого сыщика и переводчика Бисмарка, который подумывал, как лучше сложить обувь, тоже не была примером для подражания. Они, во всяком случае, вместе платили за жилье, у каждого был свой этаж, они были не одиноки, и, кроме того, они готовили запеканку. Не так глупо, если подумать. И ведь не скажешь, что на этом все кончится. Луи всегда считал, что первый, кто покинет лачугу ради женщины, будет Матиас. Но старик может его и обскакать.

Было уже больше часа дня, когда он постучал в дверь. Люсьен поспешно впустил его. Сегодня он был дежурный и торопился домыть посуду перед уходом в школу.

– Все уже поели? – спросил его Луи.

– У меня урок в два. В четверг мы всегда спешим.

– Марк дома?

– Сейчас позову.

Люсьен схватил швабру и дважды стукнул в потолок.

– Это что? – удивился Луи.

– Средство внутренней связи. Один стук для Матиаса, два Марку, три мне, четыре старику, а семь раз – общий сбор перед отправкой на фронт. Не надо каждый раз бегать по этажам.

– Понятно, – сказал Луи, – я не знал.

И он посмотрел на мелкие круглые отметины на штукатурке потолка.

– Ну да, следы остаются, – сказал Люсьен. – В любой связи есть недостатки.

– Как Воке? Все спокойно? Без происшествий?

– Все тихо. Вы видели его портрет в газете? Свидетели хорошо его разглядели. В полдень мы с ним вместе обедали при закрытых ставнях. В такую жару соседи не удивятся. Сейчас он спит. Личная сиеста, как он сказал.

– Поразительно, что этот тип может спать.

– По-моему, он чересчур возбудим, – сказал Люсьен, снимая фартук.

На лестнице послышались шаги Марка.

– Я пошел, – сказал Люсьен, затягивая узел галстука. – Иду рассказывать молодежи о катаклизмах двадцатого века. *У детей в головах так много трухи...* – пробормотал он себе

под нос.

И вихрем выбежал из дома, мимоходом махнув рукой Марку. Луи задумчиво сел. В этом доме он немного терялся, прикасаясь к нормальной жизни.

– Он спит, – тихо сказал Марк, указав на дверь каморки.

– Я знаю. – Луи тоже машинально перешел на шепот. – У вас от вчерашнего ничего не осталось?

– Ты про что? – удивился Марк.

– Про запеканку.

– А, запеканка. В холодильнике еще остался большой кусок. Тебе погреть?

– Будь так любезен, – довольно вздохнул Луи.

– А кофе будешь? Я сварю.

– С удовольствием, – кивнул Луи.

Он огляделся. Эта просторная комната с высокими стрельчатыми окнами и правда чем-то напоминала монашескую келью. А сегодня особенно, потому что ставни были закрыты, в комнате царил полумрак, и разговаривали они вполголоса.

– Сейчас будет готово, – сказал Марк. – Ты видел газету?

– Видел.

– Бедная Марта, наверное, страшно волнуется из-за своего пупса. Я зайду за ней сразу после работы. Аккордеон тоже захватим.

– Здесь ему нельзя играть ни в коем случае, Марк.

– Я знаю. Это просто чтобы ему настроение поднять.

– Разбуди его. У нас мало времени.

Марк тихонько вошел в комнату, но Клеман не спал. Он лежал на кровати, раскинув руки, и смотрел на закрытое окно.

– Пойдем, – сказал ему Марк. – Поговорим еще немного.

Клеман сел напротив Луи, спрятав ноги под стул и уцепившись ступнями за ножки. Марк налил кофе и поставил перед Луи тарелку с запеканкой.

– А теперь, Клеман, – начал Луи, – ты должен нам помочь. При помощи этого, – добавил он, указав на свой лоб. – Ты видел портрет в газете? Тебя ищет весь Париж. Весь, за исключением шести человек: один тебя любит, а пятеро пытаются тебе поверить. Ты меня понимаешь?

Клеман кивнул.

– Если будет непонятно, Клеман, подай знак. Не стесняйся, тут нечего стыдиться, как сказала бы Марта. На свете очень много чертовски умных людей, которые в то же время настоящие сволочи. Если не понимаешь, подними руку. Вот так.

Клеман снова кивнул, а Луи воспользовался минутой, чтобы положить в рот запеканки.

– Слушай, – продолжал Луи с полным ртом. – Буква «а», какой-то человек предложил тебе работу. Буква «b», но это оказалась большая махина.

– Махинация, – поправил Клеман.

– Махинация, – повторил Луи, подумав, что Клеман запо-

минал лучше, чем могло показаться. – Буква «с», ты рискуешь оказаться за решеткой вместо этого типа. Этот человек, который звонил тебе в Невер, а потом в гостиницу. Подумай. Тебе знаком его голос?

Клеман прижал пальцем ноздрю и наклонил голову. Луи в это время работал ложкой.

– Нет. Мне самолично нет.

– Это был незнакомец?

– Не знаю. Сам я его не узнал, а что такое незнакомец, я не знаю.

– Ладно, не думай об этом. Буква «с»...

– Ты уже говорил «с», – шепнул Марк. – Запутаешь его.

– Черт, – сказал Луи, – буква «d», возможно, этот человек знает тебя и у него на тебя серьезный зуб.

Клеман нерешительно поднял руку.

– Буква «d», – терпеливо повторил Луи, – возможно, что этот человек нарочно вредит тебе, потому что он терпеть тебя не может.

– Хорошо, – сказал Клеман, – я понял.

– Тогда, буква «е», скажи, кто тебя ненавидит?

– Никто, – сразу ответил Клеман, прижимая палец на носу. – Я и сам всю ночь об этом думал.

– Ах, вот как? Ты думал об этом.

– Я думал про голос в телефоне и о том, кто желает мне зла.

– И ты уверен, что у тебя нет врагов?

Клеман поднял руку.

– Что никто тебя не ненавидит?

– Никто. А может... если только... может быть, мой отец.

Луи встал, чтобы сполоснуть тарелку под краном.

– Твой отец? Может, ты и прав. А где он сейчас?

– Он умер много лет назад.

– Ясно, – сказал Луи, возвращаясь на свое место. – А твоя мать?

– Она в Испании, за границей.

– Это тебе отец сказал?

– Да. Она уехала от нас, когда я еще не родился. Но она не то что отец, она меня любит. Она в Испании. А по телефону, это был мужчина.

– Да, Клеман, я знаю.

Луи слегка растерянно посмотрел на Марка.

– Давай поговорим о другом, – предложил Луи. – Расскажи, где ты жил после того, как расстался с Мартой.

– Мой отец отправил меня в школу, в Невер.

– В этой школе ничего плохого с тобой не случилось?

– Не-а, ничего. Я туда не ходил.

– Ты помнишь, как эта школа называлась? – Луи достал ручку.

– Да, Неверская школа.

– Ладно. – Луи убрал ручку. – Это там ты выучился музыке?

– Нет, это потом. Мне лично исполнилось шестнадцать

лет, когда я ушел из школы.

– И куда ты пошел?

– Я пошел садовником в Институт Мерлена, на целых пять лет.

– В Невере?

– Недалеко от Невера.

– Ты говоришь, Институт Мерлена? Это что за институт?

Клеман поднял руку, ему было непонятно.

– Там уроки идут, – сказал он. – Это институт, где есть уроки для учеников, больших учеников, для взрослых. А вокруг там парк, в нем я был вторым садовником.

– А там у тебя бывали неприятности?

– Да нет, не было.

– Подумай хорошенько. Как там к тебе относились? Хорошо?

– Хорошо.

– Драк не было?

Клеман долго мотал головой.

– Нет, – сказал он. – Я лично ненавижу драки. Мне там было хорошо, очень хорошо. Господин Анри научил меня играть на аккордеоне.

– А кем он работал?

– Профессором...

Клеман задумался, надавив на нос.

– ...экономики, – сказал он. – Я тоже ходил на уроки, когда шел дождь.

– Какие уроки?

– На всякие. Они без конца там шли. Я заходил через заднюю дверь.

Клеман внимательно посмотрел на Луи.

– Я не все слова понимал, – признался он.

– И там у тебя не было врагов, ни одного?

– Да нет, ни одного.

– А потом, после Института Мерлена?

– Все стало совсем не так... Я спрашивал во всех садах в Невере, но у них уже были свои садовники. Тогда я стал играть на аккордеоне. Я это делал с двадцати одного года.

– Ты играл на улице?

– Везде, где люди деньги дают. Меня лично знают в Невере, зовут играть в кафе по субботам. У меня есть деньги на комнату и на все, что может человеку понадобиться для жизни.

– А драки были?

– Не было драк. Я не люблю драки. Я никогда ни с кем не ссорюсь. Я живу спокойно, и мой аккордеон тоже. Это хорошо. Мне нравилось быть садовником у Мерлена.

– Почему же ты оттуда ушел?

– Да из-за той девушки, которую в парке изнасиловали.

Луи аж подпрыгнул:

– Девушки? Ты изнасиловал девушку?

– Да нет же.

– Там драка была?

– Никакой драки не было. Я взял шланг с холодной водой и облил тех парней, так делают, когда хотят собак разделить. И это очень хорошо их разделило. Вода была ледяная.

– Кого ты облил?

– Тех негодяев, которые насильовали женщину, и других, которые ее держали. Я их садовым шлангом облил. Вода была ледяная.

– А... скажи-ка... этим парням понравилось?

– Вовсе нет! Вода была ледяная, а у них ляжки голые и задницы тоже. Это все-таки очень холодно, если говорить о температуре воды. И это разделило их и ту женщину. Один хотел меня убить. Даже двое.

В комнате повисла гнетущая тишина. Луи сидел молча, медленно приглаживая рукой волосы. Солнечный луч скользнул сквозь ставни и лег на деревянный стол. Луи провел по нему пальцем. Марк смотрел на него. Его губы были сжаты, лицо напряжено, но зеленые глаза оставались, как прежде, ясными и светлыми. Как и Луи, Марк понял, что они что-то нащупали. И хотя это пока было зыбко и неясно, но это было что-то важное. Даже Клеман что-то почувствовал. Он по очереди оглядел их обоих и вдруг зевнул.

– Ты хоть не устал? – озабоченно спросил Луи, снова вынимая ручку и блокнот.

– Я справлюсь, – важно ответил Клеман, как будто перед сном ему еще предстоял марш-бросок на двадцать километров.

- Давай, парень, держись, – в тон ему ответил Луи.
- Хорошо, – сказал Клеман, расправляя плечи.

Глава 17

Клеман говорил больше часа, иногда даже вполне свободно. Он уже много раз рассказывал эту историю полиции, и у него в памяти остались целые фразы, поэтому говорить было легко. Иногда разговор буксовал, как машина на дороге. Или Луи не понимал Клемана, или Клеман поднимал руку, чтобы дать знать Луи, что потерял нить. Разговор часто петлял и путался, оба собеседника одинаково терпеливо возвращались к тому, что было им непонятно. Восстанавливать хронике событий было трудно, но Луи в конце концов более-менее понял, что произошло, несмотря на белые пятна, которые Клеман не в силах был заполнить. Луи теперь не хватало только простых деталей – дат, мест, фамилий людей.

Он взглянул на свои записи.

Невозможно понять, случилось это в апреле или в июне, но тогда было тепло, и как раз перед тем, как Клемана уволили. Итак, все произошло весной, девять лет назад. Клеман спал с открытым окном в комнате над гаражом, когда далеко в парке слышались крики. Он прибежал на крик, который становился все глуше, и увидел троих мужчин, которые издевались над женщиной. Двое держали ее, а третий лежал сверху. Ночь была довольно светлая, но у мужчин на голове были капюшоны с прорезями для глаз. Женщину он узнал, она преподавала в институте. Как ее звали, Клеман не

помнил. Он сразу подумал о воде и побежал к поливальному крану. Когда он размотал шланг и бегом вернулся назад, ему показалось, что на женщине был уже другой мужчина. Он открыл воду на полную мощь и «выстрелил» в насильников. Вода была ледяная, Клеман повторил это раз пятнадцать. Он с удовольствием пояснил Луи, что струя была очень мощная, специально для поливки лужаек, очень пронзительная, бывает очень больно, если получить такую в упор. Надо было видеть, что стало с теми полуголыми типами, когда он их облил. Они бросили женщину, которая сразу отползла в угол и свернулась там клубочком. А мужчины вопили и проклинали, пытаясь поскорее натянуть мокрые штаны. Клеман объяснил, что надевать мокрые брюки очень неудобно, потому что они липнут к телу. Он с остервенением поливал мужчин. Один из них бросился к Клеману, чтобы побить его или даже убить. Но он направил струю прямо ему в капюшон, и парень взвыл от боли. Клеман воспользовался этим и сорвал с него капюшон. И парень, даже не натянув до конца штаны, побежал следом за двумя другими, все время оглядываясь и осыпая Клемана проклятиями. Потом Клеман завернул кран и подошел к женщине, стонавшей на земле. Она была вся в «грязи», сказал Клеман. Ее избили, по лбу текла кровь. Он снял футболку и положил на женщину, чтобы прикрыть ее, а что делать дальше, он не знал. Только теперь он запаниковал, не зная, как поступить. С тремя негодями, шлангом и водой было просто. Тут прибежал директор института –

Клеман знал его имя – Мерлен, назывался и сам институт. Сначала, увидев Клемана возле растерзанной женщины, он решил, что Клеман ее изнасиловал. То же самое сначала думала и полиция, поскольку Клеман был единственным свидетелем. Топчась на мокрой, как губка, траве, директор приподнял женщину и попросил Клемана помочь донести ее до сторожки. Только тихо, чтобы студенты не сбежались. Там они вызвали полицию и «скорую» для женщины, которую потом увезли в больницу. Полицейские увели Клемана и отпустили часа через два. С него взяли подписку о невыезде.

Но, тут Клеман заволновался, женщина умерла ночью в больнице. А утром один из студентов института был найден мертвым в Луаре. Снова вызвали Клемана. Утонувшим оказался тот самый парень, с которого он сорвал капюшон. Раньше он хорошо помнил его имя, это был высокий парень, который любил его дразнить. Эрве какой-то. Сейчас он не мог вспомнить фамилию. Пусле или Русле, что-то в этом роде. Полиция решила, что этот самый Эрве, поняв, что его узнали, убил в больнице свою жертву, решив затем избавиться от Клемана. Но не выдержал и бросился в реку.

Потом директор Мерлен сказал Клеману: будет лучше для института, чтобы об этой истории забыли, и что ему надо искать работу в другом месте. Он написал ему длинное письмо, в котором говорилось, что Клеман очень хороший садовник.

– Мне было жалко уходить, – сказал Клеман. – И директору тоже было жалко. Мы хорошо с ним ладили.

– А два других насильника? Ты примерно представляешь, о ком речь?

Клеман поднял руку.

– Ты знал, кто они?

– Я не мог их узнать из-за капюшонов. Самый маленький быстрее всех убежал, потому что у него брюки были надеты...

Клеман медленно покачал головой.

– Я самолично совершенно не представляю, о ком речь, – произнес он с сожалением. – Он был старый, примерно лет пятидесяти.

– То есть сейчас ему шестьдесят, – сказал Луи, продолжая записывать. – А почему ты решил, что он старый?

– Из-за его рубашки. Такие старики носят. А под ней была майка.

– Как же ты ночью разглядел на нем майку?

– Так ведь из-за воды, – простодушно пояснил Клеман, глядя на Луи как на дурака. – От воды одежда становится прозрачной.

– Ах да, извини. А другой?

– У другого были штаны спущены, – сказал Клеман, зло-радно улыбаясь. – Я его ненавидел. А из-под капюшона, пока я ему живот поливал, он кричал: «Я тебе еще укажу. Я тебе укажу». Я не понял.

– «Я тебе покажу», – предположил Луи.

– А какая разница?

– Это значит, что у него на тебя зуб. Клеман поднял руку.

– Это значит, что он тебя ненавидит, – повторил Луи.

– Я тоже его ненавижу, – злобно отозвался Клеман.

– Ты его узнал? Даже в капюшоне?

– О да, – гневно сказал Клеман, – он был в своем старом нечистом бежевом поло, и это был его голос, его отвратительный голос.

Тут маленькое некрасивое лицо Клемана, наклоненное к Луи, исказилось от отвращения. На молодого человека стало совсем неприятно смотреть. Луи слегка отодвинулся. Клеман положил руку ему на плечо.

– Тот, другой, – продолжал он, цепляясь за Луи, – это был Секатор!

Клеман вдруг вскочил и положил руки на стол.

– Секатор! – крикнул он. – А мне лично никто не поверил! Они сказали, что нет дознательств.

– Доказательств, – подсказал Луи.

– И ему ничего не было, ничего! А он столько коры испортил, а потом эту женщину.

Луи тоже встал и попытался успокоить Клемана, у которого лицо пошло красными пятнами. Наконец он силой усадил Клемана на место, что было нетрудно сделать, и прижал его к спинке стула.

– Кто этот человек? – спросил он медленно, но твердо.

Резкий тон и руки, сжимавшие его плечи, утихомирили Клемана. Он дернул подбородком.

– Старший садовник, – ответил он наконец. – Гроза деревьев. С Морисом и со мной мы звали его Секатором.

– Кто такой Морис?

– Ну, другой парень, который ухаживал за теплицами.

– Твой приятель?

– Ага.

– А что делал Секатор?

– Он делал так. – Клеман вырвался из рук Луи и встал, изобразив рукой секатор, двигая пальцами, как ножницами, и сопровождая это звуками. – Чик. Чик.

– Он подстригал деревья секатором, – сказал Луи.

– Да, – подтвердил Клеман, обходя вокруг стола. – Он всегда носил с собой такие здоровые щипцы, которыми ветки срезают. Чик. Чик. Он в жизни любил только это. Когда не надо было деревья подстригать, он просто щелкал, резал воздух. Чик.

Клеман замер с вытянутой рукой и посмотрел на Луи, сощутив свои тусклые глаза.

– С Морисом и со мной, мы находили стволы деревьев, все изрезанные секатором. Деревьям было больно. Он молодые яблони губил, кору им резал.

– Ты уверен в том, что говоришь? – спросил Луи, останавливая Клемана, чтобы тот перестал кружить вокруг стола.

– Это были следы секатора. Чик. Он его всегда лично в руке держал. Но у меня не было дознательств ни про деревья, ни про женщину. Но его голос, он на меня накричал, я

уверен, это его голос был.

Луи на минуту задумался и тоже начал ходить вокруг стола.

– Ты его с тех пор не видел?

– Самолично нет.

– Ты бы его узнал?

– Ну да, а как же!

– Ты говоришь, что узнал его голос. А голос по телефону в Невере и в Париже? Может, это был он?

Клеман остановился и прижал пальцем нос.

– Ну, что? Слух у тебя хороший, и ты знаешь его голос. Это он тебе звонил?

– По телефону все не так, – проворчал Клеман. – Там голос не в воздухе, а в пластмассе. Нельзя понять, кто говорит.

– Это мог быть он?

– Я не могу сказать. Я не думал о нем, когда телефон говорил. Я думал о хозяине ресторана.

– Ты уже девять лет не слышал его голос... ты знаешь, как его имя... Секатора?

– Да нет, не помню уже.

Луи вздохнул с легкой досадой. Кроме директора и одного из насильников, Клеман не помнил имен. Но нужно было отдать ему должное: он смог вспомнить всю историю и связно ее рассказать, а ведь прошло уже много лет. Будет нетрудно заполнить пробелы, если Клеман говорил правду. А Луи верил ему.

Он аккуратно сложил свои записи и сунул их в карман, пытаясь представить, что должен был чувствовать насильник, которого облили струей ледяной воды. Боль, унижение и ярость. Вода унизила его мужское достоинство, и он вряд ли желает добра тому, кто с ним так обошелся. Даже в примитивном мозгу долго будет царить ненависть и жажда мести. Луи уже давно не сталкивался с такой нелепой и в то же время столь очевидной причиной для мщения. Он повернулся к Клеману и улыбнулся ему:

– Теперь можешь идти спать, если хочешь.

– Я не устал, – неожиданно заявил Клеман.

Перед уходом Луи сообразил, что в доме нет никого, кто мог бы присмотреть за Клеманом. А поскольку ни в чем нельзя быть уверенным, нельзя было рисковать и позволить ему улизнуть. Луи хотел было подняться посмотреть, дома ли старик Вандузлер, но боялся оставить Клемана даже на три минуты. Он посмотрел на швабру, которой Люсьен стучал в потолок, вызывая Марка. Он не решался ее взять. Воспользоваться этой штукой означало поддаться странным обычаям этого дома и выставить себя дураком. Но выбирать не приходилось

Луи взял швабру, четыре раза стукнул в потолок и прислушался. Стукнула дверь. Старый сыщик спускался вниз. Ничего не скажешь, связь работала безотказно.

Луи остановил Вандузлера-старшего на лестнице.

– Можно доверить тебе Клемана, пока остальные не вер-

нутся?

– Конечно. Ты что-нибудь разузнал?

– Возможно. Скажи Марку, что завтра я еду в Невер. Я позвоню ему вечером. Вам еще можно звонить в кафе на углу?

– Да, до одиннадцати вечера.

Луи проверил номер телефона и пожал руку старому сыщику.

– До скорого. Приглядывайте за ним получше.

Глава 18

Луи встал непривычно рано, в семь часов, и в половине одиннадцатого его машина уже подъезжала к окраинам Невера. Было тепло и солнечно, и он в приподнятом настроении миновал дорожный указатель департамента Ньевр. Много лет назад он часто бывал здесь по службе, и теперь был очень рад снова увидеть Луару, и сам удивился этой радости. Он уже забыл эту легкую дымку, сквозь которую взору открывались острова реки. И множество птиц, парящих над водой. Но ему хватило одного взгляда, чтобы все это вспомнить. Луара обмелела, стали видны песчаные наносы. Луи знал, что даже в этой летней покорности река может быть опасна. Каждый год пловцы тонули в ее водоворотах, думая одолеть ее за десяток гребков брассом.

Луи, по обыкновению, медленно вел машину, оставляя реку справа, а сам думал о том из троих преступников, который утопился на следующий день после изнасилования. Утопиться в Луаре легко, даже стараться не нужно. Но так же легко и кого-нибудь утопить. Клеман, если только он был на это способен, не отрицал официальную версию смерти женщины и ее мучителя. Но все можно представить и по-другому. Вчера вечером Луи рассказал Марку отвратительную историю группового изнасилования, и на того, похоже, сильное впечатление произвел Секатор. По правде сказать, на Луи

тоже.

В Невере ему пришлось поплутать, пока он нашел дорогу в комиссариат. Он бросил машину в центре города, зашел в кафе, пропустил стаканчик, пописал перед тем, как отправляться в полицию, надел галстук, который завязал перед зеркалом барной стойки. Кельвелер гордился тем, что за двадцать пять лет сыскальной службы завел в каждом городе знакомого полицейского, как моряк, которого в каждом порту ждет подружка. Теперь после его преждевременной отставки все, конечно, изменилось. Он уже не мог знать о перестановке кадров, повышениях, увольнениях и ни в чем не мог быть уверен. Но пока система работала. Он достал из кармана картонку, на которую накануне выписал имена полицейских Невера. С комиссаром он знаком не был. Но когда-то работал по одному сложному делу о хранении краденного с инспектором Жаком Пуше, который стал теперь капитаном. Луи перевернул картонку. В то время он был немногословен в комментариях. Там стояло только: *«Жак Пуше, инспектор, Невер: прямой, мягкий, хорош в деле. – Со мной на дружеской ноге, побаивается, палки в колеса не вставлял. – Должен мне пиво за пари про цвет оперения ньеврских куриц»*. Проигранное пари могло пригодиться. Это поможет вспомнить, перейти на дружеский лад. Это очень полезно. Луи убрал картонку, вспоминая, что он тогда придумал про ньеврских куриц, если ничего о них не знал. Он перешел дорогу, направляясь к комиссариату.

Пуше оказался на месте. Луи назвал свое имя, написал дружескую записку, вручил ее секретарше, и через три минуты Пуше его принял.

– Здорово, Немец, сколько лет, – сказал он, приглашая Луи в кабинет. – Каким ветром тебя к нам занесло? Опять приехал досаждать? – добавил он не слишком радушно.

– Не беспокойся, – ответил Луи, радуясь, что о его репутации не забыли. – Я больше не служу в министерстве. Сейчас занимаюсь одним старым делом, ничего политического.

– Что ж, тем лучше, – кивнул Пуше, протягивая ему сигарету. – Надеюсь, ты не крутишь?

– Отнюдь. Меня интересует групповое изнасилование девятилетней давности, которое случилось в Институте Мерлена...

– Только это? – перебил Пуше.

– Пока и этого хватит.

– Я хорошо помню это дело. Посиди, я сейчас вернусь.

В ожидании Пуше Луи закурил. Успокоившись, что Кельвелер не собирается ворошить ничего опасного, Пуше спокойно покажет ему документы.

– Тебя интересует история целиком? – спросил Пуше, возвращаясь с коробкой под мышкой.

– Мы можем поговорить в кафе? – спросил Луи. – Ты мне пиво должен. Мы спорили насчет оперения ньеврских куриц, и ты проиграл.

Пуше недоуменно взглянул на Луи, а потом расхохотался.

– Твоя правда, Немец! Твоя правда! – воскликнул он.

В кафе на углу они входили лучшими друзьями. История с куриными перьями здорово развеселила Пуше. Но Луи был уверен, что тот уже давно забыл про это пари, потому что ни он, ни Пуше ни разу не упомянули о цвете перьев.

Луи заскочил в туалет, убедился, что никого рядом нет, быстро достал из кармана свою жабу, ополоснул ее под красным и сунул обратно в карман. В такую жару душ Бюфо не помешает.

– Итак? – начал Луи, когда они уселись за столик.

– Ты прав, это было групповое изнасилование. Произошло оно в парке Мерлена...

– А что это за институт?

– Частное заведение. «Институт торговли и экономики Мерлена». Там учились два года после средней школы. По окончании выдавали диплом бухгалтера для работы в торговле. Естественно, обучение было платное и далеко не дешевое. Хорошая репутация. Старое заведение. Тогда дела у них шли хорошо.

– Тогда?

– Сам понимаешь, после истории с изнасилованием и двух смертей все пошло под откос. Студентов записалось мало, институт попросту обанкротился. Уже шесть лет прошло, как Мерлен продал институт городу. Теперь это дом престарелых. И тоже дорогой.

– Черт. Значит, все разъехались кто куда. Преподавате-

ли... служащие... и никого теперь не найдешь...

– Если тебе надо собрать их всех вместе сейчас, ничего не выйдет.

– Ясно, – недовольно буркнул Луи. – Расскажи мне эту историю. Я уже кое-что слышал, хочу проверить, правда ли.

– Ну что, сказать, это была молодая преподавательница английского Николь Бердо. Она жила в институте вместе с остальными профессорами, персоналом и учениками. Это был пансион, такая система вроде бы дает лучшие результаты. Ты что об этом думаешь?

– Не знаю, – сказал Луи, не желая ломать установившееся доверие.

– При таком порядке студенты не слоняются где попало после занятий. Больше дисциплины.

– Если соблюдать дисциплину значит насиловать женщин после уроков, то не вижу никаких преимуществ.

– Ты прав, я об этом не подумал. Нам так и не удалось узнать, что эта малышка делала в парке после полуночи. Прогулка или свидание... Было тепло. Это случилось в мае, девятого числа. И там...

Пуше взмахнул руками и тяжело уронил кулаки на пластиковый стол.

– Там трое негодяев набросились на нее, как бешеные псы. Прибежал садовник, но, к сожалению, он немного опоздал. Любопытно, но этот парень придумал неглупую штуку. Он разогнал их водой.

– Почему ты сказал «любопытно»?

– Да... потому что этого садовника пришлось допросить как единственного свидетеля. Он был немного не в себе, если ты понимаешь, о чем я. – Пуше постучал пальцем по виску. – Настоящий болван. Бог мой, и намучились же мы с ним на допросах. Но то, что он рассказал, было похоже на правду, мы действительно нашли следы троих мужчин на мокрой траве и следы самого садовника. И подобрали капюшон на земле. Тот самый, который он сорвал с одного из насильников.

– Он узнал этих людей?

– Только одного. Эрве Русле, первокурсник-второгодник двадцати лет, из богатой семьи и настоящее животное. Был самым отпетым хулиганом в Невере еще с юности. Садовник якобы «узнал» еще одного – старшего садовника. Но тут, я думаю, он просто хотел насолить начальнику, он его, похоже, ненавидел, называл Секатором. Его допросили, но это ничего не дало. Женщина тоже узнала одного из нападавших. Все повторяла, как молитву: я его видела, я его видела. Но имя вспомнить не могла, слишком тяжелый был шок у бедняжки. В больнице ей дали снотворное. А потом... – Пуше снова с сожалением уронил руки. – Парень ее ночью убил. Чтобы не заговорила, сам понимаешь.

– Разве ее не охраняли?

– Охраняли, конечно, старик, как без этого. Убийца влез в окно, а дежурный был в коридоре Ужасно глупо. Надеюсь,

ты не будешь об этом болтать?

– Нет. Как он ее убил?

– Придушил подушкой, а потом руками, чтоб наверняка.

– Да уж, – сказал Луи.

– Но Русле это не помогло. Он и сам утонул в Луаре. Его нашли на следующее утро. И дело закрыли. Очень печальная история, очень. А двух других так и не нашли.

Пуше взглянул на Луи:

– Ты, случайно, не попал на их след?

– Возможно.

– Я буду рад, если у тебя получится. Тебе еще что-нибудь нужно?

– Расскажи о молодом садовнике.

– Что я могу рассказать? Зовут Клеман Воке, и я тебе уже говорил, с головой у него не все в порядке. Несчастный малый, если хочешь знать мое мнение, но все-таки немного странный. Храбрый, заметь, пришел женщине на помощь один против троих нападавших, которые ему угрожали. Многие струсили бы. А он нет. Видишь, смелый все-таки. И все, что он получил за это, – опять оказался на улице.

– Ты знаешь, что с ним стало?

– Кажется, он играл по вечерам в разных кафе. «Глаз рыси», например. Можешь там спросить.

Луи отметил про себя, что полиция Невера еще не заметила сходства между аккордеонистом и фотороботом, напечатанным накануне. Но скоро это станет очевидным. Рано

или поздно кто-нибудь в Невере узнает его. Дело времени, сказал бы Луазель.

– А Секатор? Он еще здесь?

– Его я больше не видел. Но я и не следил за ним. Тебя интересует его настоящее имя?

Луи кивнул, и Пуше полистал папку.

– Тевенен, Жан Тевенен. Тогда ему было сорок семь лет. Тебе нужно спросить у Мерлена, бывшего директора. Может, он оставил его при себе садовником, пока не продал Институт.

– Ты знаешь, где его можно найти?

– Кажется, он уехал отсюда. Зайдем ко мне, и я тебе скажу. Моя секретарша была знакома с одним преподавателем.

Пуше заплатил за пиво и подмигнул Луи, в знак того, что не забыл о пари.

Секретарь подтвердила Луи, что Поль Мерлен действительно покинул Невер. После банкротства он какое-то время жил в Невере, а потом нашел работу в Париже.

Пуше повел Луи обедать вместе с двумя коллегами. Луи снова зашел в туалет, чтобы ополоснуть Бюфо. Его беспокоила обратная дорога – в машине было очень жарко. Но Марк, конечно, никогда бы не согласился приглядеть за жабой. Он присматривал за питомцем Марты, и то спасибо. Луи очень волновался за парня. Сколько еще он сможет защищать его от травли всей страны? И сколько у него займет времени, чтобы узнать, кто же он: опасный псих или храбрец, как ска-

зал Пуше. Во всяком случае, история с изнасилованием оказалась правдой. Клеман ничего не выдумал. Были по крайней мере двое, кто его ненавидел. Два насильника. Одного звали Жан Тевенен, он же Секатор. Луи вспомнил раны на теле убитых женщин, и его передернуло. Образ Секатора был ему ненавистен.

О третьем соучастнике ничего не было известно. Луи собрался покинуть полицейских Невера далеко за полдень. Оставалось самое деликатное дело. Он тронул Пуше за плечо, и капитан удивленно посмотрел на него.

– Предположим, – тихо сказал Луи, – ты скоро услышишь о молодом садовнике.

– О поливальщике? Я о нем услышу?

– Возможно, Пуше, и в связи с очень грязным делом.

Озадаченный Пуше хотел было что-то сказать, но Луи жестом остановил его.

– Допустим, парижская полиция и я по-разному смотрим на это дело. И предположим, что прав я. Мне нужно немного времени, несколько дней. И предположим, что это время дашь мне ты, забыв, что мы с тобой виделись. Это не будет служебным проступком, а просто небольшим упущением без серьезных последствий.

Пуше напряженно уставился на Луи, не зная, на что решиться.

– А если я спрошу, ради чего все это?

– Законный вопрос. Скажем так, молодой Воке, который

проявил себя храбрецом, имеет право на шанс и ты ему доверяешь, потому что он тебя не подставит.

Пуше неуверенно провел пальцем по губам, потом, не глядя на Луи, протянул ему руку.

– Допустим, я это сделаю, – сказал он.

Двое мужчин молча направились к выходу. На пороге Луи снова протянул капитану руку.

– Было бы хорошо, – неожиданно сказал Пуше, – заключить новое пари. Давай снова поборемся за кружку пива.

– О чем пари? – спросил Луи.

Оба на мгновение задумались.

– Вот, – сказал Пуше, ткнув пальцем в афишу сельскохозяйственного конкурса в витрине ресторана. Я всегда хотел знать, мул – это детеныш ослицы и жеребца или кобылы и осла?

– А что, есть разница?

– По-моему, да. Я и сам не знаю, клянусь. На что ставишь, Немец?

– Ослица и жеребец.

– Тогда я – на кобылу и осла. Пусть первый, кто узнает правильный ответ, позвонит другому.

Они попрощались, и Луи направился к машине.

Сев за руль, он достал из кармана картонку и дописал напротив имени Жака Пуше, капитана в Невере: *«Хороший парень, даже очень. – Первое мнение составлено чересчур поспешно. – Дал почитать дело об изнасиловании в Невере.*

Прикроет меня. – Новое пари: чей детеныш мул (я сказал: ослица/жеребец). – Проигравший угощает пивом».

Потом он достал из бардачка тряпку для протирки стекол, обильно смочил ее в канаве, посадил Бюфо на переднее сиденье и накрыл его. Так жаба не будет ему докучать.

– Видишь ли, Бюфо, – сказал он, включая зажигание, – есть на белом свете два человека, которым не живется спокойно. Уж они-то не стали бы накрывать тебе башку мокрой тряпкой.

Луи тронулся с места.

– И я, старина, собираюсь найти этих двоих, – добавил он.

Глава 19

Луи проснулся поздно, весь в липком поту. На улице уже стояла жара. Пока варился кофе, он позвонил в кафе на углу улицы Шаль с забавным названием «Красный осел». Это напомнило Луи о заключенном накануне пари с Жаком Пуше, и он стал думать, как же проникнуть в тайну размножения мулов, хотя, в сущности, ему было на нее плевать. Но это было не обычное пари, а спор с двойным дном. Главным тут был их договор с Пуше и его молчание. Узнай Луазель, что Луи известно имя человека на фотороботе, и Клеман Воке погиб.

Хозяйка «Красного осла» попросила подождать, пока она сходит за Вандузлером-старшим. Бывший сыщик часами играл в карты в задней комнате кафе с соседями. Вот уже несколько месяцев с ними играла женщина, к которой он, похоже, питал слабость. На всякий случай, не веря в успех, Луи открыл толковый словарь на слове «мул» и с изумлением прочел, что это *«гибрид – самца осла и кобылы»*. А для невежд в скобочках была приписка, что гибрид ослицы и жеребца называется лошак. Луи так удивился, что машинально поставил телефон на стол. Ему было странно, что он не знал того, что известно всем на свете. Кроме Пуше, который, значит, был таким же невеждой, но Луи это совсем не утешало. Если так дальше пойдет, он и другие пробелы обнару-

жит. Например, окажется, что «стул» или «бутылка» значат совсем не то, что он думал целых пятьдесят лет. Луи поискал картонку, на которой записал условие пари. Он уже забыл, на что поставил.

Ослица и жеребец, стало быть, лошак. Черт... Он налил себе большую чашку кофе и вдруг услышал в трубке скрипучий голос.

– Извини, – сказал он Вандузлеру, – я тут выяснял кое-что о размножении животных... Отвечай кратко... Как прошла ночь? Как Воке?... Хорошо... Хорошо... Марта приходила?... Она тоже была рада? Хорошо, спасибо... В газетах ничего нового? Ладно... Скажи Марку, что история с изнасилованием – правда... Да... Не сейчас... Мне надо найти директора...

Луи повесил трубку, убрал словарь и позвонил в комиссариат Невера. Пуше не было на месте, ему ответила секретарь.

– Обязательно передайте ему, – попросил Луи, – что мы пока считаем, что прав я. Во всем, кроме мула. И что я должен ему пиво.

Секретарша попросила дважды повторить, записала и без лишних слов повесила трубку. Луи принял душ, посадил Бюфо в ванную из-за жары и пошел на почту. Там он без труда нашел адрес Поля Мерлена. Была суббота, и он наверняка застанет его дома. Луи взглянул на большие стенные часы. Десять минут первого. Глупо беспокоить Мерлена сейчас, во

время семейного обеда. Да и его поношенная куртка тоже не годилась для встречи. Мерлен жил в Седьмом округе на Университетской улице⁴. Продажа института в Невере наверняка принесла ему несколько миллионов, и спал он не на соломе. Пожалуй, ему следует одеться как подобает, директор наверняка следил за своим внешним видом, как свойственно профессуре.

В половине третьего Луи стоял на Университетской улице возле небольшого трехэтажного особняка с двориком восемнадцатого века. На нем была белая рубашка, легкий серый костюм и галстук цвета бронзы. Он еще раз осмотрел себя с ног до головы в зеркальном окне банка. Волосы немного длинноваты, но он зачесал их назад. Уши слегка великоваты, но тут уж ничего не поделаешь.

Он позвонил в домофон, и ему ответил сам Мерлен. Некоторое время они переговаривались, но Луи умел убеждать, и Мерлен наконец согласился его принять.

Когда Луи вошел, Мерлен складывал документы и был слегка не в духе.

– Мне неловко вас беспокоить, – очень вежливо начал Луи, – но я не мог ждать. Дело мое не терпит отлагательств.

– Вы сказали, что это связано с моим бывшим институтом? – спросил Мерлен, вставая, чтобы пожать Луи руку.

Луи ошеломленно заметил, что Поль Мерлен был на удив-

⁴ Седьмой, Восьмой, Шестнадцатый и Семнадцатый округа считаются самыми престижными в Париже.

ление похож на его жабу Бюфо и потому сразу стал ему симпатичен. Но, в отличие от Бюфо, Мерлен был одет в изысканный классический костюм и вряд ли бы согласился жить в корзинке для карандашей. Просторный кабинет был роскошно обставлен, и Луи похвалил себя за то, что переделся. Зато, как и Бюфо, этот человек был сложен непропорционально, сутулился, голова его выдавалась вперед. У него была тусклая сероватая кожа, как у Бюфо, вялые губы, надутые щеки, тяжелые веки и особенно это отрешенное выражение лица, типичное для земноводных, словно утомленных тщетой земного существования.

– Совершенно верно, – подтвердил Луи, – драма, разыгравшаяся ночью девятого мая, расправа над женщиной...

Мерлен поднял свою тяжелую лапу.

– Правильнее будет назвать это катастрофой... Вам известно, что эта история уничтожила институт? А ведь он был основан в тысяча восемьсот шестьдесят четвертом году.

– Я знаю. Капитан неверской полиции сообщил мне подробности дела.

– На кого вы работаете? – спросил Мерлен, остановив на Луи тяжелый взгляд.

– На министерство, – ответил Луи, протягивая свою старую визитку.

– Слушаю вас, – кивнул Мерлен.

Луи мысленно подбирал нужные слова. Из дворика доносилось назойливое жужжание шлифовального и ножовочно-

го станка, и, похоже, Мерлена это очень раздражало.

– Кроме молодого Русле в изнасиловании участвовали еще двое. Я ищу их. И прежде всего Жана Тевенена, бывшего садовника.

Мерлен поднял большую голову.

– Секатор? – переспросил он. – К сожалению, так и не смогли доказать, что он там был...

– К сожалению?

– Я не любил этого человека.

– Клеман Боке, помощник садовника, был уверен, что он был среди тех троих.

– Боке... – со вздохом сказал Мерлен, – ну кто же станет слушать Боке? Он был... как бы вам сказать... не слабоумным... нет, ограниченным. Но скажите... Это сам Боке вам все рассказал? Вы с ним виделись?

В тягучем голосе Мерлена послышалось недоверие. Луи насторожился.

– Я никогда его не видел, – твердо сказал он, – все подробности я прочел в полицейском архиве Невера.

– А... Почему вы занялись этой печальной историей? Это было так давно.

Голос снова напряженный и недоверчивый. Луи решил сделать ход конем.

– Я ищу убийцу с ножницами.

– Ясно, – вяло проговорил Мерлен.

Потом молча встал, подошел к стеллажам, на которых ца-

рил образцовый порядок, и вернулся к Луи с матерчатой папкой в руках. Открыв ее, он вынул фоторобот Воке и положил перед Луи на стол.

– Я думал, что убийца – он, – сказал Мерлен.

Они помолчали, глядя другу в глаза. Хищная птица не всегда может перехитрить земноводное.

Жаба очень ловко умеет прятать в нору свой толстый зад, оставляя баклана с носом.

– Вы его узнали? Узнали Воке? – спросил Луи.

– Конечно. – Мерлен качнул плечами. – Он проработал у меня пять лет.

– И вы не сообщили в полицию?

– Нет.

– Почему?

– Желающих и без того хватает. Я лично на него доносить не собираюсь.

– Почему? – повторил Луи. Мерлен пошевелил вялыми губами.

– Мне нравился этот парнишка, – хмуро признался он.

– Вид у него не слишком привлекательный, – сказал Луи, возвращая портрет.

– Вы правы, – согласился Мерлен, – у него лицо болвана. Но что такое лицо? И что такое глупость? Мне парень нравился. А теперь, поскольку все прояснилось, расскажите, как идет следствие? Полиция уверена, что это он?

– Абсолютно. Улики против него серьезные. У него практически нет шансов. Но им пока неизвестно его имя.

– Но вы-то его знаете, – сказал Мерлен, указывая длинным пальцем на Луи. – Почему же ничего им не говорите?

– Кто-нибудь все равно это сделает, – поморщившись, ответил Луи. – Это дело времени. Может быть, пока мы с вами беседуем, кто-нибудь уже донес.

– Вы не считаете его виновным? – спросил Мерлен. – Похоже, у вас есть сомнения.

– Я всегда сомневаюсь, такая привычка. По-моему, все слишком уж гладко, слишком очевидно и ясно. Следить за женщинами несколько дней у всех на виду, оставить отпечатки пальцев на месте преступления – все это-то как-то чересчур... А все, что «слишком», вызывает недоверие.

– Видно, что вы не знали Воке... Он неразвит, почти слабоумный. Что вас смущает?

– Тогда в институте он не тронул женщину, а, наоборот, защитил ее.

– Да, я до сих пор так считаю.

– А теперь он убивает? Что-то не похоже.

– Если только та жестокая сцена и увольнение не сломали окончательно его слабую психику... кто знает, – тихо добавил Мерлен, глядя на портрет. – Парень мне нравился, и он защитил женщину, как вы верно заметили. Когда шел дождь, он приходил посидеть в классе и слушал лекции по французскому и экономике... Через пять лет его речь стала жуткой

тарабарщиной.

Мерлен улыбнулся.

– Он часто приходил в мой кабинет подстригать плющ вокруг окна, ухаживал за цветами... Когда бухгалтерия не занимала у меня слишком много времени, мы во что-нибудь с ним играли. Так... ничего особенного... Нарды, домино, орлянка... ему это нравилось... Господин Анри, преподаватель экономики, тоже занимался с ним. Он научил его играть на аккордеоне по слуху. И вы не поверите, у него оказались большие способности. В общем... Мы все старались по мере сил заботиться о нем.

Мерлен потряс газетой.

– А потом... все пошло прахом.

– Я в это не верю, – повторил Луи, – я думаю, что кто-то подставил Воке, чтобы отомстить.

– Один из тех негодяев?

– Именно. Возможно, вы могли бы мне помочь.

– Вы действительно так думаете? Есть хоть малейшая надежда, что это правда?

– Надежда есть, и даже большая.

Мерлен откинулся на спинку кресла и замолчал. Шум шлифовального станка назойливо резал слух. Мерлен крутил в руке две монетки, то прятал в ладони, то снова доставал их, шевелил губами, веки упали на его угрюмые глаза. Размышлял он долго. Луи подумал, что этот симпатичный земноводный не просто задумался. Он словно пытался спра-

виться с овладевшим им чувством, прежде чем вернуться к разговору. Прошло три минуты. Луи расправил под столом ноги и ждал. Вдруг Мерлен встал, подошел к окну, рывком распахнул его.

– Выключи машину! – крикнул он, перегнувшись через низкий парапет. – Выключи, прошу тебя, у меня посетитель.

Потом он закрыл окно и остался стоять рядом. Послышалось, как машина замедлила ход, потом остановилась.

– Это мой отчим, – пояснил Мерлен, раздраженно вздохнув. – Даже в воскресенье не расстается со своими чертовыми инструментами. В институте я устроил ему мастерскую в глубине парка, там он никому не мешал. Но здесь я уже пять лет живу как в аду...

Луи понимающе кивнул.

– Что поделаешь? – будто сам с собой говорил Мерлен. – Отчим все-таки. Не могу же я выгнать семидесятилетнего старика.

Понурившись, Мерлен вернулся в свое кресло и снова ненадолго задумался.

– Я бы отдал все, что угодно, – жестко сказал он наконец, – чтобы те двое оказались за решеткой.

Луи молча ждал продолжения.

– Знаете, – продолжил бывший директор, с трудом контролируя свой голос. – Эти трое негодяев разрушили мою жизнь. А молодой Воке пытался ее спасти. Я любил эту женщину, Николь Бердо, и хотел жениться на ней. Да, я надеял-

ся и ждал летних каникул, чтобы сделать ей предложение. А потом такая трагедия... Молодая женщина и трое ублюдков. Русле покончил с собой, и я не стану его оплакивать. А двое других, – я бы все отдал, чтобы их засадить.

Мерлен выпрямился и положил короткие руки на стол, голова его выдавалась вперед.

– Поговорим о Секаторе... – предложил Луи. – Вы знаете, где он сейчас?

– Увы, нет. Я уволил его сразу после той драмы. Все-таки насчет него были серьезные подозрения, хотя и ни одного доказательства. Насколько трогательным был Воке, настолько отвратителен был Тевенен – Секатор, как называли его другие садовники. Вечно грязный, всегда бросал сальные взгляды на молодых студенток. Заметьте, другие были не лучше его. Мой отчим, например. – Мерлен неприязненно кивнул в сторону окна. – Тоже без конца высматривал девушек, пытался заигрывать, крутился около... Он не злой, но навязчивый и очень надоедливый. В пансионах это всегда рядом. С одной стороны – семьдесят пять девушек, с другой – восемьдесят юношей. Вы уж мне поверьте, удержаться от соблазна нелегко. В конце концов, я взял этого Тевенена по просьбе подруги семьи... Он знал свое дело. Выращивал чудесные овощи. Воке говорил, что это он уродует деревья своим секатором, но я не уверен.

– Вы не видели его потом в Невере?

– Вынужден вас огорчить, но нет. Тем не менее я постара-

юсь вам помочь, попробую навести справки. У меня в Неве-
ре столько знакомых, что я, скорее всего, смогу что-нибудь
разузнать.

– Буду вам признателен, – сказал Луи.

– А как быть с третьим, не знаю. Это мог быть кто-то чу-
ужой. Знакомый Секатора или Русле, кто знает... Это только
Секатор может сказать.

– Поэтому я и хочу найти его, – сказал Луи, поднимаясь.

Мерлен тоже встал и проводил его до двери. Во дворе сно-
ва заработал шлифовальный станок. Лицо Мерлена приня-
ло удрученно-покорное выражение, совсем как Бюфо в боль-
шую жару. Он пожал Луи руку.

– Я наведу справки и сообщу вам, – сказал он. – Пусть
мой рассказ останется между нами.

Луи медленно пересек мощный двор и в окне мастер-
ской успел заметить человека, который работал с адской ма-
шиной. У него были седые волосы, голая волосатая грудь,
свежий цвет лица и веселый взгляд. Он положил машину и
помахал Луи. На верстаках Луи увидел много деревянных
статуэток и неопишуемый беспорядок. Закрывая калитку, он
услышал, как из окна второго этажа Мерлен прокричал:

– Прекрати, черт бы тебя побрал!

Глава 20

Вечером Луи заскочил к Марте, сообщил, что с ее питомцем все в порядке, и снова дал наставления соблюдать осторожность.

В десять вечера он зашел к Клеману Воке и рассказал о своей встрече с бывшим директором.

– Он хорошо к тебе относился, – сказал он Клеману, который в этот вечер почему-то вовсе не собирался идти спать, а, напротив, был оживлен.

– И я сам тоже, – сказал Клеман, лихо прижимая пальцем ноздрю.

– Кто с ним сегодня? – тихо спросил Луи у Марка.

– Люсьен.

– Ладно. Скажи, пусть глядит в оба. По-моему, он чересчур возбужден.

– Не волнуйся. Как собираешься найти Секатора?

Луи недовольно поморщился.

– Трудновато будет, – проворчал он, – проверять по одному всех Тевененов Франции, так мы далеко не уедем. Я сегодня утром посмотрел, их там чертова уйма. А времени у нас в обрез. Время поджимает, понимаешь, время. Нужно спрятать Клемана от полиции и защитить женщину от убийцы. Развлекаться некогда. Надо бы в полицию наведаться. Он наверняка есть в картотеке. Натан дал бы мне приметы.

– А если его нет в картотеке?

– Тогда я очень надеюсь на Мерлена, он постарается отыскать его след через Невер. Мерлен не любит его, так что он постарается.

– А если Мерлен его не найдет?

– Тогда остается справочник.

– А если у Тевенена нет телефона? Моей фамилии в справочнике нет, но я же есть.

– Черт побери, Марк! Не загоняй меня вопросами в угол! Где-то он обретается, этот Тевенен, и мы его найдем!

Луи немного обескураженно взъерошил волосы.

– Он на кладбище Монпарнас, – неожиданно раздался мелодичный голос Клемана.

Луи медленно повернулся к нему. Клеман методично складывал и снова разворачивал серебряный фантик.

– Что ты сказал? – спросил Луи не слишком дружелюбно.

– Я говорю про Секатора. – На губах Клемана снова появилась злая улыбка, как было всегда, когда он говорил об этом человеке. – Он самолично на монпарнасском кладбище, вот он где.

Луи схватил Клемана за руку и жестко и пристально уставился на него своими зелеными глазами. Клеман спокойно выдержал этот взгляд, а Марк знал, что этого почти никто не мог. Даже он сам, хоть и знал Луи, всегда отворачивался, когда Немец так смотрел.

– Ты убил его? – спросил Луи, сжимая худую руку Кле-

мана.

– Кого?

– Секатора...

– Да нет, конечно, – удивился Клеман.

– Дай лучше я с ним поговорю, – сказал Марк, отстраняя

Луи.

Марк взял стул и поставил его между Луи и Клеманом. Вот уже четвертый раз за три дня Луи выходил из себя. Марк же, напротив, держал себя в руках, что было весьма необычно. Этот Воке все переворачивал с ног на голову.

– Скажи-ка, – мягко начал Марк, – Секатор умер?

– Нет, конечно.

– Что же тогда он делает на кладбище?

– Так он там садовник!

Луи снова схватил Клемана за руку, но уже не так порывисто.

– Клеман, ты уверен в том, что говоришь? Секатор ухаживает за кладбищем Монпарнас?

Клеман поднял руку.

– Он работает садовником на кладбище? – Луи задал вопрос по-другому.

– Ну да. А что ему еще делать? Он ведь садовник!

– Но когда ты об этом узнал?

– Всегда знал. С тех пор, как он ушел из парка Невера, почти тогда же, когда и я. Он садовничал на кладбище Невера, а потом ушел на Монпарнас.

Садовники Невера мне говорили, что иногда он не приходит домой, а ночует среди могил.

Молодой человек снова скривил губы, то ли от ненависти, то ли от отвращения, не поймешь.

– Садовники Невера все знают, – заключил Клеман.

В этих решительных словах Луи впервые ощутил влияние Марты, и это его немного смягчило. Марта оставила след в этом парне.

– Почему ты мне этого не сказал? – немного растерянно спросил Луи.

– А ты у меня уже спрашивал?

– Нет, – признался Луи.

– Ну и хорошо, – облегченно вздохнул Клеман.

Луи подошел к раковине, выпил воды из-под крана, с трудом удержался, чтобы не вытереть рот рукавом пиджака, – он все еще был в своем шикарном костюме, – и провел мокрыми руками по черным волосам.

– Идем, – сказал он.

– На кладбище? – спросил Марк.

– Да. Зови Люсьена, пусть заступает.

Марк трижды стукнул в потолок, призывая специалиста по новой истории. За три дня, проведенных в доме, Клеман уже успел узнать об этой системе связи и теперь улыбнулся.

– Я тоже так делал с яблоками, чтобы они падали, – весело сказал он.

– Сейчас упадет, – подтвердил Марк, – сам увидишь.

Через минуту Люсьен сбежал по лестнице и вошел в столовую с книгой в руке.

– Моя очередь? – спросил он.

– Да. Присмотри за ним, он сегодня немного возбужден.

Люсьен отсалютовал по-военному и тряхнул головой, откидывая прядь волос, спадавшую на глаза.

– Не переживай. Ты далеко собрался?

– На кладбище, – ответил Марк, надевая черную льняную курточку.

– Чудесно. Встретишь Клемансо, привет ему от меня. В добрый путь, солдат.

И, больше ничего не прибавив, Люсьен сел на скамью, улыбнулся Клеману и открыл на коленях книгу *«1914 – 1918 гг. Героическая культура»*.

Глава 21

Луи согласился доехать до монпарнасского кладбища на автобусе, и теперь двое приятелей быстро шагали в ночной темноте.

– Странный он все-таки, согласишься, – сказал Луи.

– Да пойми ты, он не мог знать, что ты ищешь Секатора, – ответил Марк.

– Да нет, я про твоего коллегу, про Люсьена. По-моему, он странный.

Марк насупился. Он только себе позволял критиковать и поносить Люсьена и Матиаса, но не терпел, когда это делал кто-то другой. Даже Луи.

– Вообще он не странный, – сухо ответил он.

– Может быть. Не знаю, как ты его терпишь целый год?

– Прекрасно, – хмуро соврал Марк.

– Ладно, не кипятись. Он же тебе не брат.

– Да что ты понимаешь?

– Ладно, Марк, забудем, что я сказал. Меня одно волнует: можно ли ему доверять? Я боюсь оставлять с ним Клемана, по-моему, он не осознает, как все серьезно.

– Слушай, – сказал Марк, останавливаясь и оглядывая высокую фигуру Немца. – Люсьен все прекрасно осознает. И он умнее нас двоих, вместе взятых. Так что ты зря беспокоишься.

– Ну, раз ты так уверен...

Марк успокоился и стал осматривать стену, тянувшуюся вдоль кладбища Монпарнас.

– Как пойдём? – спросил Луи.

– Поверху.

– Тебе-то хорошо, а я хромой. Так что будем делать?

Марк огляделся:

– Вон мусорные баки. Я тебя подсажу на крышу, и ты перелезешь.

– Неплохо придумано, – заметил Луи.

– Кстати, это идея Люсьена.

Приятели подождали, пока уйдут прохожие, и притащили высокий мусорный бак на улицу Фру-адво.

– А как мы узнаем, там ли он? – спросил Марк. – Кладбище большое. Да ещё поделено на две части.

– Если он здесь, думаю, у него будет гореть свет. Его и будем искать.

– Почему не подождать до завтра?

– Потому, что время не терпит, и потому, что лучше поймать его ночью, одного. По ночам люди беззащитны.

– Не все.

– Кончай трепаться, Марк.

– Ладно. Я тебе помогу залезть на бак. Потом залезу на стену и втащу тебя.

– Давай.

Но все оказалось не так просто. Кельвелер весил девяно-

сто килограммов при росте метр девяносто. Марку это показалось чересчур, даже обидно.

– Ты захватил фонарь? – спросил Луи, отдуваясь, когда они оказались на той стороне кладбища.

Он переживал за свой костюм и боялся, что тот безнадежно испорчен.

– Пока не нужно. И так все видно, тут деревьев нет.

– Да, это еврейское кладбище. Давай потихоньку к деревьям.

Марк бесшумно двигался вперед. Ему было спокойно оттого, что Луи шел сзади. Он не боялся кладбища, но ему было стыдно признаться, что он боится этого человека, Секатора, который притаился в темноте со своим жутким инструментом. Клеман так его описал, что мороз пробирал по коже. Марк почувствовал, как Луи тронул его за плечо.

– Вон там, – шепнул Луи, – слева.

Метрах в тридцати между деревьями дрожал огонек, рядом под деревом сидел человек.

– Ты справа, я слева, – скомандовал Луи.

Марк отошел от Луи и стал огибать деревья. Оба встретились через полминуты, окружив Секатора с двух сторон. Он заметил их в последнюю секунду, вздрогнул от неожиданности, уронив миску, из которой ел. Дрожащими руками он подобрал ее, по очереди глядя на обоих мужчин, окруживших его, и попытался встать.

– Сиди смирно, Тевенен, – сказал Луи, кладя широкую

ладонь ему на плечо.

– Чего вам надо, черт побери? – прогнусавил он с сильным ньеврским выговором.

– Ты Тевенен? – сказал Луи.

– И дальше что?

– Спишь на рабочем месте?

– А хоть бы и так? Кому это мешает?

Луи зажег фонарь и провел лучом по лицу Тевенена.

– Какого черта? – огрызнулся тот.

– Хочу получше тебя разглядеть.

Он долго вглядывался в лицо Тевенена, потом поморщился.

– Надо поговорить, – сказал Луи.

– Еще чего. Я вас не знаю.

– Не беда. Мы от твоей знакомой.

– Чего-о-о?

– А того. Не будешь говорить сегодня – заговоришь завтра. Или потом. Она не торопится.

– Кто это – она? – недоверчиво протянул Тевенен.

– Женщина, которую ты изнасиловал в Невере с двумя дружками. Николь Бердо.

Тевенен снова попытался встать, но Луи рукой прижал его к земле.

– Сиди смирно, – спокойно приказал он.

– Я тут ни при чем.

– При чем.

– Меня там не было.

– Был.

– Черт! – завопил Тевенен. – У вас что, не все дома? Вы ее родственники? Говорю вам, я эту девчонку не трогал.

– Ты был там в своем бежевом поло.

– У кого угодно есть такая одежда! – крикнул Тевенен.

– И тот же гнусавый голос, как сейчас.

– Кто вам эту чушь наплел? – Он вдруг снова обрел уверенность. – Кто? Тот мальчишка, да? Ну конечно, мальчишка! Он? Дурень деревенский?

Тевенен расхохотался и схватил бутылку вина, прислоненную к стволу дерева. Потом сделал несколько долгих глотков.

– Это ведь он, да? – спросил он, тряся бутылкой у Луи под носом. – Этот debil? А знаете, кто он, ваш осведомитель? – Тевенен ухмыльнулся, подтянул к себе старую полотняную сумку и стал яростно в ней рыться.

– Вот, – сказал он, размахивая перед глазами Луи и Марка газетой, сложенной на странице с фотороботом. – Убийца! Вот он кто, ваш стукач!

– Я знаю, – оборвал его Луи, – дай-ка взглянуть, что у тебя в сумке.

– Черт! – снова выкрикнул Тевенен.

– Не чертыхайся, ты нас утомляешь. Марк, посвети мне.

Луи вывернул сумку и вытряхнул ее содержимое на гравий: сигареты, расческа, грязная рубашка, две банки консер-

вов, колбаса, нож, три порножурнала, две связки ключей, четверть батона, штопор, полотняная кепка. Все вещи воняли.

– А твой секатор? – спросил Луи. – Где он?

Тевенен пожал плечами.

– У меня его больше нет, – сказал он.

– Ты расстаешься с фетишами? Почему тебя прозвали Секатором?

– Это дурачок так меня звал. Он идиот был. Не мог далию от тыквы отличить.

Луи аккуратно сложил грязное тряпье обратно в сумку. Он не любил разбрасывать чужие вещи, даже если они были старые и вонючие. Тевенен снова хлебнул из бутылки. Прежде чем спрятать порножурналы, Луи быстро пролистал их.

– Интересуешься? – ухмыльнулся Тевенен.

– Нет. Смотрю, не изрезал ли ты их.

– Ты о чем это?

– Подымайся. У тебя здесь есть сарай с инструментами?

Веди нас туда.

– В честь чего это?

– В честь того, что выбора у тебя нет. В честь женщины из Невера.

– Дерьмо! Не трогал я ее!

– Пошел! А ты, Марк, придержи его.

– Моя бутылка! – закричал Тевенен.

– Потом заберешь. Шагай.

Пошатываясь, Тевенен привел их на другой конец кладбища.

– И что ты тут нашел? – сказал Луи.

– Здесь тихо, – ответил Тевенен.

– Открывай, – велел Луи, когда они подошли к маленькой деревянной будке.

Тевенен, которого держал Марк, повиновался, и Луи осветил маленькое помещение, где лежали кое-какие садовые инструменты. Минут десять он тщательно обыскивал сарай, время от времени поглядывая на лицо Тевенена, который то и дело злобно хихикал.

– Проводи нас до ограды и открой ворота, – сказал он, закрывая сарай.

– Если захочу.

– Конечно, если захочешь. Давай, шевели ногами.

У ограды Луи обернулся к Тевенену и легонько прихватил его за рубашку.

– А теперь, Секатор, закрой пасть и слушай внимательно: я к тебе еще зайду, можешь не сомневаться. Не пытайся улизнуть, а то сильно повредишь себе. Не смей прикасаться ни к одной женщине, слышишь? Один только промах, одна жертва – и можешь мне поверить: ты отправишься к своим друзьям на кладбище. Я тебе не оставлю ни одной лазейки, куда бы ты ни смылся. Подумай об этом хорошенько.

Луи взял Марка под руку и закрыл за собой ворота.

Оказавшись на бульваре Распай, они почти удивились тому, что снова видят город. Марк спросил:

– Почему ты не прижал его?

– Как? Секатора в сумке нет, в сарае тоже. Ножниц и тех нет, шила тоже. Журналы не тронуты.

– А у него дома? Почему мы не пошли к нему?

– По какому праву, Марк? Этот тип здорово набрался, но он не дурак. С него станется заявить в полицию. От Секатора до Клемана один шаг. И от нас до Клемана тоже. Если Секатор пойдет в полицию и расскажет свою историю, легавые завтра же будут у тебя и заберут Воке. Видишь, тут особо не разгуляешься.

– А как Секатор расскажет, что это ты, он же тебя не знает?

– Не знает, но Луазель знает, что я интересуюсь этим делом, он догадается. И решит, что я зашел слишком далеко, не предупредив его. Вокруг нас не дураки, вот в чем беда.

– Понятно, – сказал Марк, – мы в тупике.

– Отчасти. Лазейки есть, но пройти по ним надо с ювелирной точностью. Надеюсь, мы на какое-то время его напугали. И я его не упущу.

– Не обольщайся. На таких людей угрозы не действуют.

– Не знаю, Марк. Слушай, автобусы уже не ходят, возьмем такси, у меня спина разламывается.

На улице Вавен Марк остановил машину.

– Зайдешь пива выпить? – спросил он Луи. – Тебе полег-

чает.

Луи немного подумал и выбрал пиво.

Глава 22

В столовой Гнилой лачуги на улице Шаль все еще горел свет. Луи взглянул на часы: был час ночи.

– Поздно Люсьен засиживается, – сказал он, толкая старую калитку.

– Да, – ответил Марк с некоторой важностью, – он у нас работяга.

– Как вы сторожите Клемана по ночам?

– Ставим скамейку у двери, кладем две подушки и спим на ней, загородив дверь. Не очень удобно, зато Клеман не выйдет незаметно. Матиас спит под лавкой без подушек. Но он у нас оригинал.

Луи не осмелился возражать. Он уже и так натворил дел с Люсьеном.

Люсьен был на своем месте за большим столом, но не работал. Положив голову на руки, он спал глубоким сном на *«Героической культуре 1914 – 1918 гг.»*. Марк бесшумно подошел к двери комнаты Клемана и открыл ее. Посмотрел в комнату и резко повернулся к Луи.

– Что? – вскинулся тот.

Марк медленно покачал головой, не в силах вымолвить ни слова. Луи кинулся к двери.

– Ушел, – сказал Марк.

Прятели обменялись ошеломленными взглядами. У

Марка выступили слезы. Он бросился к Люсьену и грубо растолкал его.

– Мартин пупсик, – кричал он, – куда ты его подевал, дурачина?

Люсьен с трудом продрал глаза. На лбу у него остался след от книги.

– Кого? – спросил он сиплым голосом.

– Клемана! – кричал Марк, по-прежнему тряся Люсьена. – Где Клеман, черт тебя возьми?

– А, Клеман... Ничего страшного не случилось, он ушел.

Люсьен встал и потянулся. Марк ошеломленно глядел на него:

– Ушел? Куда ушел?

– Прогуляться по кварталу. Бедняге было тяжело сидеть взаперти, чему тут удивляться.

– Но как он мог уйти? – крикнул Марк, снова кидаясь к Люсьену.

Тот спокойно посмотрел на него.

– Марк, дружок, – важно сказал он, шмыгая носом, – он ушел, потому что я ему разрешил.

Люсьен бросил взгляд на часы.

– Я дал ему увольнительный на два часа. Он не опоздает. Вернется ровно через сорок пять минут. А я вам пока пивка открою.

Люсьен пошарил в холодильнике и принес три бутылки пива. Луи сел на скамью, его огромная фигура выглядела

устрашающе.

– Люсьен, – сказал он бесцветным голосом, – ты это нарочно сделал?

– Да, – подтвердил Люсьен.

– Ты это сделал специально, чтобы достать меня?

Люсьен посмотрел Луи в глаза.

– Возможно, – сказал он, – но я больше хотел, чтобы он развеялся. Ему ничего не грозит. У него щетина отросла, волосы короткие и черные, очки и одежда Марка. Опасности никакой.

– Значит, чтобы он развеялся?

– Вот именно, развеялся, – сказал Люсьен, то и дело заглядывая в зеленые глаза Луи. – Чтобы он размялся, чтобы почувствовал себя свободным. Уже три дня мы держим его в четырех стенах с закрытыми ставнями и обращаемся с ним как с вещью, как будто он ничего не понимает и не чувствует. Мы будим его, кормим, «ешь, Клеман», расспрашиваем, «отвечай, Клеман», а когда он больше не нужен, отправляем его в постель. «Иди спать, Клеман», «отвали, оставь нас в покое, иди поспи»... Так в чем же моя вина? Что я такого сделал? – сказал он, наклоняясь к Луи через стол.

– Огромную глупость, – сказал Луи.

– Я, – делая вид, что не слышит, продолжал Люсьен, – вернул ему его маленькие крылышки, чувство собственного достоинства.

– И надеюсь, ты понимаешь, куда заведут его эти крылыш-

ки?

– За решетку! – крикнул Марк, подходя к Люсьену. – Ты отправил его напрямик за решетку!

– Вовсе нет, – сказал Люсьен, – его никто не узнает. У него теперь вид вполне добропорядочного гражданина.

– А если его узнают, идиот?

– Настоящей свободы без риска не бывает, – небрежно заметил Люсьен. – Ты историк и должен это знать.

– А если он потеряет эту свободу, кретин?

Люсьен по очереди взглянул на Марка и Луи и поставил каждому пиво.

– Не по-те-ря-ет, – по слогам выговорил он. – Полиция его как поймает, так и отпустит. Потому что убийца не он.

– Ах так! – воскликнул Марк. – А полиции об этом известно? Это что-то новенькое.

– Да, новенькое, – сказал Люсьен, быстро открывая свое пиво. – Но легавые об этом еще не знают. Я один это знаю. Но я хочу с вами поделиться, – добавил он после некоторого молчания.

И улыбнулся.

Луи открыл пиво и сделал несколько глотков, не сводя глаз с Люсьена.

– Советую сочинить, что-нибудь поинтереснее, – угрожающе произнес он.

– А мне и сочинять нечего. Главное, чтобы это была правда. Не так ли, Марк? А моя история – чистая правда.

Люсьен вышел из-за стола и сел на маленький трехногий табурет у камина. На Луи он больше не смотрел.

– Первое убийство произошло на улице Аквитании, в Деятнадцатом округе. Второе – на улице Башни Аббатис, на другом конце Парижа, в Девятом округе. Третье убийство, если мы не сможем ему помешать, случится на улице Звезды, в Семнадцатом округе.

Луи, моргая, смотрел на Люсьена, силясь понять.

– Или, – продолжал Люсьен, – на улице Венеры. Но я больше склоняюсь к улице Звезды. Это совсем маленькая улочка. Если бы полиция хорошо работала, они бы пошли и предупредили всех одиноких молодых женщин, живущих на этой улице, чтобы не открывали никому дверь. Но, – добавил он, глядя на недоверчивые лица Луи и Марка, – боюсь, полиция меня не послушает.

– Ты просто сумасшедший, – процедил Луи сквозь зубы.

– «Аквитания»?... «Башня»?... Вам это ничего не напоминает? – спросил Люсьен, глядя на них с удивлением. – «Аквитания»... «Башня»... Марк? Боже мой! Неужели тебе это ни о чем не говорит?

– Говорит, – неуверенно отозвался Марк.

– Ага! – обрадовался Люсьен. – Ну что?

– Это стихи.

– Чьи?

– Нерваля.

Люсьен быстро встал, взял с буфета книгу и открыл ее на

заложенной странице.

– Вот, – сказал он, – я вам прочту:

Во мраке, вдов и безутешен, я бреду,
Князь Аквитании, чьей Башни больше нет.
На струнах лютни онемевшую Звезду
Печали Солнце Черное заменит мне².

Люсьен положил книгу. На лбу у него выступила испарина, щеки покраснели. Марк видел, как сильно возбужден Люсьен, но не знал, что думать, и был настороже. Экзальтация Люсьена могла кончиться катастрофой или гениальным откровением.

– Убийца следует строчке за строчкой! – Люсьен стукнул кулаком по столу. – Эти Аквитания и Башня не случайно оказались вместе. Это невозможно! Это стихи, совершенно очевидно! Мифологические стихи, поэма о любви! Самые загадочные и знаменитые стихи столетия! Самые знаменитые! В их основе – несбыточная мечта, загадка перво-источков! Навязчивая идея, ростки безумия! И путь преступления для психа, которым они завладеют!

У Люсьена пересохло в горле, он замолчал, разжал кулак и глотнул пива.

– И сегодня вечером, – шумно заговорил он, – я проверил Клемана. Я прочел ему это четверостишие. И я могу вам га-

² Перевод Заремы Джабраиловой.

рантировать, что он впервые слышал эти строки. Убийца не Клеман. Поэтому я и позволил ему уйти.

– Жалкий придурок, – бросил Луи, порывисто вставая.

Весь бледный от ярости, он направился к двери и повернулся к Люсьену.

– Люсьен, – сказал он дрожащим голосом, – ты должен узнать о жизни кое-что еще, кроме своей дерьмовой войны и поэзии. Усвой одну вещь: *никто* не убивает, чтобы написать красивые стихи! *Никто* не убивает женщин, чтобы украсить ими поэму, как елку шарами! *Никто!* Никто никогда этого не делал и никто никогда не сделает! И это не теория! Это правда жизни! Жизнь так устроена, и убийства тоже. *Настоящие* убийства! А не те, что рождаются в твоём мозгу эстета. А те убийства, о которых мы говорим, как раз и есть настоящие преступления, а не эстетские придумки. Так что запомни раз и навсегда, Люсьен Девернуа, если твои жалкие интеллектуальные бредни приведут Клемана в тюрьму на всю жизнь, клянусь, я заставлю тебя съедать по одной книге каждую субботу в час ночи, в память об этом событии.

И Луи с силой захлопнул за собой дверь.

На улице он заставил себя успокоиться. Он мог бы задушить этого тупицу, чтобы тот взял назад свои безумные ученые бредни. Нерваль! Стихи! Крепко сжав зубы, Луи прошел метров пятнадцать по улице Шаль до низкой стены, где Вандузлер-старший любил посидеть в хорошую погоду. Он сел там и в теплой ночи стал ждать обещанного возвраще-

ния Клемана. Он посмотрел на часы. Если Клеман уложится в срок, который назначил ему этот идиот, он вернется через пятнадцать минут.

Эти четверть часа Луи просчитал минуту за минутой. И за это малое время он понял, что значила та надежда, которую они подарили старой Марте, и как он хотел вернуть ей ее парня свободным. Сжав кулаки, Луи осматривал оба конца улицы. И ровно через пятнадцать минут он увидел послушную фигуру Клемана, тот осторожно пробирался по улице. Луи спрятался в тень. Когда молодой человек прошел мимо него, сердце Луи учащенно забилося, словно тот был дорог ему. «Хвоста» за Клеманом не было. Луи убедился, что он вошел в дом и закрыл дверь. Цел и невредим.

Почувствовав облегчение, Луи потер ладонями лицо.

Глава 23

В половине третьего ночи Луи без сил рухнул на кровать и решил, что весь следующий день проведет в постели. Кстати, наступало воскресенье.

Без десяти двенадцать он открыл глаза и почувствовал себя гораздо бодрее. Он протянул руку и включил радио – послушать новости в мире, а потом тяжело поднялся.

Из душа он услышал нечто такое, что заставило его насторожиться. Он закрутил кран и прислушался.

...по-видимому, произошло поздно вечером. Молодая женщина тридцати трех лет...

Луи выскочил из ванной и застыл у радиоприемника.

...по словам следователей, убийца настиг Поль Бурже, когда она находилась дома одна, на улице Звезды, в Семнадцатом округе Парижа. Убитую обнаружили сегодня утром. Скорее всего, сама открыла убийце дверь между половиной двенадцатого и половиной второго ночи. Молодая женщина была задушена, после чего ей нанесли множество колотых ударов по всему телу. Раны идентичны тем, что были оставлены на теле предыдущих жертв, обнаруженных

в Париже за последний месяц на улице Аквитании и улице Башни Аббатис. Полиция по-прежнему разыскивает человека, чей фоторобот был напечатан в газетах в четверг утром и который мог бы предоставить следствию весьма важные сведения...

Луи уменьшил громкость, но выключать не стал. Несколько минут он ходил кругами по комнате, прижав кулак ко рту, потом вытерся, схватил одежду и стал машинально одеваться.

Черт возьми. Третья женщина. Луи быстро подсчитал. Она была убита между половиной двенадцатого и половиной второго. Они ушли от Секатора без четверти двенадцать. У него было время. А Клеман, – Луи поморщился, – его не было два часа по милости Люсьена, который «подарил ему крылышки», и он вернулся без четверти два. Он вполне мог обойти весь Париж и вернуться. Луи помрачнел. Где это случилось? Он замер, держа в руках рубашку. Улица Звезды... Они сказали действительно «улица Звезды», или ему это почудилось из-за рассказней Люсьена?

Луи прибавил звук, отыскивал новости и прослушал все заново.

...изуродованное тело еще одной молодой женщины у нее дома на улице Звезды, в Париже, около восьми часов...

Луи выключил радио и некоторое время, полуголый, неподвижно сидел на кровати. Потом медленно надел рубашку и снял трубку. Как он вчера назвал Люсьена? Жалким придурком, дерьмовым интеллектуалом и тому подобное. Чудная встреча им предстоит, ничего не скажешь.

А прав-то оказался Люсьен. Набирая номер «Красного осла», Луи покачал головой. Что-то все равно было не так.

Хозяйка кафе позвала Вандузлера-старшего, тот отложил карты и сходил в дом за Марком, больше никого не было. Через пять минут Марк взял трубку.

– Марк? Это я. Отвечай кратко, как обычно. Ты уже слышал? О третьей женщине?

– Да, – серьезно ответил Марк.

– Я знаю, что Клеман вчера вернулся. Каким он тебе показался? Взволнованным?

– Нормальным.

– Он знает про убийство?

– Да.

– Что он сказал?

– Ничего.

– А... Люсьен? Вы виделись утром?

– Нет, я спал. Но он скоро придет обедать.

– Может, он пока не знает.

– Знает. Он оставил записку на столе. Сейчас прочту, она у меня с собой. «9.30 – Всем подразделениям: сегодня но-

чью враг успешно атаковал на северо-восточном направлении, причина – недалёковидность верховного командования и недостаточность войсковой подготовки. В ближайшем будущем возможны новые вылазки. Следует тщательно подготовиться к отпору. Рядовой Девернуа». Только не злись, – добавил Марк.

– Я не злюсь, – сказал Луи, – пожалуйста, спроси его, не согласится ли он зайти ко мне после обеда.

– Домой или в бункер?

– В бункер. Если откажется, чего я опасаясь, предупреди меня.

Луи задумчиво отправился обедать. Уже три женщины. Он был уверен, что убийца наметил себе точное число жертв. Убийца считает, а значит, у него обязательно есть цель и он положил себе какой-то предел. Но какой? Три женщины? Или четыре? Или дюжина? Если убийца выбрал именно этих трех, четырех, дюжину женщин, значит, их что-то объединяло, иначе зачем все это?

Луи остановился на тротуаре и задумался, прижав кулак ко лбу и заново обдумывая это предположение, следуя своей нестройной линии, в которой часто не хватало звеньев.

Не может быть, чтобы десять женщин были выбраны случайно, какие подвернутся. Нет, они должны что-то символизировать, составлять вселенную, которая объединяет всех женщин на свете. Необходимо понять ее суть.

Между двумя первыми жертвами не обнаружено никакой

связи. Конечно, стихотворение Люсьена волшебным образом связывает все воедино, мир, в котором убийца мог объединить свои убийства и наслаждаться этим. Но у Луи в голове никак не укладывалось, что на выбор убийцы могли повлиять стихи. Убивать по стихам... Нет. Слишком красиво и неправдоподобно. Слишком изысканно и утонченно, ничего общего с реальной жизнью. Безумием не назовешь, на неврастению тоже не похоже. А Луи искал бред и суеверие. Выбрать для убийства стихи – это интеллигентская чушь, он был в этом уверен.

Он задумчиво уселся за стол и стал ждать Люсьена. Он не верил, что тот придет. Он бы – не пришел, если бы его так оскорбили. Но в Гнилой лачуге, похоже, к оскорблениям относились не так, как в мире нормальных людей, и это оставляло надежду. Однако то, что было принято у евангелистов, не было нормой для Луи.

Луи рисовал на чистом листе восьмерки, оттачивая в голове версию «ритуальной серии» убийцы. Могли ли стихи Нерваля придать решающий смысл серии? Конечно нет. Это смешно. Чушь. Да, сложность этих стихов могла завладеть умом какого-нибудь фанатика, помешанного на знамениях и символах. Но для убийцы этого мало.

Нет. Нет... Разве что... Разве что не убийца выбрал стихи, а они его выбрали. Луи записал эти слова на листе с восьмерками и дважды подчеркнул. Может, это сами стихи выбрали убийцу? Если так – все возможно. Все остальное – бред, а

вот это – возможно. Поэма выбирает убийцу, она сваливается на него, преграждает ему путь. Маньяку кажется, что его нашла сама судьба. И он следует ее указующему персту.

– Вот черт! – воскликнул Луи.

Какую же чепуху он несет! Когда это было, чтобы стихи выбирали себе жертву? Луи бросил карандаш на стол. И тут в дверь позвонил Люсьен.

Они кивнули друг другу, Луи освободил стул от кучи газет и посмотрел на Люсьена. Вид у того был бодрый, и в его пристальном взгляде не было заметно ни обиды, ни досады.

– Ты хотел меня видеть? – сказал Люсьен, откидывая прядь со лба. – Ты слышал? Улица Звезды. В яблочко. Заметь, у убийцы не было выбора. Однажды ступив на этот путь, сойти с него трудно. Система всегда ограничена строгими правилами. Как в армии, все должно быть четко по уставу.

Люсьен говорил с ним, даже не упомянув о вчерашнем, и Луи оставалось только следовать его примеру. Он расслабился.

– Расскажи, как ты рассуждал? – попросил он.

– Я уже говорил вчера. Это единственный ключ к ларчику. Я имею в виду «ларчик» убийцы, его безумную замкнутую систему.

– Откуда ты узнал, что речь идет о какой-то системе?

– Но ты же сам говорил Марку, что это определенное количество жертв, а не бесконечная цепочка.

– Да, верно. Кофе хочешь?

– Пожалуй. А если есть точное число, значит, есть система и есть ключ к ней.

– Согласен, – кивнул Луи.

– И этот ключ – стихи. Это ясно как день. Луи налил кофе и сел за стол, вытянув ноги.

– И это все?

– Все.

Луи был немного разочарован. Он обмакнул кусок сахару в кофе и съел его.

– И по-твоему, – скептически заговорил он, – убийца – поклонник Нерваля?

– Это громко сказано. На эту роль подошел бы мало-мальски образованный человек. Поэма знаменитая. На нее извели больше чернил, чем на хроники Первой мировой, поверь.

– Нет. – Луи упрямо покачал головой. – Ты где-то ошибся. Никто не станет убивать по поэме, потому что это бессмысленно. Тот, кого мы ищем, не какой-нибудь свихнувшийся эстет, он убийца. Он не стал бы выбирать стихи. Не солидно как-то.

– Вчера ты мне это более чем доходчиво объяснил, – сказал Люсьен, шмыгая носом. – Но Нерваль вполне может быть ключом к разгадке, как бы абсурдно это ни звучало.

– В том-то и дело, что звучит это не абсурдно, а слишком красиво и изысканно. А потому фальшиво.

Люсьен тоже вытянул ноги и прикрыл глаза.

– Я понимаю, что ты имеешь в виду, – помолчав, сказал он. – Ключ слишком красивый, хитро устроенный и чересчур вызывающий.

– Вот и выходит, что это бред, – сказал Луи.

– Может быть. Но вся загвоздка в том, что этот фальшивый ключ подходит к настоящим убийствам.

– Тогда это чудовищное совпадение. Послать эти дурацкие стихи, и дело с концом.

Люсьен подскочил.

– Ни в коем случае! – воскликнул он и взволнованно забегал по комнате. – Наоборот, надо рассказать о них полиции и потребовать, чтобы они установили наблюдение за следующей улицей. И ты первый в этом заинтересован, Луи, потому что если убьют четвертую женщину, то это тебе придется сожрать книгу вместе с переплетом, тебе одному, – из чувства вины, понимаешь?

– За какой еще следующей улицей?

– А! Тут дело тонкое. Думаю, что название следующей улицы будет связано с черным солнцем из стихов, я уверен.

– Может, объяснишь? – сказал Луи делано равнодушным голосом.

– Послушай эту строчку: *«Во мраке, вдов и безутешен, я бреду, князь Аквитании, чьей Башни больше нет»*. Все это уже было, переходим к третьей строке: *«На струнах лютни онемевшую звезду»*, это тоже было. Дальше: *«Печали Солнце Черное заменит мне»*. Никаких улиц, связанных с «лютней»

– со струнами или без, – в Париже нет, тебе это известно. Остается «черное солнце», в тексте оно с большой буквы, вот туда-то и отправится убийца в следующий раз. Он не сможет обойти его, у него нет выбора.

– И что из этого следует? – вяло спросил Луи.

– Много чего, но все из области предположений, – с сожалением ответил Люсьен, – улицы Черного Солнца не существует.

– Тогда это магазин? Или ресторан? Или книжная лавка?

– Нет, это будет улица. Если убийца пойдет на компромисс с собственной логикой, все станет бессмысленно. Он не может себе этого позволить. Он начал с названий улиц и должен идти по ним до конца.

– Тут я с тобой согласен.

– Итак, это будет улица. Тут не может быть тысячи вариантов: есть улица Солнца, улица Золотого Солнца и улица Луны, ее вполне можно назвать Черной звездой. Луи поморщился.

– Я знаю, – сказал Люсьен, – этого недостаточно, но ничего другого у нас нет. Я лично склоняюсь к улице Луны, но надо будет проследить за всеми тремя. Нельзя пускать это на самотек.

Люсьен вопросительно уставился на Луи:

– Ты ведь сделаешь это, правда?

– Это от меня не зависит.

– Но ты расскажешь об этом в полиции? – настаивал Лю-

сьен.

– Да, расскажу, – сказал Луи, – но вряд ли они послушают.

– Ты их убедишь.

– Нет.

– Тебе плевать на Черное Солнце?

– Я в это не верю.

Люсьен поглядел на него, качая головой:

– Ты помнишь, что на карту поставлена жизнь женщины?

– Уж кому, как не мне, об этом помнить!

– Но ты чувствуешь это не так остро, как я, – возразил

Люсьен. – Помоги мне. Я один не смогу следить за тремя улицами.

– Полиция поможет, если сочтет нужным.

– Ты ведь честно расскажешь им эту историю? Без всяких дурацких шуточек?

– Обещаю. Пусть сами делают выводы, я вмешиваться не стану.

Люсьен недоверчиво посмотрел на него и направился к двери:

– Когда пойдешь?

– Сейчас.

– А ты хоть название поэмы знаешь?

– Нет.

– «El Desdichado». Что значит «Обездоленный».

– Хорошо. Можешь на меня рассчитывать. Люсьен повернулся, держась за дверную ручку:

– Сначала она по-другому называлась. Хочешь знать как? Луи вежливо поднял брови.

– «Судьба», – отчеканил Люсьен по слогам и вышел, хлопнув дверью.

Луи стоял в задумчивости. Он чувствовал себя как атеист, желающий угодить приятелю, внезапно впавшему в мистицизм.

А потом он спросил себя, когда это Люсьен, которого интересовала только Первая мировая война, успел так много узнать о Жераре де Нервале.

Глава 24

Из-за нового убийства Луазель наверняка до ночи просидел на работе, несмотря на воскресенье. У Луи было время повидать обоих «убийц» – Секатора и Клемана. Он выслеживал этих двоих ночью ради старой Марты и будет выслеживать и дальше, если не найдет выхода. Луи становилось тошно, когда он думал об убийстве третьей женщины. Он еще не видел ее лица – и не спешил увидеть его. Он посчитал на пальцах. Сегодня было восьмое июля. Первую женщину убили двадцать первого июня, в четверг. Вторую через десять дней, в воскресенье. А третью через шесть дней. Убийца торопился. Следующее убийство может произойти в пятницу или даже раньше. В любом случае времени было очень мало.

Луи взглянул на будильник. Три часа. Он уже не мог позволить себе ходить пешком, надо взять машину. Он закрыл все три замка своего кабинета и быстро спустился на два этажа. В темном подъезде дома, открывая тяжелые ворота, он вполголоса прочел:

– В могильной темноте лишь Ты меня утешил.

Лишь очутившись на уличной жаре, он понял, что это была строка из поэмы Нерваля. ...*В могильной темноте лишь Ты меня утешил.* ... Да, точно. Но Люсьен ее не читал, она была из другого четверостишия. Наверное, из второго. Он улыбнулся, подумав о том, как странно устроена память. Он

не открывал книг Нерваля больше двадцати пяти лет. Но в этой суматохе в памяти всплыл маленький отрывок, как обломок кораблекрушения. Грустное воспоминание, сказать по правде. Тут Луи подумал, что он не сможет верно прочесть Луазелю первые строки стихов, а ведь он должен сдержать слово, данное Люсьену. Он побродил в поисках книжной лавки, открытой в воскресенье, и отправился на кладбище Монпарнас.

При свете дня здесь все выглядело по-другому, но отнюдь не веселее. Он заметил Секатора в самом дальнем углу: тот дремал в тени, прислонившись к надгробному камню. Успокоившись, Луи перешел на другую, большую половину кладбища и внимательно осмотрел деревья. Через какое-то время он заметил следы на стволах, похожие на те, о которых говорил Клеман. То тут, то там на деревьях попадались порезы, частые, неглубокие, сделанные в приступе злобы. Некоторые были давнишние, затянутые смолой, другие были хорошо видны, но не было ни одного совсем свежего. Луи не спеша вернулся к Секатору. Ему пришлось несколько раз ткнуть его носом ботинка, пока тот не вздрогнул и не проснулся.

– Привет, – сказал Луи, – я тебя предупреждал, что вернусь.

Тевенен приподнялся на локте. Лицо у него было красное и помятое. На приветствие он не ответил, а только злобно взглянул на Луи.

– Я тебе выпить принес.

Садовник неловко поднялся, отряхнул одежду и протянул руку за бутылкой.

– Хочешь, чтобы у меня язык развязался, да? – спросил он, щурясь.

– Конечно. Не думаешь же ты, что я трачу бабки тебе в удовольствие. Садись.

Как и накануне, Луи положил руку ему на плечо и заставил сесть. Сам Луи не мог сесть на землю из-за колена, да ему и не хотелось. Он присел на каменный выступ.

– Не на того напал, – оскалился Тевенен. – Я чем больше пью, тем лучше соображаю.

– А мне того и надо, – сказал Луи.

Тевенен, нахмуясь, изучал этикетку на бутылке:

– Ты смотри! Да ты меня балуешь! Это же медок⁵.

Он присвистнул и уважительно покачал головой.

– Надо же, – повторил он, – медок!

– Я не люблю дешевое пойло.

– У тебя, видать, денег куры не клюют.

– Ты соврал мне вчера про секатор.

– Не врал я, – пробурчал тот, доставая из сумки штопор.

– Откуда эти следы на деревьях?

– Мне откуда знать!

Тевенен вытащил пробку и поднес горлышко к губам.

Луи сильнее сдвинул ему плечо.

– Откуда? – повторил он.

⁵ Разновидность бордо.

– Кошки. Здесь их полно. Они царапают.

– А в Институте Мерлена тоже были кошки?

– Куча. Ты смотри, уважил ты меня, медок купил, – говорил он, щелкая длинным ногтем по бутылке.

– А вот ты меня совсем не уважаешь.

– Нет у меня больше секатора, кроме шуток. У меня его уже с месяц как нету.

– Скучаешь по инструменту?

Тевенен помолчал, словно обдумывая вопрос, потом глотнул вина.

– Ага, – сказал он, утираясь рукавом.

– А вместо него у тебя есть что-нибудь?

Тевенен молча пожал плечами. Луи снова перетряхнул его сумку, ощупал карманы.

– Сиди здесь, – приказал он, беря ключ от сарая.

Он осмотрел сарай, но там ничего не изменилось со вчерашнего дня. Потом вернулся и сел рядом с Секатором.

– Что ты делал вчера после моего ухода?

Тевенен нахохлился и молчал. Луи повторил вопрос.

– Черт, – выругался Тевенен, – девочек в журнале разглядывал, допил бутылку и на боковую. Чего мне еще делать?

Луи взял Тевенена за подбородок и повернул лицом к себе. Он пристально взгляделся в его глаза, точь-в-точь как делал его отец, когда говорил: «Сейчас по глазам увижу, врешь ты или нет». Луи долгое время думал, что в его глазах невольно четко отражались буквы «Л» – «ложь» или «П»

– «правда». Но в налитых кровью глазах Секатора ничего нельзя было разобрать.

– Чего пристал? – спросил Тевенен.

Его лицо все еще было в руке Луи.

– А ты не догадываешься?

– Нет. – Тевенен судорожно моргал. – Пусти меня.

Луи оттолкнул его. Тевенен потер щеки и сделал несколько глотков из бутылки.

– Ну а ты? – спросил он. – Сам-то ты что за птица? Чего пристал ко мне? Как твоя фамилия?

– Нерваль. Слышал о таком?

– Не слышал. Ты легавый? Нет. Не легавый, ты хуже.

– Я поэт.

– Черт, – сказал Тевенен, со стуком ставя бутылку на землю. – Я себе не так поэтов представлял. Ты мне голову морочишь?

– Нет, вот послушай.

Луи вытащил книгу из заднего кармана брюк и прочел первое четверостишие поэмы.

– Невеселые стишки-то, – сказал Секатор, почесывая руки.

Луи снова взял его за подбородок и очень медленно притянул его лицо к своему.

– Ну? – спросил он, вглядываясь в мутные красные глаза. – Ничего не напоминает?

– Ты псих, – пробормотал Тевенен, закрывая глаза.

Глава 25

Луи остановил машину неподалеку от улицы Шаль и несколько минут сидел за рулем, не шевелясь. Секатор ускользал от него, не было никакой возможности его прихватить. Если надавить посильнее, он испугается и побежит в полицию. Не успеешь глазом моргнуть, как Клемана сцапают.

Кто-то стукнул по крыше машины. Через опущенное стекло на него глядел Марк.

– Ты чего там сидишь? Свариться решил?

Луи отер пот со лба и открыл дверь:

– И правда, чего я тут сижу? Жара просто невыносимая.

Марк покачал головой. Иногда Луи вел себя очень странно. Он взял его за руку и повел к дому по теневой стороне улицы.

– Ты виделся с Люсьеном?

– Да. С ним можно поладить.

– Иногда, – согласился Марк. – Ну и как?

– А так, что я теперь сижу на его Нервале, – невозмутимо ответил Луи, хлопая себя по заднему карману.

Друзья прохаживались по улице Шаль, и Луи рассказал Марку, почему он «сидит на Нервале». Потом они вошли в дом, где в столовой все так же при закрытых ставнях Вандузлер-старший караулил Клемана Воке. Здесь же была Марта.

Они с Клеманом играли в карты.

– Тебя никто не видел? – спросил Луи, целуя Марту в лоб. – Ты хорошо смотрела?

– Не волнуйся. – Марта улыбнулась. – Знаешь, я рада тебя видеть.

– Рано радоваться, старушка. Мы все еще по уши в дерьме. И я не знаю, как долго мы так протянем.

Он махнул рукой в сторону закрытых ставень и Клемана, потом сел на скамью и провел рукой по своим черным, слипшимся от пота волосам. Марк протянул ему пиво, и Луи молча кивнул в знак благодарности.

– Ты волнуешься из-за того, что случилось ночью? – спросила Марта.

– И из-за этого тоже. Тебе рассказали, что он вчера выходил, благодаря материнской заботе Люсьена?

Марта не ответила, она тасовала карты.

– Уступи мне его ненадолго, – сказал Луи, указав на Клемана. – Не бойся, я не буду ему мозги загружать.

– Точно?

– Пока что у нас самих от него голова пухнет.

Луи взял Клемана за руку, чтобы привлечь его внимание, и заметил у него на запястье новые часы.

– Что это у тебя? – спросил он.

– Это часы, – ответил Клеман.

– Я имею в виду, откуда они у тебя?

– Это тот парень мне их дал, который громко кричит.

– Люсьен?

– Да. Это чтобы я вернулся вовремя.

– Ты вчера ходил гулять?

Клеман, как и накануне, без труда выдержал взгляд Луи:

– Он велел мне погулять два часа, что касается меня. Я себя на улице осторожно вел.

– Ты знаешь, что случилось ночью?

– Девушка, – ответил Клеман. – А там был папоротник в горшке? – вдруг спросил он.

– Нет, не было. А должен был быть? Ты ей отнес?

– Нет, меня же никто не просил.

– Очень хорошо. А что же ты делал?

– В кино ходил.

– Так поздно?

Клеман поерзал на стуле.

– Кино с голыми девушками, которое всю ночь показывают, – ответил он, теребя браслет своих новых часов.

Луи вздохнул, уронив руки на стол.

– А что? – шумно вмешалась Марта. – Не нравится тебе? Парню нужны развлечения. Мужчина он или нет?

– Ладно, ладно, Марта, – отозвался Луи немного устало. – Я ухожу, – сказал он, повернувшись к Марку, который раскладывал гладильную доску. – Пойду в полицию.

Луи молча поцеловал Марту, потрепал ее по Щеке и вышел с пивом в руке. Марк немного поколебался, потом поставил утюг и вышел следом. Он догнал Луи у машины и,

наклонившись к окну, сказал:

– Тебя вызвали в полицию? В чем дело?

– Да ни в чем. Все то же чертово расследование. Мы уже по уши увязли, и я не знаю, как выбраться. Не знаю, что делать, – добавил он, пристегивая ремень. – Марта ждет, ты ждешь, четвертая женщина ждет, все ждут, а я не знаю, что делать.

Марк молча смотрел на него.

– Нельзя же вечно прятаться, защищая этого дурака, что касается его. И без конца трупы пересчитывать, – сказал Луи.

– Ты говорил, что жертв будет не десять тысяч. И что Клеман не убивал.

Луи снова утер пот со лба. Выпил несколько глотков теплого пива.

– Ну говорил. И что это доказывает? Я сейчас одну чушь несу. Клеман меня достал. Они с Секатором друг друга стоят.

– Ты видел Секатора? Что он вчера делал?

– То же, что и Клеман Воке: порнуху смотрел.

Луи побарабанил по рулю.

– Не знаю, у кого из нас мозги набекрень, – сказал он, глядя перед собой. – У них или у меня? Я люблю женщин, люблю их лица и уступчивость. А эти довольствуются безмянными кусками тел, которым цена десять франков. Я их ненавижу. И презираю.

Луи замолчал, держа горячий руль одной рукой.

– А ты? – спросил он. – Покупаешь себе журналы?

– Я для этого не гожусь.

– Не годишься?

– Нет. Я очень требовательный и капризный. Люблю, чтобы на меня смотрели и обожали. А что мне делать с картинкой?

– Честолюбец, – вяло сказал Луи. – И все равно я хочу знать, кто из нас безумнее.

Луи поднял левую руку. Это значило, что он растерян.

– Присматривай получше за нашим болваном, – добавил он с кривой улыбкой и включил зажигание.

Марк небрежно махнул рукой, глядя вслед удалявшейся машине, и побрел в Гнилую лачугу, где на первом этаже его ждала гладка, а на третьем – арендные договора тринадцатого века. Дом, набитый странными типами. Марк вздохнул, медленно шагая по раскаленной улице. От разговора с Луи у него испортилось настроение. Он не любил разговоров о женщинах, когда у него никого не было. А один он был, кажется, уже почти три года.

Глава 26

Перевалив свои сомнения и плохое настроение на Марка, Луи почувствовал себя гораздо лучше. Он решительно вошел в комиссариат, где в шуме и духоте сутились люди. Луазель пробирался между столами, провожая комиссара Семнадцатого округа, к которому относилась улица Звезды. Заметив Луи, он помахал ему.

– Надо поговорить, – сказал он, простившись с коллегой. – Пошли ко мне. Ты был прав.

Он вошел в свой кабинет, захлопнул дверь и разложил на заваленном столе штук пятнадцать фотографий с места убийства, случившегося накануне.

– Поль Бурже, – объявил он, – тридцать три года, не замужем, была дома одна, как и две предыдущие.

– Между жертвами опять никакой связи?

– Они не встречались ни разу в жизни, даже в метро. Молодые, одинокие. Красавицами не назовешь.

– Почерк тот же? – спросил Луи, склонившись над фото.

– Совершенно идентичный. Засунул тряпку в рот, задушил, а потом бил шилом или ножницами по всему телу, настоящий мерзавец. А вот здесь, – сказал Луазель, указав на одно фото, – следы, о которых ты говорил. Признаюсь, я бы ничего не заметил, если бы ты не сказал, так что спасибо. Но пока это ничего не дало. Я велел увеличить снимки, следы

четкие.

Луазель протянул Луи снимок. На паласе были отчетливо видны следы справа от головы жертвы: полосы перекрещивались, как будто чья-то рука скребла по ковру как граблями.

– Следы пальцев, – сказал Луи, – ты согласен?

– Да. Как будто он пытался несколько раз что-то подобрать. Может, шило?

– Нет. – Луи задумчиво покачал головой.

– Нет, – согласился Луазель. – Тут что-то другое. Мы взяли образец паласа, он сейчас на экспертизе. Пока ничего определенного сказать нельзя.

Луазель закурил тонкую сигарету.

– Но на этот раз никто накануне не видел нашего бродягу на улице. И горшка с папоротником тоже не оказалось. По моему, ты был прав: как напечатали фоторобот, парень залег на дно.

– Ты думаешь? – небрежно спросил Луи.

– Руку даю на отсечение. Прячется у сообщников. Или, – добавил он, помолчав, – ему удалось подкупить каких-нибудь дураков.

– Ну да, – согласился Луи, – такое возможно.

– Обычно в таких случаях мы ищем родных. Брата, дядю... особенно мать, я тебе говорил. Но у этого матери нет.

– Откуда ты знаешь?

– Потому что теперь мы знаем его имя! – ликуя, провозгласил Луазель, хлопнув в ладоши, словно поймал муху.

Луи откинулся на спинку стула.

– Рассказывай, – сказал он.

– Его зовут Клеман Воке. Запомни это имя хорошенько.

Клеман Воке. Молодчик из Невера.

– Кто тебе рассказал?

– Вчера хозяин ресторана из Невера позвонил.

Луи вздохнул. Пуше сдержал слово.

– Все сходится, – продолжил Луазель. – Парень внезапно уехал из Невера около месяца назад.

– Зачем?

Луазель развел руками:

– Могу сказать только, что он бродяга. Перебивается игрой на аккордеоне. Сам видишь, что за фрукт. Говорят, он хорошо играет, но я лично аккордеон не люблю. Если не считать этого талантишки, парень явно слабоумный.

– И он прибыл в Париж, чтобы играть... или чтобы убивать?

– Кто знает, старик... С идиотами не стоит особо голову ломать.

– Что тебе еще известно?

– Он жил в гостинице «Четырех шаров» в Одиннадцатом округе, но хозяин неточен в показаниях. Мы ищем его и найдем. Вопрос нескольких дней. Сеть расставлена, долго он не продержится.

– Не продержится, – кивнул Луи, – я согласен. Но несколько дней – это долго. Следующее убийство может произойти

уже в пятницу.

– Я знаю, – нахмурился Луазель, – я умею считать. А в министерстве не хотят четвертой жертвы.

– Тут дело не в министерстве.

– А в чем?

– Речь идет о жизни женщины.

– Ну конечно! – раздраженно воскликнул Луазель. – Но мы его скоро возьмем. Он не сможет долго скрываться, выдаст себя. Всегда найдется дурак, который проколется, уж будь уверен.

– Это точно. – Луи тут же подумал о Люсьене. – Хочу предложить тебе небольшую зацепку. Сам решай, что с ней делать.

Луазель был заинтригован. Он знал, что советы Немца всегда куда-нибудь приведут. Луи достал книгу и полистал ее.

– Это здесь, – сказал он, показывая первую строчку «El Desdichado». – Прочти. Здесь названия трех первых улиц. Следующее убийство выпадает на «черное солнце». Улица Солнца, улица Золотого Солнца или улица Луны.

Сдвинув брови, Луазель пробежал глазами по стихам, взглянул на обложку книги, потом вернулся к стихам и прочел еще раз.

– И что это за хреновина? – наконец спросил он.

– Я тебя за язык не тянул, – тихо пробормотал Луи.

– Так это и было у тебя на уме, когда ты первый раз при-

ходил?

– Да, – соврал Луи.

– Почему сразу не сказал?

– Я думал, что все это интеллигентские бредни.

– А теперь не думаешь?

Луи вздохнул:

– И теперь думаю. Произошло еще одно убийство, которое подходит под схему, но я в это не верю. Но ведь я могу ошибаться. Может, ты иначе думаешь, вот я и хотел с тобой поделиться. Может, стоит проследить за теми улицами, которые я назвал.

– Спасибо за помощь, – сказал Луазель, кладя книгу на стол. – Приятно, что ты ведешь честную игру, Кельвелер.

– Иначе и быть не могло, – серьезно сказал Луи.

– Но, видишь ли, – добавил Луазель, барабанив по книге, – не верю я в такого рода изыски. И не думаю, что у нас когда-нибудь появятся убийцы, увлекающиеся стихами и игрой ума, ты понимаешь, о чем я?

– Даже лучше, чем ты думаешь.

– А жаль, придумано остроумно. Не обижайся.

– И не собираюсь. Я рассказал это для очистки совести, – сказал Луи, думая о Клемане, который играл в карты в своем убежище для дураков. – Сам знаешь, что это такое.

На прощание Луазель крепко пожал ему руку.

Глава 27

На автоответчике оказалось сообщение от человека-жабы – Поля Мерлена. Луи слушал его из кухни, отрезая толстый ломоть хлеба и накладывая сверху все, что смог найти в холодильнике. В основном затвердевший сыр. Было только семь часов, но он уже проголодался. Мерлен откопал что-то интересное и хотел видеть Луи как можно скорее. Луи перезвонил ему, держа у рта импровизированный бутерброд, и сказал, что зайдет перед ужином. Потом набрал номер «Красного осла» и спросил Ван-дузлера-старшего. Бывший сыщик все еще играл в карты за своим столом. По воскресеньям он засиживался в кафе допоздна, если не дежурил по кухне.

– Передай Марку, что я заеду за ним через двадцать минут, – сказал Луи. – Я посигналю у ворот. Нет, недалеко, к Мерлену, но Марк мне очень нужен. Еще, Вандуз, передай, пусть оденется попримочней. Глаженая рубашка, пиджак, галстук. Да. Не знаю. Постарайся...

Луи повесил трубку и доел бутерброд, стоя у телефона. Потом зашел в ванную взглянуть на Буфо и стал переодеваться. На кладбище Монпарнас он испортил свой лучший костюм и сейчас решил выбрать что-нибудь менее строгое. В семь двадцать он забрал Марка, который ждал его на улице Шаль. Вид у него был недовольный.

– Неплохо выглядишь, – одобрил Луи, оглядывая Марка, когда тот садился в машину.

– Я в этом экзамены сдавал, – хмуро сказал Марк, – а галстук, конечно, Люсьен одолжил. Мне жарко, ноги чешутся, и вид у меня идиотский.

– Без этого наряда не попасть в дом на Университетской улице.

– Не знаю, зачем я тебе понадобился, – продолжал ворчать Марк, – но давай побыстрей, а то я есть хочу.

Луи остановил машину.

– Купи себе бутерброд в кафе на углу, – предложил он.

Через пять минут Марк с той же кислой миной снова сидел в машине.

– Смотри не запачкайся, – сказал Луи, заводя мотор.

– Сегодня вечером Матиас дежурный, на ужин будет омлет с картошкой.

– Сожалею, – искренне сказал Луи, – но ты мне правда очень нужен.

– Тебя Мерлен интересуется?

– Он – нет, а вот его старик – пожалуй. Поднимешься со мной к Мерлену, а когда начнется разговор, что-нибудь придумаешь и выйдешь. Внизу, во дворе, работает его отчим с адской машиной, я тебе рассказывал. Постарайся встретиться с ним и поговорить о Невере, об институте.

– А почему не об изнасиловании, пока ты будешь там сидеть? – поморщился Марк.

– И верно, почему бы и нет.

Марк повернулся к Луи:

– Что у тебя на уме?

– Третий насильник. Нападение было совершено в глубине парка, недалеко от мастерской отчима. И он ничего не слышал. По словам Клемана, третьему было лет шестьдесят, а Мерлен говорит, что его отчим всегда увивался за преподавательницами и студентками из института.

– И чего ты от меня ждешь?

– Хочу, чтобы ты его прощупал. Оставайся с ним, пока я не выйду. Так у меня будет предлог зайти к нему.

Марк вздохнул и начал жевать хлеб, откинувшись на спинку сиденья.

Мерлен принял их настолько радушно, насколько позволяло ему хорошее воспитание, и Луи был рад снова видеть его симпатичную лягушачью физиономию. А вот Марк очень удивился.

– Не ломай голову, – шепнул ему Луи, – он похож на Бюфо.

Марк понимающе подмигнул и сел, стараясь не помять пиджак. Мерлен горел нетерпением. Он заинтригованно посмотрел на Марка.

– Это мой коллега, – заверил Луи, – криминалист-сексопатолог. Думаю, он сможет нам помочь.

«Великолепно!» – подумал Марк, скрипнув зубами. Мер-

лен посмотрел на него несколько возмущенно, и Марк поспешил принять безмятежную позу уверенного в себе профессионала, а это было не так легко.

– Я нашел его, – сказал Мерлен, повернувшись к Луи, – мне пришлось целый день провести у телефона, но я его нашел.

– Секатора?

– Да. И, клянусь, это было нелегко. Но главное, теперь он у нас в руках. Он живет в Монруже, улица Фюзийе, двадцать девять.

– Да, – кивнул Луи, – он работает на кладбище Монпарнас. Я вчера виделся с ним.

– Как это? Вы что, знали?

– Сожалею.

– Вы уже знали и заставили меня попусту тратить время?

– Мой коллега нашел его вчера после того, как мы расстались.

«Великолепно», – снова подумал Марк. Мерлен наградил его тяжелым взглядом. Оттопырив губу, он хмуро сгреб рукой валявшиеся на столе монетки и принялся играть с ними, пряча между пальцами. Потом перевернул руку так, что монетки оказались у него в горсти. Потом снова спрятал их между пальцами. Марк с интересом наблюдал за ним, позабыв о своей роли.

– Вы могли бы из вежливости предупредить меня, – сказал Мерлен, пересыпая желтые монетки в другую ладонь.

– Мне очень жаль, – повторил Луи, – после третьего убийства я совсем об этом забыл. Приношу свои извинения.

– Хорошо, – кивнул Мерлен, пряча монетки в карман брюк. – А что с третьим убийством? Полиция узнала имя Воке?

В эту секунду во дворе раздался рев шлифовального станка. Мерлен на секунду закрыл глаза. Ни дать ни взять покорно-унылая голова Бюфо, когда Луи брал его с собой и сажал на стекло электрического бильярда. Марк воспользовался случаем, чтобы встать, пробормотал, что ему нужно срочно позвонить, и вышел. Во дворе он вздохнул свободней. Поль Мерлен наводил на него тоску, от него пахло мылом, и Марку совсем не хотелось, чтобы его спрашивали о сексуальных извращениях. Окна мастерской отчима Мерлена, выходявшие во двор, были широко распахнуты. Улучив минуту краткого затишья, Марк вежливо постучал и спросил, нельзя ли подождать, пока он не вернется. Ему нужно было позвонить, и он не хотел беспокоить Поля Мерлена своим звонком в домофон. Старик, держа между колен деревянную чурку, махнул рукой в знак согласия. На улице Марк снял свой серый пиджак, почесал ноги, потом минуты четыре ходил по тротуару. Вполне приличное время для делового разговора по телефону. Он успел заметить страшный беспорядок в мастерской, кругом громоздились инструменты, коробки, доски, деревянные чурки, куча стружки, гора опилок, газеты, фотографии, стопки книг, закопченный чайник

и десятки маленьких статуэток высотой со стол, выставленные в ряд на полу и на этажерках. Десятки маленьких женщин, обнаженных, сидящих, стоящих на коленях, задумчивых, молящих о чем-то. Он не спеша прошел через дворик и заглянул в окно, чтобы поблагодарить. Старик снова махнул рукой и включил станок. Он шлифовал спину статуэтки, утопавшей в облаке пыли. Марк окинул взглядом фигурки на полу. Аккуратно выточенные, четкие линии, но произведениями искусства не назовешь. Прекрасно выполненные изображения женщин, но, на его вкус, они выглядели слишком вяло и покорно.

– Это одна и та же? – крикнул он.

– Что? – не расслышал старик.

– Модель всегда одна и та же?

– Все женщины одинаковы!

– Ну да...

– Хотите посмотреть? – спросил старик, не отрываясь от работы.

Марк кивнул, и старик сделал знак не стесняться и заходить. Потом выкрикнул свое имя – Пьер Клермон, а Марк крикнул свое. Он побродил по мастерской, рассмотрел лица статуэток поближе. Они были все разные, и каждая отличалась грубым реализмом. На столах валялись десятки женских фотографий, вырезки из журналов, увеличенные, обведенные карандашом. Внезапно наступила тишина, и Марк повернулся к старику, тот бросил свой станок и теперь поче-

сывал грудь, заросшую седыми волосами. Другой рукой он держал за ногу статуэтку.

– Вы делаете только женщин? – спросил Марк.

– А разве есть что-то другое? Тогда предложите. Что другое можно делать?

Марк пожал плечами.

– А что еще делать? – повторил старик. – Корабли? Церкви? Деревья? Фрукты? Материю? Облака? Лесных косуль? Все это женщины, так или иначе. И вы не станете отрицать, если хоть в чем-то разбираетесь. Терпеть не могу всякие там аллегории. Лучше уж сразу делать женщин.

– Ясно, – кивнул Марк.

– Вы разбираетесь в скульптуре?

– Не сказал бы.

Старик покачал головой, достал сигарету из кармана рубашки и закурил.

– С вашей работой вам и правда не до искусства.

– С моей работой? – удивился Марк, присаживаясь.

– Сигарету хотите?

– Да, спасибо.

– Я полицию имею в виду и тому подобное. Никакой поэзии.

«Великолепно», – сказал про себя Марк и подумал об арендных договорах тринадцатого века, которые ждали его дома на столе. И какого черта он здесь забыл в этом колючем костюме, чего надрываться тут с этим старым грубоватым

жизнелюбцем. Ах да, все это ради Марты. И ее питомца.

– Вы-то, – продолжал старик, – небось только мертвыми женщинами интересуетесь? Нездоровые у вас интересы.

«Вот именно», – подумал Марк. Он занимался миллионами мертвецов. Старик перестал чесаться и теперь машинально поглаживал статуэтку по бедру. Он водил по дереву морщинистым пальцем, и Марк отвернулся.

– Вот, скажите на милость, зачем вам понадобилось ворошить эту жуткую драму в институте? – снова заговорил старик. – Заняться вам, что ли, нечем?

– А вы знаете, зачем мы пришли?

– Поль мне вчера сказал.

Клермон выплюнул табачные крошки на пол в знак неодобрения и снова занялся бедром статуэтки.

– А вы против? – спросил Марк.

– Поль очень любил эту Николь, ту женщину, что умерла. Несколько лет не мог в себя прийти. И вот в один прекрасный день вы являетесь и начинаете все сначала. Но легавые все такие: на других плевать, все разворошат. Шило в заднице у вас, да? Вечно шум да драка! Как стая рыжих муравьев! И ради чего? Никогда вы не найдете тех двоих!

– Кто знает... – вяло проговорил Марк.

– Если тогда не нашли, сейчас и подавно не найдут, – отрезал Клермон. – Нечего прошлое ворошить.

Он потянулся через стол, привстав с табурета, ухватил за плечо одну статуэтку и с грохотом поставил ее на стол перед

Марком.

– Вот она, бедняжка, – сказал он. – Я даже в бронзе ее отлил, чтобы жила вечно.

В это время в мастерскую вошел Луи, представился и пожал руку скульптору.

– Ваш коллега, – без обиняков начал Клермон, – не много понимает в искусстве. Не знаю, может, и вы такой же, тогда мне вас жаль.

– Вандузлер – эксперт, – улыбнулся Луи. – Его дело – сексуальные отклонения, а при такой работе не помечтаешь. Таких специалистов, как он, еще поискать.

Марк мрачно взглянул на Немца.

– А, сексуальные отклонения? – медленно выговорил Клермон. – Поэтому вы и пришли ко мне? И что там варится в вашей экспертной башке? А? Думаете, старый Клермон весь день лапает девочек и у него не все дома, значит, он маньяк?

Марк покачал головой, глядя на палец, гладивший деревянную ножку. Луи взглянул на лицо статуэтки у ног Клермона.

– Вы о ней говорили? – спросил он.

– Да, – ответил старик, – это та, что вам нужна, женщина из института, Николь Бердо.

Луи осторожно приподнял за руки коленопреклоненную женскую фигуру.

– Она здесь похожа?

– Да нет такого скульптора, у кого вышло бы так похоже. Кого угодно из наших спросите. Даже уши ее.

«Увы», – подумал Марк.

– Это сделано при ее жизни?

– Нет, – сказал старик, закуривая новую сигарету. – Я ее после смерти сделал по фотографиям в газетах. Но это она самая. Поль ее терпеть не может, так похожа. Орал на меня как сумасшедший, когда увидел. Потому я ее и прячу. Он думает, я ее выбросил.

– Это он вам ее заказал?

– Поль? Вы шутите?

– Зачем же вы ее сделали?

– Чтобы почтить ее память, чтобы она жила вечно.

– Вы любили ее?

– Не особенно. Я всех женщин люблю.

– У нее был довольно крупный нос, – заметил Луи, осторожно ставя статуэтку на пол.

– Да, – кивнул старик.

Луи огляделся.

– Можно посмотреть? – спросил он.

Клермон кивнул, и Луи начал медленно обходить верстаки. Старик уставился на Марка.

– Вы мне не сказали, что у вас такая деликатная работа. Давно вы этим занимаетесь?

– С четырех лет, – ответил Марк, – очень рано почувствовал к этому тягу.

Клермон кинул окурок в кучу опилок.

– Вы небось уверены, что у меня муха под шляпой, – про-
бормотал он, похлопывая по макушке Николь Бердо, покор-
но склонившуюся у его ног. – А я вам советую, сперва сами
проверьтесь у доктора!

Марк был на все согласен и послушно кивнул. Ему рань-
ше не приходилось слышать выражение «муха под шляпой». Он подумал, что это то же самое, что «не в своем уме», «чок-
нутый», только гораздо хуже, потому что в голове жужжит
одуревшая муха. Сравнение ему очень понравилось. Хоть не
зря пришел. Это новое слово утешило его при мысли о том,
что он пропустил омлет Матиаса. Конечно, у него была муха
в голове, это бесспорно. Но вовсе не та, о которой подумал
Клермон. И у Клемана была большущая муха. Р1 у Люсьена.
И у Немца с его чертовыми преступниками. А вот у Марты
ее не было. Марк смотрел на руку старика, который без кон-
ца поглаживал незаконченную статуэтку. У Клермона была
своя муха. И весьма распространенной породы.

Глава 28

– У меня к тебе пять вопросов, – сказал Марк Луи, растопырив пальцы, когда машина отъезжала от особняка. – Во-первых, профессия, которой ты меня наградил, даже не спросив.

– А что, – спросил Луи, – тебе не понравилось?

– Совсем не понравилось, – подтвердил Марк. – Во-вторых, что сказали в полиции про Нерваля? В-третьих, тебе знакомо такое выражение «муха под шляпой»? В-четвертых, что ты думаешь об этих отвратительных статуэтках? И в-пятых, мне просто необходимо что-нибудь выпить. Эта жаба и ее отчим из меня все соки выжали.

– Кто сегодня вечером с Клеманом?

– Я. Пока не вернусь, крестный меня заменяет.

– Нельзя допустить ни малейшей оплошности. Полиции известно имя Воке. Они знают, кто он и откуда, будут изучать его биографию, и когда дойдут до изнасилования в Невере и смерти Бердо, их ничто не остановит. Я надеюсь, Люсьен понял, что если бы Клемана вчера арестовали, мы отправились бы за решетку вместе с ним.

– Одному Богу известно, что Люсьен понял, а что нет. Он может заметить, что на стене в кухне не хватает кнопки, и не разглядеть собственного двойника на улице.

– Ты что, хочешь сказать, что у этого типа есть двойни-

ки? – сказал Луи, останавливая машину у кафе.

– Да нет, не думаю. Люсьен уверяет, что он уникален, что природа, создав его, разбила форму.

– Что ж, тем лучше, – сказал Луи, выходя из машины, – первая радостная новость за эту неделю.

– А что с Нервалем? Ты рассказал о нем в полиции?

– Честно рассказал. Я дал Луазелю прочесть всю строфу. Но он не поверил. Сказал, что мы имеем дело с убийствами, а не с литературным салоном.

– Они не будут следить за улицами?

– Даже не собираются.

– А как же женщины? Следующие?

Луи развел руками.

– Пойдем, – сказал он, – выпьем кофе в кафе.

Приятели сели за уединенный столик у окна.

– Подними свою авторитетную руку и закажи два пива, – сказал Марк, – тебе тоже плевать на эти улицы?

– Да, ты же сам знаешь.

– Я имею в виду: ты настолько не веришь в это сам, что готов и других в этом убедить? И никакие сомнения тебя не гложут?

– Они меня постоянно гложут, и ты это прекрасно знаешь.

– Да. Это муха жужжит.

– Что за муха?

– Муха под шляпой. Так сказал отчим жабы. Что ты о нем скажешь?

Луи поморщился:

– Ему нравятся женщины на коленях, женщины-жертвы, слабые, умоляющие, униженные, лица, искаженные покорностью. И это не так уж банально. Он вполне подходит на роль третьего насильника. У него склад ума подходящий, и ему это не дает покоя. Николь Бердо у него вышла мрачноватой, как считаешь?

– А что с третьей женщиной? Что думают в полиции?

– Да ничего они не думают, потому что уверены, что знают, кто убийца. Все, что можно о ней сказать, – ее совершенно ничто не связывает с двумя предыдущими жертвами. Это была спокойная, полноватая девушка, и ее зверски убили, как и других. Никаких следов сексуального насилия. Цветочного горшка с отпечатками там не было.

– И все-таки это еще не оправдывает Мартиноного питомца, – вздохнул Марк. – В одиннадцать вечера папоротник в горшке не купишь. А следы на ковре?

– Да, они там были, совершенно непонятно откуда. Похоже на полосы на ковре, их еле видно. Луазель заметил, потому что я ему сказал.

– И что он думает?

– Пока ничего.

– А ты?

– Тоже. Но это что-нибудь да значит, я уверен. И возможно, здесь ключ к разгадке. И если мы его найдем, мы спасем Клемана Воке. Это знак, оставленный убийцей, его лич-

ное клеймо, без которого он не обходится. Его подпись, в каком-то роде. Мли след его мухи.

– Мухи?

– Ну да, мухи, ты же сам сказал. Мухи в голове убийцы.

Марк кивнул.

– Огромной навозной мухи, – заключил он.

– Вот именно, – сказал Луи.

Глава 29

Луи подвез Марка до Гнилой лачуги на улице Шаль в одиннадцать часов после четырех кружек пива и двух рюмок коньяку. Марк снова разговорился и даже слегка повеселел, а Луи опять напутствовал его вести себя крайне осторожно этой ночью. Он сам слегка захмелел – кроме прочего он выпил еще два бокала белого сансерского вина с Полем Мерленом у него в кабинете и теперь тяжело поднимался по лестнице своего дома.

Он машинально прошелся по комнате, озабоченно взглянул на перевод Бисмарка, который корчился в муках у него на столе с прошлой среды, принес себе бутылку воды в постель. Вялой рукой встряхнул простыню. Так он делал каждый вечер с тех пор, как Бюфо завел гадкую привычку забираться на ночь к нему под одеяло – старое стеганое немецкое одеяло, доставшееся ему от отца. Тяжелое, как мешок цемента, очень хорошее, когда надо удержать вас в постели после четырех кружек пива, если кружится голова. Бюфо оно тоже нравилось, потому что ему там было хорошо, как в тесной расселине скалы. Луи каждый раз приходилось выгонять Бюфо, и тогда он искал убежища на книжной полке за непроходимыми томами «Большого Ларусса» девятнадцатого века. Луи суеверно относился к этому. Пока жаба ночует в другом месте, у него оставалась надежда, что он не вечно

будет спать в постели один. Надежда, как известно, умирает последней.

– Кыш, Бюфо, – Луи осторожно взял его в руки, – ты преступаешь права земноводного. А вдруг я жду кого-нибудь? И вовсе не принцессу, превращенную в мерзкую жабу вроде тебя, а настоящую красивую женщину, которая будет любить только меня. Смеешься? Это ты зря, приятель. Такое вполне может случиться. Настоящая красивая женщина, на двух ногах, а не покорная девица, сдавшаяся на милость победителю, каких строгают себе старый Клермон. Ты правильно сделал, что не пошел со мной, он бы тебе не понравился. Ты слишком чист душой, так же как Марк. Зато, думаю, вы бы подружились с Мерленом. Он как две капли воды похож на твоего дедушку, а еще у него бочковой сан-сер. В любом случае, если прелестное создание явится сегодня, постарайся вести себя более гостеприимно, а не как с Соней. Ты не помнишь Соню? Девушка, которая жила здесь в прошлом году и на которую ты дулся целых пять месяцев. Соня ушла, ты ей не нравился. Да и я тоже.

Луи посадил Бюфо за «Большой Ларусс».

– И пожалуйста, не пытайся прочесть все это, а то голова разболится.

Он погасил свет и рухнул на постель, попытался представить себе существо, которое поделило бы с ним эту ночь, и быстро понял, что так просто ему сегодня не уснуть. Кровь пульсировала в ступнях, перед глазами быстро мелькали

картинки. Вот черт... Он лег на спину, вытянул руки вдоль тела, но образы трех убитых женщин то и дело возникали перед ним. Последняя, Поль, упрекала его за то, что он ничего не сделал, чтобы ее спасти, за то, что он высмеял гипотезу Люсьена об улице Звезды. Он спокойно объяснил ей, что в тот час, когда Люсьен Девернуа излагал свою поэтическую теорию, она уже была мертва. Луи было слишком жарко, и он откинул одеяло. Тем временем появилась четвертая женщина, которая должна была погибнуть от рук убийцы в пятницу, коленапреклоненная и умоляющая, как статуэтки старика Клермона. У нее было трогательное робкое лицо, и Луи с большим трудом отогнал видение. Но ее лицо тут же возникло вновь в окружении деревянных статуэток Клермона. Луи снова отмахнулся и тщетно попытался уснуть, перевернувшись на живот. Тогда он скрепя сердце решил воспользоваться советом Марка. Все дело было в страсти человека к противоречию, свое средство от бессонницы Марк называл методом вонючих чертиков: если человеку говорят: спи, он не может заснуть, а стоит ему это запретить, как он тут же засыпает. Значит, нужно широко раскрыть глаза и смотреть в одну точку на стене. Если случайно закрыть глаза, то сотни чертиков выскочат из этой точки и сожрут тебя, а этот вам не шутки. Если верить Марку, так можно заснуть не позже чем через десять минут, конечно, если не вздумается заменить чертиков на маленьких фей, а тогда ты точно не уснешь. Луи в третий раз оттолкнул от себя деревянных женщин и уста-

вился на дверной замок, чтобы не пропустить, когда оттуда будут вылетать чертики. Сначала ему показалось, что совет Марка дает свои плоды, но деревянные женщины отчаянно сражались, нещадно кроша чертиков по ту сторону двери. Луи с отвращением протянул руку к лампе, сел и залпом выпил воды. Было почти три часа. Можно и пиво открыть. Луи на ощупь добрался до кухни, зажег свет и сел за стол с бутылкой. Может, лучше заняться Бисмарком и понять, правда ли, что в мае 1874 года канцлеру взбрело в голову... Луи зажег настольную лампу на рабочем столе и включил компьютер. И вот когда машина перестала гудеть, закончив загрузку, одна из деревянных статуэток с шумом вырвалась из общей массы и возникла перед его внутренним взором. Рука Луи замерла над клавиатурой, сердце забилося. Боясь пошевелиться, Луи смотрел на безмолвное лицо, выплывшее из глубин его утомленной памяти. Это была статуэтка Клермона, одна из тех, которые он видел в мастерской. Несколько секунд он вглядывался в ее лицо, пока не запомнил его как следует. Только после этого он встал и осторожно зажег остальной свет в комнате. Прислонившись спиной к книжному шкафу с бутылкой в руке, Кельвелер начал вспоминать. Он был уверен, что уже видел это лицо, хотя с женщиной не был знаком. Он никогда не говорил с ней и не подходил близко, но совершенно точно знал ее. Луи принялся шагать по квартире, борясь со сном, который теперь настойчиво заявлял о себе. Но он боялся, что утром лицо женщины исчез-

нет из его памяти, и шагал и шагал с бутылкой по комнате. Прошло больше часа, прежде чем его память, как по тревоге, вытолкнула из глубин осколки воспоминаний и неожиданно выдала то, что он искал. Луи взглянул на часы. Десять минут пятого. Улыбаясь, он выключил компьютер и оделся. Эта женщина давно умерла, звали ее Клер какая-то там, и ее имя было у него в архиве. Она была убита. И если он не ошибся, именно она и была первой жертвой убийцы с ножницами.

Он причесался и вышел, бесшумно закрыв за собой дверь.

Глава 30

Луи поставил машину недалеко от арен Лютеции и поспешил в бункер. Ночь была теплая и безлунная. Все спали, кроме двух геев, они стояли, прислонясь голыми спинами к ограде сквера. Завидев Луи, они призывно замахали руками, но он отмахнулся, спросив себя, что подумали бы эти двое, узнай они, что он спешит на свидание с мертвой женщиной.

Он осторожно поднялся по лестнице и медленно открыл три замка на двери бункера. В соседней квартире храпел старик, спавший очень чутко, и Луи не хотелось его разбудить. Он включил кофеварку и осторожно открыл один из железных шкафов. Он забыл фамилию убитой, зато прекрасно помнил, где произошло убийство. В Невере.

Через несколько минут Луи поставил на стол чашку кофе, положил рядом тонкую папку и вытащил из нее газетные вырезки и фотографии. Он не ошибся, это была женщина, изображенная Пьером Клермоном. Простодушная улыбка, тяжелые веки, густые выющиеся волосы, зачесанные за уши. Клер Отисье, служащая санэпидемстанции в Невере, двадцати шести лет.

Луи сделал несколько глотков кофе. Да снизойдет благодать на гнилых чертиков, подумал он. Изза них деревянные женщины бросили свой танец и без обвиняков выдали свою мрачную тайну. Без чертиков женщины, пожалуй, надоедали

бы ему всю ночь, но так и не рассказали бы ничего важного.

Клер Отисье была убита в собственной квартире в Невере около семи вечера, когда вернулась с работы. Это случилось восемь лет назад. Нападавший оглушил ее, задушил чулком, а потом нанес десяток ударов коротким лезвием по телу. Орудие так и не определили. На линолеуме, залитом кровью, около головы жертвы были обнаружены загадочные полосы, как будто убийца с наслаждением водил пальцами в крови жертвы.

«Эхо Невера» с пафосом добавляло, что *«следователи работают над загадочными следами, которые, уж будьте уверены, не замедлят выдать свой страшный секрет».*

Луи налил вторую чашку кофе, кинул сахар и размешал. Как и следовало ожидать, происхождение этих следов установлено не было.

Вот почему его насторожил след на ковре, справа от лица второй жертвы. Он уже видел такие отметины восемь лет назад и теперь был совершенно уверен, что Клер стала первой жертвой убийцы с ножницами, задолго до того, как тот появился на улице Аквитании. А что же было между этими двумя убийствами? Может, он продолжал убивать, но об этом никто не узнал? Может, был за границей? Может, женщина с улицы Аквитании была его двадцатой жертвой?

Луи встал и задумчиво сполоснул чашку. Он окончательно проснулся, а за закрытыми ставнями занимался рассвет. Он не знал, как поступить с Луазелем. Конечно, хорошо бы

рассказать ему об этом первом деле убийцы с ножницами. Но обвинять Клермона без доказательств не имело смысла, это ничего бы не изменило в судьбе Клемана Воке, а дело может зайти в тупик. Луи всегда любил оставлять петлю на шее убийцы, что было весьма рискованно, Луазель бы его не одобрил, и его можно было понять.

Не зная, на что решиться, он вернулся за стол и просмотрел последние вырезки из старых газет. Длинная статья в «Бургундии» повествовала о жизни жертвы, ее учебе, ее заслугах, профессиональной ответственности и надеждах на замужество. Увидев заголовок *«Он преследовал убийцу с риском для жизни»*, Луи вздрогнул. Он совсем не помнил этот эпизод. Один из соседей Клер, Жан-Мишель Бонно, кондитер, услышал шум из квартиры всегда спокойной соседки и забеспокоился. Он постучал к ней, а потом тихонько вошел. Он застиг убийцу, стоявшего на коленях у тела женщины. Преступник или преступница, уточнялось в статье, резко оттолкнул его и бросился вниз по темной лестнице. Бонно поднялся и бросился в погоню. Пока он крикнул жене, чтобы та поспешила на помощь жертве, убийца убежал далеко вперед. Бонно гнался за ним по набережной Луары и в конце концов потерял из виду на одной из маленьких улочек. От глубокого потрясения из-за трагического происшествия он, к сожалению, смог сообщить только самые общие сведения о внешности преступника, который носил шарф, шерстяной берет и толстое пальто.

«Следователи, однако, надеются найти убийцу, с трудом скрывшегося от храброго кондитера».

Две другие газеты поместили фотографию неверского кондитера, но никаких дополнительных деталей не сообщалось. Неделю спустя газеты убеждали читателей, что следствие продолжается. На этом все и закончилось. На листке, прикрепленном к вырезке, Луи нацарапал «дело приостановлено, но не раскрыто», рядом стояло число.

Луи откинулся на спинку стула и закрыл глаза. Значит, того убийцу так и не поймали. Может, это была женщина? Но есть человек, который его видел. Кондитер не смог описать убийцу, но он видел, как тот двигался, бежал. А это было очень важно.

Надо срочно повидаться с этим человеком. Подперев рукой подбородок, Луи долго смотрел на лицо Клер Отисье. И неожиданно уснул, уронив голову на стол.

Глава 31

Утром, еще плохо соображая, Луи остановил машину на теневой стороне улицы Шаль. Было половина одиннадцатого, солнце сильно припекало. Луи прихватил с собой пульверизатор, чтобы время от времени опрыскивать Бюфо, взял папку с делом об убийстве в Невере, сунул жабу в карман пиджака и пересек кусочек голого сада, который Марк на средневековый манер называл пустошью. Он постучался в дверь Гнилой лачуги, но ему никто не ответил. Отступив к ограде, он свистнул. В форточке верхнего этажа под шиферной крышей показалась голова Вандузлера-старшего.

– А! Немец! – крикнул старый сыщик сверху. – Дверь открыта, толкай и заходи.

Луи покачал головой, вернулся к двери и вошел. Вандузлер-старший крикнул ему, что Святой Марк пошел убираться и вернется в одиннадцать, Святой Лука на уроке в школе – да сжалится Господь над учениками, – а Святой Матфей был в погребе, ты знаешь с кем и еще кое с кем.

– Чего это они туда забрались? – крикнул в ответ Луи.

– Куски кремния склеивают! – сказал старик и закрыл дверь.

Луи в задумчивости устало спустился по маленькой винтовой лестнице, от которой пахло влажной пробкой. В сводчатом помещении погреба, между стеллажами, заставленны-

ми инструментами, телефонными справочниками и ящичками для вина, над ярко освещенным длинным столом, где поблескивали сотни мелких кусков кремния, стоял Матиас. Луи впервые попал сюда, он не знал, что Матиас устроил для себя это логово под землей. Рядом с ним стоял Клеман и внимательно рассматривал осколок кремния, трогая языком отросшую бороду и хмуря брови. Марта сидела на высоком «художническом» табурете, прислонясь к бутылкам, что-то бормотала себе под нос, курила сигару и разгадывала кроссворд.

– А, Людвиг, – сказала она, – ты как раз вовремя. Слово из одиннадцати букв, в середине «е».

– «Королевство», – подсказал Матиас, не отрываясь от работы.

Немного ошеломленный, Луи спросил себя, понимает ли кто-нибудь в этом доме серьезность положения. Матиас протянул ему руку, поздоровался с беззаботной улыбкой и снова принялся за работу. Если Луи правильно понял, их труд состоял в том, чтобы склеить большой кусок кремния, который древний человек умудрился расколоть на сотню осколков. Матиас перебирал, примерял и откладывал части одну за другой с поразительной быстротой, а Клеман неуклюже пытался соединить два осколка.

– Дай-ка посмотреть, – сказал ему Матиас.

Клеман показал, что у него получилось.

– Хорошо, – кивнул Матиас, – можешь клеить дальше.

Возьми скотч, только не очень длинный.

Великий охотник-собиратель посмотрел на Луи и улыбнулся.

– Воке очень способный, – сказал он. – У него зоркий глаз. А склеивать куски кремния очень даже непросто.

– И сколько лет этим камням? – из вежливости спросил Луи.

– Двенадцать тысяч лет.

Луи кивнул, подумав, что доставать фотографию убитой женщины в палеолитической берлоге Матиаса было как-то неловко. Лучше увести отсюда Клемана.

Они вместе поднялись на первый этаж и сели за большой деревянный стол в комнате, ставни были по-прежнему закрыты.

– Тебе здесь нравится? – спросил Луи.

– Вчера кто-то постучал в дверь, и все забеспокоились лично обо мне, – похвастался Клеман.

– То есть к вам кто-то приходил? – встревожился Луи.

Клеман серьезно кивнул, пристально глядя на Луи тусклыми глазами.

– Очень надолго приходила какая-то женщина, – подтвердил он, – но я спустился с Матиасом в погреб. Мне было грустно от скуки, и Матиас дал мне склеивать разбитые камни. Это человек разбил камни на куски, еще задолго до моего собственного рождения. Очень важно их склеить, что касается сведений о них. Вечером, после омлета, я играл в кар-

ты со стариком, потому что телевизора тут нет. А женщина была на галерее.

– Ты думал об этих женщинах? Об убийствах?

– Да нет. А может, и думал, не помню уже.

В это время вошел Марк с кипой рубашек в руке и рассеянно поздоровался.

– Голова болит, – сказал он, проходя мимо, – наверное, вчерашний коньяк. Я сварю крепкий кофе.

– Я как раз хотел тебя попросить, – сказал Луи. – Я всего два часа спал.

– Бессонница? – удивился Марк, укладывая рубашки в корзину для белья. – А ты не пробовал способ с вонючими чертиками?

– Пробовал. Но их затоптала толпа деревянных женщин.

– Надо же... – сказал Марк, доставая чашки, – и такое бывает.

– Не хочешь узнать, что случилось со мной ночью?

– Да как тебе сказать...

– Так вот, слушай очень внимательно, – сказал Луи и открыл папку с делом Клер Отисье. – Сегодня ночью мне в голову постучалась одна из статуэток Клермона и не давала покоя, пока я не поговорил с ней. Было больно, и я не мог заснуть.

– А может, это коньяк стучался?

– И коньяк тоже, но все дело в этой чертовой статуе, поверь. Помнишь, ту, что стояла под часами, лицом к стене?

– Да, но я внимательно ее не разглядывал.

– А я разглядывал. Вот она. – Луи подал Марку газетную вырезку. – «Сама правда», как сказал бы Клермон.

Марк подошел к столу с кастрюлей кипятка в руках и взглянул на пожелтевший лист.

– Никогда ее не видел, – сказал он.

– А ты, Клеман? – спросил Луи, показывая ему фотографию.

Марк проглотил две таблетки, потом поставил кофе, пока Клеман смотрел на женщину, а Луи на Клемана.

– Я должен что-нибудь сказать про эту женщину? – спросил Клеман.

– Да.

– А что, например?

Луи вздохнул:

– Ты ее не знаешь? Никогда не видел? Может, как-то вечером, восемь лет назад в Невере?

Клеман молча смотрел на Луи, разинув рот.

– Да брось ты ему мозги загружать, – сказал Марк, ставя кофе на стол.

– А ты перестань вести себя как Марта, черт возьми. Он не сахарный.

– Немножко сахарный, – нахмурился Марк. – Если ты выведешь его из себя, он сбежит. Объясни все, как есть. Нечего его подлавливать.

– Ладно. Она жила в Невере, ее звали Клер. Восемь лет на-

зад ее задушили, вечером, в ее собственной квартире. Убийца бил ее чем-то острым. Рядом с головой на ковре были следы трения, такие же, как у трех жертв с улицы Аквитании, улицы Башни Аббатис и улицы Звезды. А это значит, что убийца с ножницами начал свою серию задолго до Парижа. Первой была женщина в Невере.

– Она умерла? – перебил Клеман, положив палец на фото.

– Совершенно верно, – сказал Луи, – а потом убийца исчез на восемь лет, возможно, был за границей. А потом приехал в Париж и взялся за старое.

– Это Секатор, – проворчал Клеман. – Чик, чик.

– Секатор или третий насильник, человек без имени.

– А почему этот человек изнасиловал женщину в парке, а других не тронул? – спросил Марк, подвигая к себе газету.

– Третий, может, и не притронулся к женщине. Спроси Клемана. Он сказал, что он первый убежал, потому что был одет, помнишь?

– Клермон? – спросил Марк, внимательно разглядывая газетную вырезку.

– Во всяком случае, он ее изваял, и ничего хорошего тут нет. Николь Бердо он тоже «увековечил».

– Но он вроде не исчезал на восемь лет. И Секатор тоже.

– Чик, – сказал Клеман, глядя в чашку с кофе.

– Я знаю, – продолжал Луи. – Я расспросил Мерлена о жизни его отчима. Старик никогда с ним не расставался, к его великому несчастью. Но, как и Секатор, он мог быть на-

чеку и все эти годы сдерживать свою...

– Муху, – подсказал Марк, – сдерживал безумный полет своей огромной навозной мухи под толстой шляпой.

– Можно сказать и так, – согласился Луи, махнув рукой, будто хотел отогнать мошку. – Если только этот третий не совсем другой человек, неизвестный нам сообщник Секатора. Он участвует в изнасиловании женщины, ночью убивает ее и молодого Русле и меньше чем через год малышку Клер. Потом он испугался, уехал очень далеко, например в Австралию, и о его преступлениях больше никто не слышал.

– Да, – кивнул Марк, – не часто до нас доходят новости из Австралии.

– А потом он возвращается, – продолжал Луи, – все с той же навязчивой идеей. Но в этот раз он не хочет рисковать. Он тщательно прорабатывает путь к отступлению. И ищет того негодяя, который облил ему задницу ледяной водой в самый разгар насилия.

– Это я сделал. – Клеман резко поднял голову.

– Да, – мягко подтвердил Луи, – не волнуйся, я помню. Он ищет его и находит почти там же, где и оставил, в добром старом городке под названием Невер. Он отправляет его в Париж, где и подставляет.

– Да, – сказал Марк, – теперь я понимаю, почему ты всю ночь не спал. Но если подумать, то нам это ничего не дает. Еще одно преступление добавилось, это верно, но мы и так знали, что муха у этого типа в голове уже давнишняя.

– Слушай, оставь ты в покое эту муху.

– И еще мы узнали, что Клермон делает статуэтки убитых женщин, это, конечно, очень важно. Но у нас нет твердых доказательств, которые помогли бы Клеману выбраться из этого осинового гнезда. Старик вполне мог питать свои фантазии из газет. Может, он только к фотографиям и прикасался, а к женщинам нет.

– Слушай, – Луи внезапно сменил тему, – сюда вчера кто-то приходил?

– Ничего особенного, приятельница Люсьена. Мы отправили Клемана в погреб. Она его не видела и не слышала, будь спокоен.

Луи нетерпеливо махнул рукой.

– Постарайся втолковать Люсьену, – сурово сказал он, – что сейчас не время приглашать сюда гостей.

– Ладно.

– Из-за него все может полететь к чертям.

– Давай поговорим о другом, – слегка поморщился Марк.

Луи сел за стол рядом с Клеманом и несколько минут задумчиво молчал, подперев рукой подбородок.

– Женщина из Невера, – сказал он, – помогла нам продвинуться на три пункта. Благодаря ей мы взяли в тиски старого скульптора, хотя он еще может выскользнуть, тут я с тобой согласен. Но он вполне может быть к этому причастен. Благодаря ей же мы видим, что поэтическая гипотеза Люсьена оказалась совершенно неверна. Убийства начались задолго

до улицы Аквитании. Возможно, первой была малышка Клер из Невера. Он мог продолжать лет восемь где-нибудь в Австралии.

– Допустим.

– А тогда к поэме пришлось бы добавить несколько строк в начале, а это невозможно.

– Нет, – согласился Марк, – но ты сказал, что убийца считает своих жертв. Тогда почему он говорил Клеману про «первую девушку», «вторую девушку»?

Луи поморщился:

– Наверное, это «первые девушки», порученные Клеману, но не первые в цепочке убийств.

– А разве цепочка не должна на чем-то закончиться?

– Господи, да понятия не имею, Марк. Вернее, я знаю одно: надо забыть про «El Desdichado» и Черное Солнце. Ключ к разгадке в другом. И наконец, третье: благодаря давнему убийству в Невере мы можем узнать, как приблизительно выглядит убийца. По крайней мере кого стоит подозревать – Клермона или Секатора.

– Чик, – сказал Клеман.

– Или пупсика, сам знаешь чьего, – тихо добавил Луи. – Или совсем другого человека. Потому что в тот вечер, когда была убита Клер Отисье, убийцу едва не настиг сосед, который погнался за ним. «Храбрый кондитер», прочти заметку.

Марк присвистнул.

– Да, – сказал Луи, – я еду в Невер после обеда. Если мо-

жешь, поехали со мной. Доверь Клема-на крестному и Матиасу, у них все будет хорошо теперь, когда они вместе бультжники клеят.

– А моя работа? Тебе наплевать на это?

– Отпросись. Поездка займет день или два.

– Я буду выглядеть безответственным типом, – проворчал Марк. – Я только что с трудом получил это место. Зачем я тебе? Можешь и один поговорить с этим храбрым кондитером.

– Конечно. Но я не смогу нарисовать Клермона, или Секатора, или сам знаешь кого. А ты сможешь.

– Чик, чик, – сказал Клеман.

– Клеман, забудь на время про Секатора, ладно? – попросил Луи, кладя руку ему на плечо.

Марк нерешительно поморщился.

– Подумай, – сказал Луи, вставая. – Я заеду в два часа. Возможно, убийство все-таки важнее белья мадам Туссен.

Марк взглянул на корзину.

– Это белье мадам Малле, – поправил он. – Почему в старых газетах пишут, что это могла быть женщина?

– Не знаю. Меня это тоже беспокоит.

Глава 32

Секатор сидел в тени сарая, зачерпывая ложкой из котелка какое-то варево. Луи несколько секунд наблюдал, как тот хлебал еду, потом подошел и встал напротив, прислонясь спиной к дереву. Он достал бутерброд из бумажного пакета. Оба молча жевали. На кладбище было безлюдно и тихо, издали доносился гул машин. Секатор расстелил на сумке чистую белую салфетку с кружевными углами и положил на нее хлеб и нож. Вытерев пот со лба, он бросил на Луи мутный взгляд и снова принялся равнодушно жевать.

– Осторожно, оса! – воскликнул Луи, вытянув руку.

Секатор живо убрал ложку ото рта и махнул ею в воздухе. Оса взлетела, покружилась над его головой и исчезла.

– Спасибо, – буркнул он.

– Не за что.

Секатор задумчиво зачерпнул ложкой еду.

– В южной стене целое гнездо, – пояснил он, – меня вчера трижды чуть не укусили.

– Вызови пожарных.

– Ага.

Он шумно поскреб котелок и поставил его между колен, чтобы взять хлеб.

– Красивая скатерка, – сказал Луи.

– Угу.

– Похоже, ручная работа.

– Это моя мать сделала, – проворчал Секатор, взмахнув ножом. – С ней надо бережно обращаться, очень бережно. Это сыновний оберег.

– Сыновний оберег?

– Ты глухой? Моя мать сшила такие всем своим детям. Ее надо стирать каждое воскресенье, если хочешь, чтобы она тебя берегла. Потому что она говорила, мать моя, что если каждое воскресенье стирать, надо знать, какой день сегодня, а потому нельзя слишком напиваться. И надо встать, чтобы постирать. А еще надо, чтоб горячая вода была и мыло. А для этого нужно крышу над головой иметь. А за нее надо платить. Вот и выходит: чтобы салфетка была чистой, надо вкалывать, нельзя сидеть сложа руки каждый день, с неба на тебя ничего не свалится, так мать говорила. Вот почему это сыновний оберег. Моя мать, – добавил Секатор, хлопнув себя по лбу рукояткой ножа, – все предусмотрела.

– А дочери? – спросил Луи. – Для них она тоже делала обереги?

Секатор презрительно пожал плечами:

– Девчонки так не пьют.

– И ты каждое воскресенье стираешь белье?

– Только салфетку, мне этого хватает.

Луи отогнал еще одну осу, доел бутерброд и стряхнул крошки с одежды. Секатору повезло. А ему от отца досталось только стеганое одеяло, тяжелое, как мешок цемента,

в самый раз, чтобы придавить тебя к кровати, когда много выпил.

– Я принес тебе вина из твоих краев. Сансер.

Секатор подозрительно глянул на него:

– Ты небось не только это принес?

– Да, еще фотографию убитой женщины.

– Вот новость-то.

Секатор поднялся, осторожно положил белую салфетку в свою старую грязную сумку, сполоснул миску в сарае и положил на плечо грабли.

– Мне работать надо, – сказал он.

Луи протянул ему бутылку. Секатор молча открыл ее и сделал пару глотков. Потом протянул руку, и Луи подал ему вырезку из газеты, сложенную там, где была фотография. Тевенен несколько секунд смотрел на нее, потом снова глотнул вина.

– Ну и... – сказал он. – Где ловушка?

– Ты ее знаешь?

– Ну еще бы. Я еще жил в Невере, когда ее убили. Любой в Невере ее узнает. Только про нее и писали целых две недели. Ты их что, коллекционируешь?

– Думаю, с ней расправился убийца с ножницами. Например, ты.

– Да пошел ты... Я не один жил тогда в Невере. Дурень деревенский тоже там был.

– Но он не уехал в Париж через две недели после убийства,

как ты, разве не так? Ты испугался?

– Я ничего не боюсь. Боюсь только салфетку не постирать. В Невере работы не было, вот и все.

– Я уйду, Тевенен, – сказал Луи, пряча газету в карман, – еду в твой родной город.

Секатор с мрачным видом принялся грести дорожку, посыпанную песком.

– Я еду повидаться с человеком, который гнался за убийцей, – добавил Луи.

– Оставь меня в покое.

Луи медленно прошел кладбище по раскаленной от солнца аллее и сел в перегревшуюся машину. Сначала он обрызгал Бюфо водой и потом устроил его на переднем сиденье. Куда ему спрятать жабу на время поездки, если Вандузлер-младший поедет с ним? Может, в бардачок? Луи вытащил оттуда дорожные карты и прочий хлам и прикинул, годится ли он для жилья. Ему было не понять, отчего Марку так противны земноводные. Вообще-то они с Марком редко понимали друг друга.

В два часа он толкнул дверь Гнилой лачуги. Люсьен с Вандузлером-старшим пили кофе, и Луи согласился выпить четвертую за этот день чашку.

– Ты говорил с полицейскими? – спросил Люсьен.

– О Нервале? Да. Они не поверили.

– Ты шутишь? – воскликнул Люсьен.

– Вовсе нет.

– То есть они ничего не собираются делать, чтобы спасти следующую женщину?

– Во всяком случае, устанавливать слежку за твоими улицами они не собираются. Они ждут, пока те, кто прячет Клемана, сделают какую-нибудь глупость, чтобы его схватить. Спокойно сидят и выжидают.

Люсьен покраснел. Он шумно шмыгнул носом и откинул волосы со лба.

– Это не *мои* улицы, черт побери! – крикнул он. – А ты что думаешь делать?

– Ничего. Я еду в Невер.

Люсьен встал, с грохотом оттолкнул стул и вышел из комнаты.

– Н-да... – сказал Вандузл ер-старший, – Святой Лука очень порывист. Если тебе нужен Клеман, он внизу со Святым Матфеем. Святой Марк в своей комнате. Трудится.

Разозленный Луи забрался на третий этаж и постучал в дверь. Марк сидел за столом среди кучи рукописей. Держа в зубах карандаш, он слегка кивнул в знак приветствия.

– Бросай все, – сказал Луи, – мы уезжаем.

– Мы ничего не найдем, – сказал Марк, не отрываясь от работы.

– Вынь карандаш, ничего не понятно.

– Мы ничего не найдем, – повторил Марк уже без карандаша, повернувшись к Луи. – И вообще, я сейчас не хочу

бросать Люсьена.

– Почему именно сейчас? Боишься, что он отпустит Клемана погулять?

– Нет, тут другое. Подожди, мне надо с ним поговорить. Перепрыгивая через несколько ступенек, Марк поднялся на четвертый этаж и вернулся через десять минут.

– Все в порядке. Сейчас только вещи соберу.

Луи наблюдал, как он запихивает в рюкзак белье, а сверху кладет средневековые рукописи. Он поступал так всегда, стоило ему отлучиться от рабочего стола хотя бы на одну ночь. Луи подумал, что Марку не мешало бы обзавестись сыновним оберегом, он бы предостерег его от головокружительного падения в водоворот Истории.

Глава 33

Марк вел машину, пока Луи спал на заднем сиденье. «Разбуди меня, когда покажется Луара», – сказал он ему. В половине четвертого Марк проехал Монтаржи и на ощупь открыл бардачок, чтобы посмотреть карту. Его пальцы коснулись чего-то сухого и мягкого, и он вскрикнул, срочно затормозив у обочины. Потом осторожно заглянул внутрь, увидел Бюфо, который дрых на влажной тряпке. Господи, он потрогал жабу!

Марк возмущенно обернулся к Луи, чтобы осыпать его проклятиями, но Немец даже не проснулся.

Бормоча ругательства, Марк осторожно закрыл крышку, призывая на помощь образ храброго кондитера, чтобы придать себе мужества. Человек, который идет по следу убийцы, не должен отступать перед мерзкой жабой. Весь в поту, он снова тронулся в путь и долго не мог прийти в себя.

В половине пятого, когда его рубашка уже прилипала к сиденью, он выехал на набережную Луары. Он решил пока не будить Луи, чтобы обругать его. Километрах в тридцати от Невера он резко затормозил, развернулся, оставил машину на площади маленького средневекового городка и, бросив Немца с его жабой в машине, пешком спустился к церкви. Счастливый, он ходил вокруг нее с полчаса, потом уселся на паперти и задрал голову, глядя на фасадную башню. Когда

тяжелые колокола пробили шесть, он встал, потянулся и вернулся к машине. Луи с недовольным видом ждал его, присев на переднее крыло.

– Поехали, – сказал Марк, умиротворенно подняв руку.

Он сел за руль и снова выехал на национальное шоссе № 7.

– Кой черт тебя дернул здесь остановиться? – спросил Луи. – Знаешь, который час?

– У нас полно времени. Я не мог проехать мимо и не поприветствовать старшую дочь Клюни.

– Кто она?

– Та, в которую я всегда был страстно влюблен. Вот она, – добавил он, указывая пальцем вправо, когда машина ехала мимо церкви в обратный путь. – Одна из красивейших представительниц романского стиля. Посмотри же на нее, посмотри! – воскликнул Марк, махая рукой. – Она сейчас скроется за поворотом.

Луи вздохнул, вывернул шею и посмотрел. Потом опять сел, ругаясь сквозь зубы. Совсем не время сейчас Марку окунаться в Историю, со вчерашнего дня Луи очень за него беспокоился.

– Очень хорошо, – сказал он, – а теперь поторапливайся. И так много времени потеряли.

– Этого бы не случилось, если бы ты не засунул свою мерзкую жабу в бардачок. Мне понадобилось сильное духовное очищение после такого нежелательного телесного контакта.

Последние километры они ехали молча, а в Невере Луи пересел за руль, потому что немного знал город. Он много раз сверялся с картой, чтобы найти дом Жан-Мишеля Бонно, и вскоре остановил машину у его дверей. Марк заговорил первый и предложил пойти хорошенько выпить, прежде чем выслушивать откровения Храброго Кондитера.

– Ты думаешь, он дома? – сказал Марк, усаживаясь за стол с кружкой пива.

– Да, сегодня понедельник, он не работает. Я утром предупредил его жену, что мы приедем. Как думаешь, сможешь нарисовать Секатора и Клермона?

– Приблизительно.

– Начинай, пока делать нечего.

Марк вытащил из сумки блокнот и ручку, вырвал лист и сосредоточился. Четверть часа Луи, сдвинув брови, смотрел, как он рисует.

– Муху тоже рисовать? – спросил Марк, не отрываясь от рисунка.

– Лучше нарисуй общий силуэт, а потом лицо.

– Хорошо, но это за отдельную плату. А муха бесплатно.

Марк закончил рисунок и подал Луи:

– Ну как?

Луи одобритительно кивнул.

– Идем, – сказал он, сворачивая листок, – уже семь часов.

Жена Бонно попросила их подождать в гостиной. Марк присел на краешек дивана, накрытого кружевным покрыва-

лом, и принялся за второй рисунок. Луи удобно устроился в бархатном кресле и вытянул свои длинные ноги. Из-за большого колена он не любил долго сидеть сложив ноги. Вскоре пришел Жан-Мишель Бонно. Он был маленького роста, пузатый и краснощекий и близоруко щурился сквозь толстые стекла очков. Марк и Луи встали. Он неловко пожал им руки. Через приоткрытую дверь доносились голоса ужинавших детей.

– Мы опоздали, – сказал Луи, – просим нас извинить. Мой друг захотел по дороге навестить старую подругу.

– Ничего. Моя супруга все равно не запомнила, во сколько вы обещали быть.

Луи подробно рассказал кондитеру о тех совпадениях, которые, по его мнению, имелись между убийством в Невере и трагическими происшествиями в Париже. Он сказал, как важен может оказаться его рассказ и сыграть решающую роль в поимке преступника, которого восемь лет назад он так храбро преследовал.

– Вы преувеличиваете, – засмутился Бонно.

– Ничуть, – возразил Луи, – вы вели себя очень смело. Все газеты тех лет об этом писали.

– Я думал, что полиция ищет человека, чей фоторобот был напечатан в газете.

– Это одна из версий, – солгал Луи. – В полиции думают, что кем бы ни был преступник, он вполне мог приехать из Невера.

– А вы не из полиции? – спросил Бонно, искоса глянув на Луи.

– Мы из министерства внутренних дел.

– Ах, вот как... – отозвался Бонно.

Марк старательно рисовал, иногда поглядывая на Храброго Кондитера. Интересно, как бы тот себя повел, если бы Луи положил перед ним на стол свою отвратительную жабу, которую незаметно сунул в карман, выходя из машины? Наверняка остался бы равнодушен. Однажды и он будет относиться к этому спокойно, не стоит отчаиваться.

– Вы знаете человека с фотографии? – спросил Луи.

– Нет. – В голосе Бонно прозвучало сомнение.

– Вы не уверены?

– Да нет. Просто моя жена однажды пошутила, что он похож на одного местного дурачка. Мы его иногда видим на улице, он на аккордеоне играет. Я жене сказал, что нельзя смеяться ни над простаками, ни над убийцами.

В комнату вошла мадам Бонно и поставила на стол бутылку ликера и целый поднос пирожных.

– Угощайтесь. – Бонно кивнул в сторону подноса. – Я никогда не ем пирожные. Кондитер должен держать себя в руках.

Бонно налил себе рюмку, и Луи с Марком дали понять, что тоже не отказались бы от ликера.

– Прошу извинить, я думал, что полицейские не пьют при исполнении.

– Мы из министерства, – снова пояснил Луи, – и всегда пьем в гостях.

Бонно снова искоса поглядел на него и молча наполнил рюмки. Марк протянул Луи портреты Клермона и Секатора, взял себе большой кусок «наполеона» и принялся рисовать силуэт Клемана Воке. Бонно не очень ему понравился, поэтому в разговор он решил не вступать.

Бонно с Луи рассматривали портрет Секатора. Кондитер поправил очки на носу и с некоторым отвращением заметил:

– Не очень приятный' тип, как вам кажется?

– Согласен, – сказал Луи, – действительно неприятный.

Бонно перешел к портрету Клермона.

– Нет, – он покачал головой, – нет... Как тут вспомнишь? История вам известна. Это случилось в феврале. Убийца был закутан в шарф, а на голове шляпа. Мне и в голову не пришло его разглядывать, так я был потрясен. Потом он меня толкнул, я за ним погнался, видел только со спины... Сожалею. Если нужно выбирать из этих двоих по силуэту и телосложению, я бы назвал этого, – сказал он, указав пальцем на Клермона. – Другой, по-моему, в плечах широковат. Но, честно говоря...

Марк с треском вырвал лист из блокнота и положил на стол рисунок с силуэтом Клемана. Потом взял себе кофейный эклер и вернулся к работе. Кондитер знал свое дело. Зануда Люсьен сказал бы, что порции слишком большие, никакой утонченности, но Марку угощение понравилось.

– Нет... – повторил Бонно. – Не знаю. По-моему, этот худоват...

– Как он бежал?

– Да не очень-то ловко. И не быстро, руки болтались сзади, каждые десять метров замедлял бег, как будто устал. Далеко не спринтер.

– Как же он от вас ушел?

– Да ведь из меня тоже бегун никудышный. Мне пришлось остановиться, чтобы подобрать очки, которые я обронил, а он этим воспользовался и ускользнул. Вот так все и было. Все очень просто.

– Вместе с вами никто не побежал? Его больше никто не видел?

– Никто.

– Вы были один, когда это случилось?

– Моя жена была дома.

– Она ничего не слышала?

– Нет. Но я еще был на лестнице в подъезде, только на площадку успел подняться, когда это случилось.

– Понятно.

– А почему вы спрашиваете?

– Чтобы представить, как вы себя вели. Не каждый бросился бы в погоню за убийцей.

Кондитер пожал плечами.

– Я вас уверяю, – сказал Луи, – вы смелый человек!

– Да нет, такой же, как все. Но есть ведь вещи, которых

мужчины не боятся, не правда ли?

– Что, например?

– Да женщины, черт побери! Я ведь сначала решил, что это была женщина. Поэтому и бросился в погоню, не задумываясь. Все просто.

Марк покачал головой, продолжая рисовать. «Отважный Кондитер весьма сомнительной храбрости», – мысленно поправил он самого себя. По крайней мере, съездил он не зря, все встало на свои места.

– Как вам слоеное? – спросил Бонно, повернувшись к Марку.

– Отлично, – ответил Марк, подняв карандаш. – Слишком большое, но очень вкусно.

Бонно одобрительно кивнул и снова повернулся к Луи.

– В полиции меня разуверили. Сказали, что женщина не могла бы так быстро расправиться с соседкой. Она была девушкой в теле, должен вам заметить.

– Мне очень нужно узнать, – сказал Луи, вытянув палец в сторону бутылки с ликером, – почему вы решили, что перед вами женщина? Вы успели заметить ее лицо, фигуру? Это ведь заняло несколько секунд?

Бонно медленно покачал головой, наливая вторую рюмку Луи.

– Нет... Я ведь уже сказал, что она... что он был весь укутан и одет в толстое шерстяное коричневое пальто и обычные брюки, такие зимой и мужчины и женщины носят...

– Может, волосы выбивались из-под шляпы?

– Нет... Или я не заметил. Я в общем-то почти ничего не заметил. Мне просто показалось, что это немолодая, полная, не слишком изящная женщина. Не знаю почему. И дело тут не в одежде, не в телосложении, не в лице и не в волосах. Было что-то другое, но я не знаю, что именно.

– Подумайте. Это может быть очень важно.

– Но мне сказали, что это был мужчина, – заметил Бонно.

– А если правы были вы? – спросил Луи.

По лицу кондитера скользнула легкая улыбка. Он оперся подбородком на руки и задумался, что-то бормоча себе под нос. Луи собрал со стола рисунки, отдал Марку, и он спрятал их в блокнот.

– Ничего в голову не приходит, – сказал Бонно, выпрямляясь. – Слишком давно это было.

– Возможно, еще вспомните, – предположил Луи, вставая. – Я вечером позвоню и дам вам телефон гостиницы. Если что-то вспомните о той «женщине» или по рисункам, оставьте мне сообщение. Я буду в городе все утро.

Марк и Луи прошлись по городу, выбирая, где бы поужинать. Было еще тепло, и Луи нес куртку в руке.

– Небогатый улов, – сказал Марк.

– Похоже на то. Да и тип он не слишком приятный.

– Зря я рисовал. Отважный кондитер сомнительной храбрости слеп как крот.

– Но история с женщиной более чем любопытна, если, конечно, это правда.

– Нам это неизвестно. Чересчур откровенным его не назовешь.

Луи пожал плечами:

– Бывают такие люди. Пойдем поужинаем в том ресторанчике. Клеман играл здесь по вечерам.

– Я не голоден, – сказал Марк.

– Как тебе пирожные?

– Правда вкусные. Он мастер своего дела.

Луи выбрал уединенный столик.

– Слушай, – спросил он, усаживаясь, – а что ты рисовал потом, когда закончил портреты? Церкви, реки или булочки?

– Старик Клермон сказал бы тебе, что все это женщины. Не рисовал я ни то ни другое.

– А что?

– Правда, интересно?

Марк протянул ему блокнот, и Луи поморщился:

– Что еще за дрянь? Один из твоих вонючих чертиков, что ли?

– Это увеличенная в сорок раз муха Клермона, – с улыбкой объяснил Марк. – Его муха под шляпой.

Луи удрученно покачал головой. Марк перевернул лист.

– А это, – сказал он, – другая увеличенная муха.

Луи повертел лист так и сяк, пытаясь отыскать смысл в

нагромождении пересекающихся линий и белых пятен.

– Ничего не понятно, – сказал он, возвращая блокнот Марку.

– Потому что она непостижима. Это муха убийцы.

Глава 34

В шесть вечера Люсьен вернулся с занятий. Он был очень возбужден и сразу спустился в погреб. Матиас и Клеман старательно трудились над кучей кремния с рулоном скотча.

– Ты готов? – спросил Люсьен.

– Мы заканчиваем, – спокойно ответил Матиас.

Люсьен барабанил по столу, пока охотник-собираатель заканчивал склейку. Потом он забрал у Клемана кремний и осторожно положил в бак.

– Шевелись, – подгонял Люсьен.

– Уже иду. Ты еду взял?

– Твой бутерброд по-деревенски и литр воды, индейка с горошком и пиво для меня.

Матиас ничего не ответил и стал подниматься по лестнице, тихонько подталкивая Клемана перед собой.

В столовой Люсьен взял швабру и яростно стукнул четыре раза в потолок. Кусочек штукатурки отвалился и упал ему под ноги. Матиас неодобрительно поморщился. Наверху хлопнула дверь, и через минуту появился Вандузлер-старший.

– Уже? – спросил он

– Хочу там быть в семь часов, – объявил Люсьен. – Плохая военная подготовка всегда становилась причиной кровавой резни.

– Ясно, – сказал крестный, – ты на какую улицу идешь?

– Матиас на улицу Солнца, а я на улицу Луны. Улица Золотого Солнца в пролете. Нас всего двое.

– Ты уверен в том, что делаешь?

– В поэме? Уверен на все сто. Я взял наброски Марка, он здорово нарисовал тех двоих.

– А если это кто-то неизвестный?

Люсьен нетерпеливо фыркнул:

– Попытка не пытка. Ты против?

– Вовсе нет.

Крестный проводил их до двери, запер дверь на ключ и спрятал его в карман. Сегодня вечером ему предстояло караулить Клемана Воке одному.

Глава 35

В гостинице «Старый фонарь» в Невере после десяти утра завтраком не кормили. Луи уже привык к этому вынужденному наказанию, потому что он был одним из тех подозрительных постояльцев, которые встают позже положенного часа, между одиннадцатью и часом дня, а так поступают только бродяги, полуночники, те, чья совесть нечиста, бездельники, небритые холостяки и аморальные типы. Портье вручил ему две записки. Луи быстро развернул первую и узнал почерк Марка, а это не предвещало ничего хорошего.

Привет, сын Рейна. Я уехал в восемь утра повидать старую знакомую, о которой ты уже знаешь, а заодно и дома в округе, которые не успел посмотреть вчера. Между 14.30 и 15.30 буду на старом мосту. Если тебя не будет, вернусь поездом. Если твоей жабе вздумается прогуляться на берег Луары, ради бога, не удерживай ее. Марк.

Луи раздраженно покачал головой. Как можно вставать на рассвете, чтобы посмотреть церковь, которую уже видел вчера, он не мог этого понять. Марк совсем чокнулся со своим Средневековьем, и толку от него теперь мало. Он развернул вторую записку, куда более лаконичную. Утром звонил Жан-

Мишель Бонно и просил его заехать в магазин как можно скорее.

Луи легко отыскал магазин Трусливого Кондитера. Его жена провела Луи в душную кухню, где пахло маслом и мукой. Он вспомнил, что еще не завтракал, и Бонно, еще более румяный и нетерпеливый, чем вчера, поставил перед ним два горячих круассана.

– Вы вспомнили? – спросил Луи.

– Да. – Бонно потирал руки, отряхиваясь от муки. – Вчера глаз не мог сомкнуть, все думал о бедняжке соседке, как призрак меня преследовала. Я совсем разбит.

– Да, – сказал Луи, – я вас понимаю.

– Жена мне сказала, что это из-за полнолуния, но я-то знаю, что из-за соседки. А как же иначе, после нашего-то разговора.

– Мне жаль.

– И вдруг в два часа ночи я все вспомнил. Я знаю, почему принял его за женщину.

Луи, не отрываясь, смотрел на кондитера.

– Я вас слушаю, – подбодрил он.

– Вы, наверно, будете страшно разочарованы, но вы сами просили вам позвонить.

– Я слушаю, – повторил Луи.

– Если вы настаиваете. Когда я вошел в комнату, убийца сидел на корточках в своем толстом пальто рядом с телом Клер. Там была кровь, и я страшно перепугался. Он услы-

шал, как я вошел, вскочил, не оборачиваясь, и толкнул меня. Но за секунду до этого он что-то подобрал на ковре. И это был тюбик губной помады.

Бонно замолчал, глядя на Луи исподлобья.

– Продолжайте, – попросил Луи.

– Но это все. Губная помада и чулок на полу, ясно как день. Я бросился следом за *ней*, ни секунды не думая, что это мог быть мужчина.

– Логично.

– Но если это был мужчина, что ему делать с губной помадой?

Оба несколько секунд помолчали. Луи медленно и задумчиво жевал круассан.

– Где он подобрал помаду?

Кондитер медлил с ответом.

– Рядом с головой? Рядом с телом?

Бонно теребил очки, опустив голову.

– Рядом с головой, – наконец сказал он.

– Вы уверены?

– Думаю, да.

– С какой стороны?

– Справа от лица.

Сердце Луи учащенно забилось. Бонно снова уставился в пол, рисуя ногой узоры в муке.

– Вы действительно видели помаду, стоя на пороге комнаты? – настойчиво переспросил Луи.

– Нет, не видел, – признался Бонно, – но вещи можно узнать издалека. Это было что-то красное и серебристое. И у него в руках оно звякнуло, металлический звук, как будто два кольца друг о дружку ударились. Точь-в-точь так же, когда моя жена помаду уронит, она ее вечно роняет, как только умудряется. Я точно не видел, нет, но цвет я разглядел и стук услышал. По-моему, это была губная помада. Во всяком случае, потому я и подумал, что это женщина.

– Спасибо, – все так же задумчиво сказал Луи и протянул ему руку. – Не хочу вас дольше задерживать. Вот мой телефон в Париже, звоните, если что.

– Думаю, не понадобится, – покачал головой Бонно. – Я рассказал все, что вы хотели знать, больше ничего не знаю. А те люди на портретах, их лица мне ни о чем не говорят.

Луи не спеша вернулся к машине. Было только двенадцать часов, у него было время заехать в полицейский комиссариат повидать Пуше. Луи считал справедливым и необходимым рассказать ему все, что он узнал. Они поговорят о размножении парнокопытных и об убийстве в Невере. Возможно, именно Пуше в свое время допрашивал Бонно.

Луи забрал Марка в три с четвертью. Тот стоял на мосту и, перегнувшись через перила и свесив голову в пустоту, смотрел, как течет Луара. Луи посигналил и, не вставая, открыл дверцу. Марк вздрогнул, подбежал к машине, и Луи молча завел мотор.

Больше затем, чтобы отвлечь Марка от его мечтаний, чем для того, чтобы поделиться с ним новостями, Луи обстоятельно рассказал ему о своей встрече с Трусливым Кондитером, а потом с Пуше. Оказалось, что именно Пуше допрашивал свидетеля. Но тогда о губной помаде не было сказано ни слова. Луи купил четыре кружки пива, и они выпили за здоровье всех будущих новорожденных мулов.

– Что-что? – не понял Марк.

– Мы поспорили о тайне размножения мулов. Знаешь, такие большие крепкие ослы?

– А в чем тайна? – невинно спросил Марк. – Мул – это гибрид осла и кобылы. А если наоборот, то лошак. О чем вы спорили?

– Да так, ни о чем, – отозвался Луи.

Глава 36

Луи завез Марка домой и отправился на Университетскую улицу. В домофоне послышался голос старика Клермона.

– Кельвелер, – назвался Луи. – Поль Мерлен дома?

– Нет, и весь день не будет.

– Прекрасно. Мне нужно с вами поговорить.

– О чем? – спросил Клермон с обычным высокомерием.

– О Клер Отисье, которую убили в Невере.

В трубке молчали.

– Не знаю такую, – наконец ответил старик.

– Ее статуэтка повернута лицом к стене под часами у вас в мастерской. Вы ее сделали.

– Ах эта! Извините, я всех имен не припомню. И что дальше?

– Вы откроете? – Луи повысил голос. – Или хотите, чтобы о вашем искусстве некрофила узнали прохожие?

Клермон открыл дверь, и Луи прошел в мастерскую. Скульптор, голый по пояс, сидел на высоком табурете с дымящейся сигаретой в зубах. Вооружившись стамеской, он вырезал волосы одной из статуэток.

– Я вас не задержу, – сказал Луи, – я спешу.

– А я нет, – сказал Клермон, срезая стружку.

Луи взял пачку фотографий на верстаке, сел на высокий табурет напротив Клермона и стал быстро просматривать.

– Чувствуйте себя как дома, – съязвил Клермон.

– Как вы выбираете свои модели? По красоте?

– Без разницы. Все женщины одинаковы.

– С губной помадой или без?

– Не важно. А что?

Луи положил пачку снимков на верстак.

– Но вы в основном изображаете умерших женщин? Убитых?

– Мне все равно. Я увековечил несколько таких, я не скрываю.

– Зачем?

– Я, кажется, уже говорил. Чтобы обессмертить их и от-
дать дань их мучениям.

– Вам это доставляет удовольствие?

– Конечно.

– И скольких убитых вы... обессмертили?

– Семь или восемь. Одну женщину задушили на вокзале
в Монпелье. Две девушки из Арля. Одна женщина в Невере,
когда я там жил... Последнее время я таких не делаю. Охота
пропала.

Клермон стукнул молотком по стамеске и отсек деревян-
ную завитушку.

– Что еще вам покоя не дает? – спросил он, раздавив оку-
рок в опилках.

Луи знаком попросил закурить, и старик протянул ему
пачку.

– Я собираюсь арестовать вас за изнасилование и убийство Николь Бердо и за убийство Клер Отисье, – сказал Луи, прикуривая от спички, протянутой ему Клермоном. – Для начала вы мне расскажите о ваших сообщниках.

Клермон потушил спичку, хмыкнул и снова принялся за работу.

– Чушь, – буркнул он.

– Вовсе нет. Статуэтки обеих жертв и ваше присутствие на месте преступления вполне убедят комиссара Луазеля, особенно если я его попрошу. Он ищет убийцу с ножницами, и он уже на взводе. Ему нужен виновный.

– – А я при чем?

– Клер – первая жертва убийцы. После Николь Бердо, но Николь не входит в общую серию. Она была только прелюдией.

Легкая тень пробежала по лицу старого резчика.

– И вы собираетесь повесить все это на меня? Из-за моих статуэток? Рехнулись вы, что ли?

– Вы не совсем поняли, чего я хочу. Как вы говорите, доказательств нет, и полицейские отпустят вас через сорок восемь часов, которые, впрочем, не покажутся вам приятными. Но когда вы вернетесь сюда, ваш пасынок навсегда станет подозревать вас в изнасиловании и смерти Николь. Можете отрицать сколько угодно, осадок все равно останется. В один прекрасный день он вышвырнет вас на улицу, если вам повезет и если раньше он не разрежет вас на куски вашей же

пилой. А поскольку вы живете за его счет, то умрете в нищете. Луи встал и стал расхаживать по мастерской, заложив руки за спину.

– Даю вам время подумать, – спокойно предложил он.

– А если я не согласен? – встревоженно спросил старик, наморщив лоб.

– Тогда вы расскажете мне все, что знаете об изнасиловании Николь Бердо, а я забуду о своем намерении. Ведь наверняка вы или были там, или что-то знаете. Ваша халупа стояла всего в двадцати метрах от места происшествия.

– Моя халупа была за деревьями. Я уже сказал, что я спал.

– Выбор за вами. Только поторопитесь, я не собираюсь здесь всю ночь торчать.

Клермон сжал руками голову статуи, опустил голову и вздохнул.

– Сволочные у вас приемчики, – процедил он сквозь зубы.

– Да.

– Я не виновен ни в изнасиловании, ни в убийстве.

– А кто же, по-вашему?

– Там был Русле, студент, который потом утонул в Луаре.

И садовник.

– Боке?

– Нет, не идиот, другой.

– Тевенен? Секатор? – с дрожью в голосе спросил Луи.

– Да, Секатор. И был еще третий.

– Кто?

– Я его не узнал. Русле изнасиловал Николь, а Секатор не успел. Третий ничего не сделал.

– Откуда вам это известно?

Клермон медлил с ответом.

– Поторопитесь, – прошипел Луи.

– Я все видел в окно.

– И вы не вмешались?

Клермон ухватился за голову статуи.

– Нет, я наблюдал в бинокль.

– Великолепно. Потому ничего и не сказали полиции?

– Естественно.

– Даже когда заподозрили Воке?

– Его сразу отпустили.

Луи молча шагал по комнате, медленно обходя верстак.

– Где доказательства, что третьим были не вы?

– Это был не я! – крикнул Клермон. – Я его не знаю. Он смотрел. Наверно, знакомый Секатора, у него и спрашивайте.

– Откуда вы знаете?

– Через день я видел Секатора в бистро, у него были полны карманы денег, он сорил ими в баре. Мне стало любопытно, и я стал следить за ним. Деньги кончились через месяц, хотя он наверняка кое-что припрятал. Я всегда думал, что ему хорошо заплатили за изнасилование, очень хорошо, и Русле тоже. А заплатил тот, который держал Николь и смотрел.

– Замечательно, – повторил Луи.

Наступила гнетущая тишина. Луи вертел в руках кусочек дерева, пальцы его слегка дрожали. Клермон смотрел себе под ноги. Когда Луи направился к двери, старый скульптор бросил на него тревожный взгляд.

– Не беспокойтесь, – не оборачиваясь, произнес Луи. – Поль не узнает, как вы позаботились о его подруге. Если только вы не солгали.

Стиснув зубы и сжав руль руками, Луи быстро ехал по улице Рен. Он не уступил дорогу автобусу и свернул к кладбищу Монпарнас. Когда он припарковался на улице Фруадро, на ветровое стекло начали падать первые тяжелые капли дождя. Тогда он вспомнил, что уже восемь часов и ворота закрыты. Без Марка он не мог влезть на стену. Луи вздохнул. Марк нужен, чтобы лазить по заборам, чтобы рисовать, чтобы бегать. Но Марк ускользнул в другие века, и Луи не надеялся выманить его сегодня из дому.

На авеню Мэн машина начала глохнуть, и Луи посмотрел на приборы. Бензин закончился. Он уехал не дальше башни Монпарнас. Съездил в Не-вер и обратно, забыв наполнить бак. Он стукнул кулаком по приборной доске, вышел, ругаясь, и потихоньку стал толкать машину вдоль тротуара. Потом достал сумку и захлопнул дверцу. Дождь уже лил потоком ему на плечи. Луи дошел до площади так быстро, как мог, и нырнул в метро. Он уже около полугода не был в мет-

ро, и ему пришлось смотреть схему, чтобы понять, как добраться до Гнилой лачуги.

На платформе он снял пиджак, стараясь не трясти карман, где похрапывал Бюфо, который, несмотря на все надежды Марка, не кинулся очертя голову к берегам Луары. Честно говоря, Бюфо вообще никуда и никогда не бросался очертя голову. Он был уравновешенной амфибией.

Луи вошел в вагон, стряхивая воду, и тяжело опустился на откидное сиденье. Грохот поезда заглушил звучавшие в голове жуткие слова старого Клермона, и минут десять все шло хорошо. Ему пришлось сдерживать себя, чтобы не опрокинуть того в кучу стружки. И хорошо, что ворота кладбища оказались закрыты. Сегодня Секатору вряд ли помог бы его сыновний оберег. Луи тяжело вздохнул, взглянул на пассажирку с мокрыми волосами. Потом на рекламный плакат и арабскую поэму IX века, висевшую в конце вагона. Он добросовестно прочел ее от начала до конца и попытался вникнуть в ее темный смысл. В ней говорилось о надежде и разочаровании, что вполне отвечало его настроению. Внезапно он весь напрягся. Откуда взялась арабская поэма в вагоне метро?

Луи пригляделся. Она была аккуратно наклеена на металлическую раму рядом с рекламным объявлением. Там были две строчки из поэмы, ниже стояла фамилия автора и даты его жизни. Еще ниже – буквы РАТП и девиз «Многоцветие рифмы». Ошеломленный Луи перешел из одного ваго-

на в другой. Там висели стихи Превера. Он сменил пять вагонов и насчитал пять разных стихотворений. Дождавшись следующего поезда, он проверил еще пять вагонов. Обнаружились десять новых стихотворений. Он сделал пересадку и проверил вагоны двух поездов подряд. Когда он вышел на Итальянской площади, он насчитал двадцать стихотворений. Арабская поэма повторялась четыре раза, а Превек – три. Оглушенный, он сел на скамью на платформе, оперся локтями в колени и спрятал лицо в ладонях. Господи, почему он не видел этого раньше? Но он никогда не ездит в метро. Боже мой. В вагонах развешаны стихи, а он этого не знал. Когда начали это делать? Полгода назад? Год? Луи вспомнил упрямое разгоряченное лицо Люсьена. Люсьен был прав. Это все не литературный бред, а вполне вероятная пугающая правда. Все предстало теперь в ином свете. Не убийца нашел поэму, она сама встала на пути безумца, который прочел ее, сидя в вагоне метро, и решил, что она написана специально для него, он прочел ее много раз и увидел в ней знамение, сигнал. Убийца не обязательно было быть знатоком поэзии. Достаточно спуститься в метро, сесть и смотреть. И эти стихи свалились на него, как будто сама судьба посылала ему весточку.

Луи поднялся по лестнице и постучал в окошко кассы.

– Полиция, – сказал он кассиру, показав старое удостоверение. – Мне срочно нужно видеть дежурного по станции, все равно кого.

Юноша смущенно оглядел мокрую одежду Луи, но трехцветная полоса на визитке произвела впечатление. Он открыл стеклянную дверь и впустил Луи внутрь.

– Внизу беспорядки? – спросил он.

– Нет. Вы знаете, когда начали клеить стихи в метро? Это очень важно.

– Стихи?

– Да, в вагонах. «Многоцветие рифмы».

– Ах это...

Юноша наморщил лоб:

– Думаю, уже год или два. Но в чем...

– Речь идет об убийстве. Мне срочно нужно узнать, была ли там одна поэма. Я хочу знать, была ли она вывешена, и если да, то когда. Расклейщики должны знать. У вас есть их телефон?

– Вот здесь. – Юноша открыл металлический шкафчик и вынул ветхую папку.

Луи уселся перед закрытым окошком и стал листать.

– Но сейчас уже никого нет, – робко вмешался юноша.

– Я знаю, – нетерпеливо отмахнулся Луи.

– Если это так срочно...

Луи повернулся к нему:

– Вы можете мне помочь?

– В общем... ну... я могу позвонить Ивану. Это расклейщик афиш. Он их наизусть знает. Может быть, хотя...

– Хорошо, – сказал Луи, – звоните Ивану.

Юноша набрал номер:

– Иван? Это Ги, возьми эту чертову трубку, у меня срочное дело, я звоню со станции!

Ги виновато глянул на Луи, но тут на том конце взяли трубку.

– Иван, у нас тут срочное дело. Насчет одной афиши.

Луи взял трубку.

– Какие именно стихи? – спросил Иван. – Я наверняка помню.

– Вам прочесть?

– Да, так будет лучше.

Теперь Луи смущенно посмотрел на кассира. Он сосредоточился, вспоминая четверостишие, которое накануне читал Луазелю.

– Сейчас, – сказал он в трубку, – вы слушаете? – Да.

Луи набрал воздуха в грудь.

– *Во мраке, вдов и безутешен, я бреду, князь Аквитании, чьей Башни больше нет...* Вот. Автор некий Жерар де Нерваль, а называется она «El Desdichado». Дальше я не знаю.

– Можете повторить?

Луи повторил.

– Да, – сказал Иван, – такие стихи были, я точно помню.

– Прекрасно, – сказал Луи, сжимая трубку. – Вы не помните, когда именно они были вывешены?

– Кажется, перед самым Рождеством, я тогда еще подумал, что для Рождества они мрачноваты.

– Это точно.

– Но потом они висели много недель. Надо узнать в офисе.

Луи горячо поблагодарил расклейщика афиш. Потом тщетно попытался дозвониться Луазелю.

– Нет, ничего передавать не нужно, я перезвоню, – сказал он дежурному.

Он пожал руку юному Ги и через десять минут уже стучался в дверь Гнилой лачуги. Двери были на засове, никто ему не ответил. Он поставил сумку у дверей и обошел дом вокруг. С другой стороны в большой сад выходили три высоких окна. Марк называл сад «корчевьем», в отличие от «пустоши», потому что травы в нем было мало, а Матиас посадил там три куста картошки. Луи постучал в закрытые ставни и выкрикнул свое имя, чтобы не напугать сторожей Клемана.

– Открываю, – отозвался Вандузлер-старший.

Он встретил Луи в бутылкой вина в руке.

– Здорово, Немец. Мы втроем играем в «четыреста двадцать один».

– Втроем с кем?

– Я, Марта и ее парень.

Луи вошел и увидел Клемана верхом на деревянной скамье, рядом сидела Марта. На столе стояли стаканы и лежали листы бумаги, на которых записывали очки.

– А где остальные? – спросил Луи.

– Евангелисты? Ушли прогуляться.

– Что, все вместе?

– Ничего не знаю, меня это не касается. Играть будешь?

– Нет, выпью кофе, если остался.

– Угощайся, – предложил крестный, снова усаживаясь за игру. – Там в кофейнике, возьми сам.

– Вандуз, – сказал Луи, наливая себе кофе, – вполне вероятно, что Секатор был вторым насильником.

– Чик, – прошептал Клеман.

– И возможно, ему и Русле за это заплатили. Третий соучастник, скорее всего, был заказчиком, он нам пока неизвестен. Он самый опасный. Возможно, это знакомый Секатора.

Вандузлер повернулся к Луи.

– А хуже всего то, что я сделал глупость, – сказал Луи. – Люсьен был прав.

– Вот как, – спокойно отозвался крестный.

– Но я не мог знать, что «El Desdichado» был вывешен в метро и RER в декабре.

– А это важно?

– Это все меняет. Убийца не искал стихи, он *наткнулся* на них.

– Ясно... – сказал Вандузлер, бросая кости на доску.

– Шестьсот шестьдесят пять, ни больше ни меньше, – сказала Марта.

– Шесть шесть пять, – пропел Клеман.

Луи взглянул на Мартину куклу. Было видно, что ему хорошо в этом доме. Луи его понимал. Кофе здесь был вкуснее,

чем в любом другом месте, даже если он был холодный, как теперь. Этот кофе прекрасно успокаивал. Наверное, дело в воде, а может, в самом доме.

– Я пробовал связаться с Луазелем, – сказал он, – но его нет в комиссариате. Нигде нет.

– А зачем он тебе?

– Хочу убедить его установить слежку за улицами. Черт возьми, до завтрашнего вечера ничего сделать не удастся.

– Если тебя это утешит, евангелисты следят за улицами со вчерашнего дня. Сегодня вечером они все трое там. Святой Лука ест цыпленка по-баскски на улице Луны, Святой Марк и Святой Матфей жуют бутерброды на улице Солнца и Золотого Солнца.

Луи молча уставился на старого сыщика, который с улыбкой бросал кости, и на Марту, которая курила сигарку, мельком поглядывая на него. Он несколько раз взъерошил свои черные волосы, все еще мокрые от дождя.

– Три, три, – тихонько напел Клеман.

– Да это бунт на корабле! – заявил Луи, глотнув холодного кофе.

– Люсьен так и сказал, что ему это напоминает тысяча девятьсот семнадцатый год. Они будут ждать Секатора или старого скульптора. Но если, как ты говоришь, это кто-то третий, у них никаких шансов. Полиции придется навестить всех одиноких женщин на этих улицах, чтобы предупредить их. А потом устроить засаду.

– Почему мне ничего не сказали?

Вандузлер пожал плечами:

– Ты был против.

Луи кивнул и налил себе вторую чашку.

– У вас хлеба не найдется? – спросил он. – А то я не ужинал.

– Сегодня вторник, я приготовил мою фирменную запеканку. Тебе разогреть?

Через четверть часа, довольный и расслабленный, Луи накладывал себе обильную порцию. Ему было спокойнее от того, что эти бунтари следили за улицами. Но старик Вандузлер был прав. Если это кто-то третий, они его не узнают. Если только убийца не покажется на глаза несколько раз подряд. Улочки очень маленькие, а одна совсем крохотная. Можно вполне разглядеть местных и пришлых. Но очень важно было привлечь к делу Луазеля.

– У них есть оружие?

– Вчера они ходили с пустыми руками, а сегодня я им посоветовал немного экипироваться.

– Дал свой пистолет?

– Боже упаси, еще ногу себе прострелят. Люсьен взял шпагу-трость своего прадедушки...

– На него все глазеть будут.

– Он так захотел, ты же его знаешь. У Матиаса складной нож, а Марк вооружаться не захотел. Он терпеть не может ножи.

– Ну что ж, молодцы, – вздохнул Луи, – в случае чего...

– Они не такие уж слабаки, как тебе кажется. Люсьен пылкий, Матиас добрый, а Марк чувствительный. А этого не так мало, поверь опыту старого полицейского.

– Когда они вернутся?

– В два часа.

– Я подожду, ты не против?

– Наоборот. Посторожишь за меня. И подкинь дровишек в огонь, Немец, а то насмерть простудишься в мокрой одежде.

Глава 37

Поздним утром в среду Луи вошел в ворота кладбища Монпарнас. Прошедший накануне дождь освежил воздух, в аллеях пахло мокрой землей и липовым цветом. Прошлой ночью Луи ждал возвращения евангелистов до половины третьего. В одиннадцать Вандузлер пошел провожать Марту. Клеман загрустил, когда она стала собираться, и положил голову ей на плечо, а она погладила его по волосам.

– Прими душ перед сном, – ласково сказала она. – Принимать душ очень важно.

Луи подумал, что Марта, как и мать Секатора, любила выдумывать обереги, помогающие жить, только у Марты они состояли из правил поведения. Он остался один, сидя на скамье у огня, глядел на пламя в очаге и не переставая думал об убийце с ножницами. Его странным образом преследовали три видения: увеличенная в сорок раз муха убийцы, баскский цыпленок Люсьена и нога Трусливого Кондитера, рисующая узоры в муке на полу. Было ясно, что он устал. А потом в комнату шумно ввалился Люсьен со своей шпагой-тростью и доложил, что никто из троих сторожей не заметил на улице ничего подозрительного.

Луи не спеша пересек кладбище с бутылкой сансера в руке. Секатора не было видно. Сарай был пуст. Тогда он обошел другую половину кладбища со стороны улицы Эмиль-

Ришар, но тоже ничего не нашел. Немного обеспокоенный, он вернулся к воротам и спросил у охранника.

– Первый раз его спрашивают, – недовольно проворчал тот. – Он сегодня не приходил. А вам зачем? Если жажду ему утолить, – он указал на бутылку, – то это подождет. Небось отсыпается после попойки.

– И часто он так?

– Нет, никогда, – заверил охранник. – Наверное, заболел. Извините, мне пора делать обход. Тут всякое отребье шляется.

Луи шел по улице, ощущая глухую тревогу. Если Секатор сбежал, можно ждать чего угодно. Нужно срочно предупредить Луазеля. Луи сел в автобус до Монружа, а потом долго плутал по улицам, пока не нашел убежище Секатора. Небольшой домишко с облупившейся штукатуркой стоял между заброшенным пустырем и кафе с мутными стеклами. Соседка показала ему комнату Тевенена.

– Но его сейчас нет, – добавила она, – по-моему, у него на службе есть где переночевать. Ловко некоторые устраиваются.

Луи прижал ухо к двери и постучал. Из квартиры не доносилось ни звука. Он постучал еще.

– Если я говорю, что его нет, значит, его нет, – обиженно сказала соседка.

Прижимая к груди бутылку сансера, пересаживаясь из одного автобуса в другой, Луи доехал до комиссариата Луа-

зеля. Он хотел убедить его последить за улицами, не называя имен Клермона и Секатора, никому не повредив. Теперь невозможно было не упомянуть о двух убийствах в Невере. Луазель рано или поздно узнает об изнасиловании в парке, если уже не узнал. Нужно отвлечь его от Клемана, настоять на поэме и Черном Солнце. Выбрать наилучший угол атаки будет нелегко, Луазель не дурак.

– Есть что-нибудь новое по следам на ковре? – спросил Луи, усаживаясь напротив коллеги.

Луазель протянул ему сигарету-соломинку.

– Ни-че-го. Это определенно следы пальцев, но и только. Ничего особенного на ковре не обнаружили.

– А следов помады не было?

Луазель нахмурился, выпуская дым.

– Ты, часом, не играешь в рыцаря-одиночку, Немец?

– С какой стати? Я в отставке, если ты помнишь.

– А при чем тут помада?

– Честно говоря, сам не знаю. Думаю, убийца истребил уже кучу народа, прежде чем занялся этим в Париже. Сначала была некая Николь Вер-до, которую он убил сразу после изнасилования, и Эрве Русле, его сообщник, который мог проговориться. Похоже, потом он вошел во вкус и задушил и меньше чем через год изрезал вторую женщину, Клер Отисье. Ты найдешь их имена в архиве. Дело закрыли, убийцу не нашли.

– В каком архиве? – спросил Луазель, хватаясь за ручку.

– Как думаешь, где это произошло?

– В Невере?

– Точно. Девять и восемь лет назад.

– Клеман Воке, – выдохнул Луазель.

– Он не единственный обитатель Невера. Он был при изнасиловании, все равно ты об этом узнаешь, и я предпочитаю, чтобы ты узнал это от меня. Он просто был свидетелем и защитил женщину. Он не насильник и не убийца.

– Не дури, Немец. Ты что, защищаешь этого типа?

– Вовсе нет. Но уж больно легко мы на него вышли.

– До нового приказа мне некого больше ловить. Откуда ты все узнал?

– Дело Клер Отисье всплыло в моем архиве. Тот же почерк, как говорится.

– А остальное? Изнасилование?

Луи предвидел этот вопрос. Луазель говорил резко и был напряжен.

– Вычитал в местной газете, когда рылся в архиве.

Луазель стиснул зубы.

– Зачем? Что ты искал?

– Хотел понять, кто мог ненавидеть Воке.

Луазель помолчал.

– А помада? – спросил он.

– По делу об убийстве Клер Отисье проходил свидетель. Я вчера был в Невере и разговаривал с ним.

– Зачем же так утруждать ради нас! – вспыхнул комис-

сар. – Полагаю, моя линия была занята и ты не смог дозвониться?

Луи медленно встал, опираясь ладонями о стол.

– Мне не нравится твой тон, Луазель. Я не собираюсь ни перед кем отчитываться. Сейчас я твердо уверен кое в чем и пришел поделиться с тобой. Если тебя это не устраивает, если тебе не интересно, я уйду, разбирайся сам.

«Хочешь мира, готовься к войне», – подумал Луи, хотя эта поговорка ему никогда не нравилась.

– Выкладывай, – бросил Луазель после короткой паузы.

– Этот свидетель, Бонно, видел, как убийца что-то подобрал с пола у головы жертвы. По его словам, хотя он точно не разглядел, это был тюбик губной помады. Он подумал, что убийца – женщина.

– Что еще?

Луи снова сел. Луазель успокоился.

– Стихи, которые я тебе показывал в прошлый раз. Дело принимает серьезный оборот. Эти стихи целых два месяца висели в метро перед самым Рождеством. Я бы хотел, чтобы ты проследил за улицами Луны, Солнца и Золотого Солнца. И надо предупредить всех одиноких женщин. Улицы небольшие.

– Куда ты клонишь с этим метро?

– Предположим, убийца псих, параноик и маньяк...

– Это и так ясно, – пожал плечами Луазель. – И что? Не думаешь же ты, что он выбрал поэму как путеводную нить?

– Нет, она сама его выбрала. Допустим, он хочет истребить всех женщин на свете, но предположим также, что он не так глуп, чтобы рисковать собой и ввязываться в бесконечную бойню. Предположим, что он труслив и расчётлив и решает избрать несколько женщин в качестве образца. Но у этого образца должен быть смысл, он должен подходить к любым женщинам. Часть символизирует целое.

– С чего ты взял?

– Да ни с чего. Это моя теория.

– Ага... здорово. И что ты еще придумал?

– Я искал смысл, который мог стать ключом к разгадке.

– И нашел стихи? – хмыкнул Луазель.

– Именно стихи, которые он четыре раза видел в метро, как будто их послала ему Судьба или что-то другое, что тоже можно принять за веление свыше: картинка на сахарной обертке или школьная тетрадь в сточной канаве, визит Свидетелей Иеговы или гадалка у супермаркета. Число ступеней на лестнице, которые пересчитываешь три раза в день, слова из песни, которую слышал вечером в баре, или статья в газете...

– Ты издеваешься?

– А тебе никогда не приходилось размешивать сахар в кофе ровно пять раз или обходить трещины в асфальте?

– Никогда.

– Тем хуже для тебя, старик. Но знай, что именно так все и бывает и даже в сто раз хуже, если у тебя жирная муха под

шляпой.

– Не понял...

– Пунктик, бзик. А муха убийцы опасна, она питается знаками Судьбы, которыми усеяна наша жизнь. Он увидел стихи, сидя в метро. *«Во мраке, вдов и безутешен, я бреду...»* Впечатляющее начало, правда? Вечером по дороге домой он снова их видит. В битком набитом вагоне натывается на те же стихи... *«Князь Аквитании, чьей Башни больше нет...»* А может, он видел их на следующий день и еще через день... *«Дыхание святой и крики феи...»* Для насильника звучит как указание к действию, не находишь? Загадочные, зашифрованные стихи. Каждый может истолковать эти слова так, как подсказывает ему больное воображение... Он ищет смысл, идет по следу и находит. И в конце концов он принимает эти стихи, выпитывает их и делает из них основу своей жажды крови. Вот как бывает с некоторыми мухами.

Луазель играл карандашом, на его лице было сомнение.

– Ты должен установить слежку за этими улицами, – настойчиво повторил Луи. – Нужно пройти по домам, Луазель, господи, да проснись же ты!

– Нет, – решительно ответил инспектор, прижимая ластик ко лбу. – Мое мнение тебе известно.

– Луазель! – Луи стукнул кулаком по столу.

– Нет, Немец, это не проходит.

– Значит, тебе плевать? Оставишь все как есть?

– Извини, старик. Но за убийства в Невере спасибо.

– Не за что, – буркнул Луи, направляясь к двери.

Луи был зол и встревожен и по дороге с досады грыз ногти на левой руке, потому что это была рука сомнений и смуты. Он зашел перекусить в кафе. Слепой дурак этот Луазель. Что они могут сделать четвером? Если бы он мог найти Секатора... Он бы вливал в него сансер литрами, пока тот не выдал бы ему имя третьего соучастника. Но Тевенен улизнул, и нить оборвалась.

Он вернулся в Гнилую лачугу в три часа, чтобы рассказать о своей неудаче с Луазелем и исчезновении садовника. Марк стоял у гладильной доски, его накопилось много белья. Люсьен был в школе, охотник-собиратель клеил булыжники с Клепаном, которому это занятие пришлось по вкусу, а старый Вандузлер полол пустошь. Луи подошел к нему и присел на пенек акации. Почерневшее дерево было теплым.

– Я беспокоюсь, – сказал Луи.

– Есть отчего, – ответил крестный.

– Сегодня среда.

– Да, теперь уже скоро.

В семь вечера четверо мужчин вышли из дома, что-бы занять свое место на посту. Луи отправился с Люсьеном, чтобы с двух сторон охранять улицу Луны.

Время тянулось долго и скучно. Сколько ночей ни еще выдержат, подумал Луи. И решил, что через неделю слезку

придется прекратить. Нельзя торчать тут всю жизнь с цыпленком по-баскски под мышкой. Завсегда и начали поглядывать на них с любопытством, не понимая, что делают тут эти типы, стоя неподвижно на одном месте уже несколько вечеров подряд. Около трех часов Луи добрался до постели. Выгнал Бюфо и забылся тяжелым сном.

На следующий день он снова безуспешно пытался убедить Луазеля и снова наведалься на кладбище и в Монруж, но Секатор не объявлялся. Остаток дня он вяло стучал по клавишам, печатая перевод о жизни Бисмарка, а вечером отправился в лачугу. Трое историков собирались уходить. Люсьен тщательно заворачивал судок с паровой говядиной в луковой подливе.

– Смешной ты, Люсьен, – заметил Марк.

– Солдат, – отвечал Люсьен, не отрываясь от дела, – если бы войска кормили паровой говядиной с луком, лицо войны стало бы иным.

– Ага. Похожим на твое личико, вот бы немцы развеселились.

Люсьен презрительно пожал плечами и развернул лист фольги втрое больше, чем нужно. Старик Вандузлер и Клеман уже начали партию в карты в ожидании прихода Марты.

– Сейчас мой личный ход, – говорил Клеман.

– Давай ходи, – кивнул Вандузлер.

В четверг вечером Луи отправился в караул вместе с Марком на улицу Золотого Солнца. Он чувствовал себя спокой-

нее, обходя разные улицы, и старался не думать о том, что вся эта слежка не только бесполезна, но и смешна.

На следующий день Луи как заведенный прочесал кладбище Монпарнас под подозрительным взглядом охранника. Высокий черноволосый мужик, который являлся сюда каждый день, не внушал ему доверия. Мало ли придурков шляется.

Потом он снова побывал в Монруже, и соседка глядела на него не менее подозрительно, а потом вернулся к Бисмарку. На этот раз он взялся за перевод с большей охотой, чем накануне, и это показалось ему дурным знаком. Похоже, он отчаялся поймать убийцу с ножницами. А если так, что станет с Мартиным питомцем? Этот страшный вопрос все больше омрачал его мысли. Старый сыщик и евангелисты уже десять дней вели жизнь затворников за закрытыми ставнями, не принимали гостей, запирали дверь на задвижку, а Клеман уже десять дней не видел солнечного света. Луи не представлял, как долго это могло тянуться. А запереть Клемана у Марты было не лучше. Парень совсем спятит, сидя на красном одеяле, или сбежит. И тогда его поймают полиция.

Круг замкнулся.

По сути дела, Клеман получил только временную отсрочку. Вырваться из западни ему не удастся. Если, конечно, Клеман Воке действительно был тем, за кого себя выдавал.

Круг снова замкнулся.

Через день, в пятницу, после кладбища, Монружа и Бисмарка Луи появился в лачуге. Было еще рано. Марк не вернулся с уборки, а Люсьен из школы. Луи сел за большой стол и стал смотреть на Клемана, который играл с Мартой. За десять дней затворничества воздух пропитался запахом сигар и алкоголя, и темная комната была похожа на притон. Притон, куда приходят не для того, чтобы развлечься игрой, а чтобы убить время. Марта старалась разнообразить развлечения и предлагала разные игры. В этот вечер она принесла кости, которые Клеман забыл у нее. И в самом деле, молодой человек играл с большой сноровкой, подкидывал кости вверх и ловил их одну за другой, как жонглер.

Луи некоторое время наблюдал за игрой потому, что это было красиво, и потому, что он не знал правил. Клеман бросал кости, собирал их рукой, снова бросал, собирал, по одной, по две, по три, серебристые внутри, красные снаружи, а Марта считала очки.

Клеман играл быстро и ловко, он почти смеялся. Он упустил четыре и четыре, и кости упали на пол. Он нагнулся и поднял их. Луи вздрогнул. Кости сверкнули металлическим блеском, красным и серебристым, и стукнулись друг о дружку в руке. Луи застыл, наблюдая за рукой Клемана, а тот снова принялся за игру. Его пальцы ловили и бросали, оставляя на полированном столе жирные следы.

– Череп, – объявил Клеман, показывая кости в руке. –

Марта, у меня получится шар удачи? У меня самолично получится?

Клеман кривил губы.

– Давай, давай, – подбадривала его Марта, – постарайся, сынок.

– Что такое шар удачи? – с тревогой спросил Луи.

В эту минуту вошел Марк, а из погребца появилась голова пунктуального Матиаса. Луи жестом попросил их помолчать.

– Шар удачи, – начал Клеман, – это...

Он запнулся и прижал пальцем нос.

– Это то, что человека всегда спасает, – сказал он, – буква «а», корабль перестает тонуть, буква «b», корова дает молоко, и буква «с», огонь гаснет.

– Везет, значит, – пояснила Марта.

– Он отводит беду, – серьезно кивнул Клеман, – и за него дают сто очков.

– А если у тебя не получится? – спросила Марта.

Клеман жестом изобразил отсечение головы.

– Тогда ты все теряешь и умираешь, – объяснил он.

– А как его выбрасывают? – спросил Луи.

– Каким образом, – сказал Клеман.

Он поставил красную кость на середину стола, потряс четыре серебристых в руке и кинул на стол.

– Не вышло. Я имею право кидать пять раз. Каждая должна лечь так... так, чтобы...

Клеман нахмурился.

– Кости должны лечь так, чтобы каждая показывала разное число очков? – предположил Марк.

Клеман улыбнулся и кивнул.

– Это старое правило, – сказал Марк. – Римляне изображали на бортах корабля все четыре кости перед спуском на воду. Чтобы защитить его от кораблекрушения.

Клеман, не слушая, кинул кости.

– Мимо, – сказала Марта.

Луи тихонько встал, взял Марка за локоть и вывел из столовой. Они поднялись на несколько ступенек по темной лестнице и остановились.

– Марк, боже мой, это кости! Ты видел?

Марк озадаченно уставился на него в темноте:

– Шар удачи? Это старо как мир.

– Марк, черт побери, это была не помада! Это были игральные кости. Серебристый и бордовый, металлический стук... Убийца играл в кости! Следы пальцев, Марк! Следы на полу! Он играл! Играл!

– Что-то я тебя не пойму, – прошептал Марк.

– Та вещь, которую описал наш трус кондитер, это были игральные кости, их подобрал убийца!

– Это я понял. Но с чего ты решил, что убийца играл на ковре в кости?

– Все из-за мухи, Марк, все из-за мухи! Бабки, кости, большой выигрыш, это излюбленные игры психов. Он играл,

чтобы получить знак свыше, чтобы сделать убийство священным, чтобы обвести богов вокруг пальца, чтобы это принесло ему удачу.

– Шар удачи, – пробормотал Марк, – «который всегда спасает человека»... Значит... Ты думаешь, это Клеман?

– Я не знаю, Марк. Ты видел, как ловко он играет? Этот парень играет уже много лет. Совершенствует свое мастерство, как сказал бы Вандос.

Из столовой раздался радостный крик.

– Слышишь? – сказал Луи. – У него получилось. Ничего не говори, не показывай вида, не волнуй его.

Люсьен с грохотом открыл дверь.

– Тихо, – предупредил его Марк.

– Что это вы в темноте стоите? – спросил Люсьен.

Марк отвел его в сторону, а Луи вернулся в столовую.

– Идем, – позвал он Матиаса.

Клеман с улыбкой протягивал кости Марте, на лбу у него выступила испарина.

Глава 38

Жюли Лакез возвращалась к себе, в дом номер пять по улице Кометы в Седьмом округе Парижа.

Тяжело отдуваясь, бросила на кухне три сумки с продуктами, разулась и упала на диванчик, утомленная восьмичасовой работой за компьютером. Она долго сидела не шевелясь, соображая, как бы отвертеться от корпоративного ужина в пятницу. Потом закрыла глаза. Завтра суббота, можно побездельничать. В воскресенье утром тоже. А после обеда сводить Робина в кукольный театр. *«Марионетки забавляют детей и умников».*

В восемь часов она поставила ужин в духовку, потом долго болтала по телефону с матерью. В половине девятого поставила телефон на автоответчик и открыла окно, выходящее в маленький дворик на первом этаже, чтобы выветрить запах подгоревшей еды. Без четверти девять она сидела с тарелкой в кресле у телевизора спиной к окну и смотрела фильм, повторяли «Пятьдесят пять дней в Пекине». Жюли старалась соскрести подгорелую корку. Дул свежий ветерок, на свет летели насекомые, бестолково путаясь у нее в волосах.

Глава 39

Марк, Люсьен и Матиас расстались в метро, и каждый пошел своей дорогой. В этот вечер Луи сторожил в компании с Матиасом на улице Солнца. Накануне они засомневались в правильности выбранных улиц, перечитали стихи, посмотрели карту Парижа и утвердились в своем решении. Люсьен по-прежнему склонялся к улице Луны, исходя из того, что луну можно назвать ночным светилом, то есть Черным Солнцем, потому что она освещает ночь. Луи был с ним согласен, но Марк сомневался. Луна, замечал он, светит отраженным светом, это мертвая планета, а значит, противоположная солнцу. Люсьен не слушал никаких возражений. Луна светит – и точка. И лучшей кандидатуры на роль Черного Солнца не найти.

Всю дорогу в метро Марк читал стихи, вывешенные в глубине вагона, маленькую зарисовку о снопах пшеницы, и не нашел в них ни малейшего намека на собственную судьбу. Ему неприятно было вспоминать то, что Луи сказал о металлических игральным костях. Скорее всего, Немец был прав, и Марка это огорчало. Потому что тогда все оборачивалось против Клемана. Его страсть к игре, редкая привычка играть в кости, пять кубиков, которые он таскал в рюкзаке, то, как ловко он с ними управлялся, его легковверный ум и суеверие, не считая прочих железных улик, о которых они вот уже де-

сять дней старались не вспоминать.

Марк сделал пересадку. Он привязался к этому дураку, и ему было его жаль. Но кто мог подтвердить, что он и правда был дураком? И что, в конце концов, значит – быть дураком? На свой лад Клеман был не лишен утонченности. И многого другого. Он был музыкантом. Он был способным и внимательным. Меньше чем за два дня он освоил премудрость склеивания кусков кремния, а это уже кое-что. Но он никогда не слышал этих стихов, как уверял Люсьен. А что, если Клеман был настолько ловок, что сумел перехитрить Люсьена?

Марк вошел в вагон и остался стоять, держась за поручень, за который за день цеплялись три тысячи пассажиров, чтобы не упасть и не расквасить нос. Интересно, подумал Марк, почему в вагонах больше нет *двойных* стояков? Но это было бы слишком.

Два стояка.

Два игрока в кости.

Клеман и кто-то еще. Почему бы и нет? В конце концов, Клеман не один на белом свете. Может быть, в Париже живут тысячи игроков в кости.

Нет, конечно, не тысячи. Это старая игра, она давно вышла из моды. Но Марку нужны были не тысячи игроков, а всего двое, Клеман и еще один. Марк нахмурился. Секатор? Мог ли Секатор играть в кости? В сумке у него не было костей, в хижине тоже, но разве это что-то доказывает? А ста-

рый мерзавец Клермон?

Марк покачал головой. С чего бы им играть в кости? Нет, это не они.

Хотя почему нет? Все они, черт бы их побрал, жили в Невере, когда существовал институт... Игре можно научиться, игра распространяется, люди сходятся за игрой... Почему бы двум садовникам и Клермону не покидать кости как-нибудь вечерком дома у одного из них? Клеман мог просто научить их. И он...

И он...

Марк замер, сжав рукой поручень. Из метро он вышел суровый и неверной походкой дошел до улицы Золотого Солнца.

А Клеман...

Марк занял свой пост на углу у фонаря. Больше часа он наблюдал за прохожими на улице, то обходя фонарный столб, то прислоняясь к нему спиной, потом снова принимался кружить в радиусе пяти метров. Мысли в голове напряженно сжались, и он пытался разглядить их, как юбки мадам Туссен.

Потому что, в конце концов, Клеман...

В девять Марк оставил пост у фонаря, круто повернул и кинулся бежать по авеню Вожирар, выискивая глазами такси. Увидев свободную машину, он кинулся к ней, вскинув руку. И на этот раз рука сработала. Такси остановилось.

Глава 40

Через четверть часа Марк выскочил из такси. Было еще светло, и он с тревогой озирался в поисках укрытия. Рядом был только запертый газетный киоск, ничего другого не остается. Он прислонился к стенке, тяжело дыша, и стал ждать. Если придется караулить каждый вечер, придется подыскать более надежное укрытие. Машина Луи подойдет. Ему очень хотелось позвонить Луи, но Немец был в Бельвиле, на улице Солнца, с ним никак не связаться. Позвонить в «Красного осла» и предупредить крестного? А если Клеман за это время сбежит? Да и как выйти из укрытия хоть на минуту? Поблизости ни одной телефонной будки. Да у него и карточки нет. Отвратительная войсковая подготовка, сказал бы Люсьен. Пушечное мясо, предстоит кровавая бойня.

Марк вздрогнул и стал откусывать кожу возле ногтей.

Через сорок пять минут из дома вышел человек, и Марк сразу перестал паниковать. Надо тихонько идти за ним. Главное, не упустить из виду, не потерять. Может, он просто идет в бистро на углу, но упустить его нельзя ни в коем случае. Не дать себя обнаружить, наблюдать издали, Марк шел следом, пропуская прохожих, опустив голову, но поднимая глаза. Человек миновал пивную, потом вход в метро. Он шел не спеша, но в нем чувствовалась напряженность, он сутулился. На нем были рабочие брюки, а в руках старый кожаный

рюкзак. Не останавливаясь, человек прошел мимо стоянки такси. Видно, он решил идти пешком. Значит, идти недалеко. И направлялся он не на улицу Луны, не на улицу Солнца и не на улицу Золотого Солнца. Он идет в другое место. Человек не шел куда глаза глядят, он уверенно шагал по намеченному пути. Один раз он все-таки остановился, чтобы быстро свериться с планом, а потом продолжил путь. Куда бы он ни шел, похоже, он направлялся туда впервые. Марк сжал кулаки в карманах. Уже почти десять минут они шли друг за другом, и этот уверенный шаг не походил на простую прогулку.

Марк уже начал жалеть, что не захватил ничего тяжелого. В глубине кармана у него был только ластик, который он крутил в пальцах. Он ему явно не поможет, если должно произойти то, чего он боялся, и если придется вмешаться. Он стал осматривать тротуар в надежде найти хотя бы камень. Пустая надежда. Булыжник на парижских мостовых большая редкость, тут не встретишь и простой камешек. Марк любил пинать их по тротуару. Свернув на улицу Сен-Доминик, в пятнадцати метрах он обнаружил контейнер со строительным мусором. Белыми буквами на зеленом фоне виднелась неумолимая надпись «трогать запрещается». Обычно сверху всегда копались трое-четверо парней в поисках старых книг, которые можно продать, медной проволоки, матрасов, одежды. В этот вечер охотников не нашлось. Марк взглянул на человека, который шел впереди, одним махом вскарабкался

на кучу мусора, быстро отодвинул куски гипса, ножки стула и рулоны ковров и увидел целые залежи водопроводных труб. Он схватил короткую и увесистую свинцовую трубу и спрыгнул на землю. Человека уже было почти не видно. Он шел по эспланаде Инвалидов. Марк пробежал метров тридцать и перешел на шаг.

Они шли еще пять минут, потом человек замедлил ход, опустил голову и свернул влево. Марк не знал этот квартал. Он посмотрел на название улицы и ахнул. Человек только что ступил на маленькую улицу Кометы. Боже мой, комета... Как они могли пропустить ее на карте Парижа? Прошляпили. Они не просмотрели все четыре тысячи названий улиц столицы. Покудахтали и ограничились луной, солнцем и звездой. Дилетанты. Никто не подумал о комете, летучем сгустке льда и пыли, светящемся шаре, черном солнце... В довершение всего улица Кометы оказалась в двух шагах от перекрестка Башни Мобур. *«Чьей Башни больше нет...»* Башня, Комета... Это сумела бы разглядеть даже самая обычная муха.

Теперь Марк был уверен, что идет по следу убийцы с ножницами, без оружия, без помощи, с дурацкой свинцовой трубой в руке. Сердце его заколотилось, колени дрогнули. Ему показалось, что он не сможет пройти последние метры.

Жюли Лакез вздрогнула, когда в пять минут одиннадцатого в ее квартире раздался звонок. Черт, как же она не лю-

била отвлекаться во время фильма.

Она подошла к двери и посмотрела в глазок, но было темно, и она ничего не разглядела. Стоявший за дверью мужчина спокойно и уверенно сообщил, что наверху в доме утечка газа, в сорок седьмой квартире, ему срочно нужно обойти всех жильцов.

Жюли открыла без колебаний. Пожарные и газовщики – особы священные. Они властвуют над подземными трубопроводами, тайными ходами, печными трубами и вулканами столицы.

Озабоченно хмурясь, газовщик попросил осмотреть кухню. Закрывая дверь, Жюли показала, куда идти.

Две руки тисками сдавили ее шею. Жюли не успела крикнуть, а нападавший уже тащил ее по полу. Ее руки машинально цеплялись за руки мужчины в тщетной попытке освободиться. С экрана неслась оглушительная перестрелка.

Марк резко надавил концом трубы на позвоночник убийцы.

– Пусти ее, Мерлен, сволочь! – заорал он. – Или я тебя продырявлю!

Марк кричал так громко еще и потому, что чувствовал себя неспособным проткнуть чью бы то ни было спину, живот или голову. Мерлен выпустил девушку и резко повернулся. Его жабье лицо исказилось от ярости. Он ухватили Марка за волосы на затылке, а тот со всего маху ударил убийцу свинцовой трубой по подбородку. Мерлен схватился руками за

рот, застонал и рухнул на колени. Не решаясь ударить его по голове, Марк ждал ответного рывка и крикнул девушке, чтобы звонила в полицию. Мерлен ухватился за кресло, пытаясь встать, и Марк бросился к нему, целясь в шею. Мерлен опрокинулся на спину, и Марк прижал свое оружие к его кадыку. Он слышал, как девушка пронзительно прокричала в трубку свой адрес.

– Его ноги! Веревку! – крикнул Марк, нависая над толстяком.

Он давил на жабую шею, но трубка дрожала в его руках. Мерлен был силен и яростно пытался освободиться. Марк с отчаянием чувствовал, что безнадежно проигрывает в весе. Если он ослабит хватку, Мерлен легко возьмет над ним верх.

У Жюли не оказалось веревки, и она бестолково суетилась, обматывая ноги убийцы скотчем. Не прошло и четырех минут, как через открытое окно в квартиру ворвались полицейские.

Глава 41

Марк сидел на диване, безвольно свесив руки и пытаясь унять дрожь в ногах, а полицейские занялись Полем Мерленом. Марк сразу попросил предупредить Луазеля и разыскать Луи Кельвелера, который дежурил на улице Солнца. Жюли сидела рядом и, похоже, чувствовала себя гораздо лучше, чем он, несмотря на ужас пережитого. Марк попросил у нее три таблетки аспирина или чего-нибудь в этом роде, чтобы унять страшную головную боль, которая стучала в правом глазу. Жюли вложила ему в руку стакан воды и по одной давала таблетки, так что вошедшие полицейские запоздало решили, что напали именно на Марка.

Когда голову немного отпустило, Марк взглянул на Мерлена, его сторожили двое полицейских, и он судорожно и беззвучно шевелил лягушачьими губами. Вот уж верно сказано, муха под шляпой, чудовищное насекомое, столь же ужасное, как то, что он нарисовал в Невере. Это зрелище утвердило Марка в его отвращении к жабам, хотя он и думал со стыдом, что бедные земноводные тут совершенно ни при чем. Жюли была чудо как хороша. Она кусала губы, нервно озираясь по сторонам, щеки стали лиловыми от возбуждения. Ей не понадобился аспирин или другая таблетка, чему Марк искренне удивился.

Ждали Луазеля.

Он прибыл в сопровождении троих сотрудников, а вскоре подоспел и Луи, за которым была отправлена полицейская машина. Луи кинулся к слегка помятому Марку, который дал понять, что жертва вовсе не он, а девушка, сидевшая рядом. Луазель увел Жюли в соседнюю комнату.

– Ты видел адрес? – спросил Марк.

– Улица Кометы, мы просто дураки.

– А видел кто?

Луи взглянул на Мерлена и мрачно кивнул.

– Как тебя сюда занесло?

– Это все твои кости. После расскажу.

– Рассказывай сейчас.

Марк вздохнул и потер глаза.

– Я все думал об этих костях, – начал он. – Кле-ман играет, а кто его научил? Хороший вопрос. Это не Марта, она ведь не умеет. В институте у него был партнер по игре. Они играли в морской бой, в шашки, «в несложные игры».

Марк взглянул на Луи.

– Помнишь, что Мерлен тебе говорил? Клеман играл с Полем Мерленом, а Поль Мерлен играл в кости, это очевидно. У себя в кабинете он все время вертел в руке монетки, помнишь его привычку? То сгребал их лапой в ладонь, то снова бросал. Вот так и так. – Марк пошевелил пальцами. – Я пришел к дому Мерлена и стал ждать.

Полицейские увели Мерлена, и Марк встал. Никто не додумался выключить телевизор, и Чарльтон Хестон вел смер-

тельную схватку на стенах форта. Марк поднял свинцовую трубу, валявшуюся на полу.

– Ты вот с этим пришел? – удивился Луи.

– Да. Хорошая штука.

– Этот жалкий свинец?

– Это не «жалкий свинец», это шпага-трость моего прадедушки.

Глава 42

Утро выдалось жарким, и Марк устроился в садике за домом. Он сел по-турецки на старую доску, которая специально для этого тут лежала в тени аиланта, единственного дерева на корчевье. Он размешивал ложкой кофе, стараясь мешать быстро и не разлить при этом. У его ног стоял старый радиоприемник, заляпанный белой краской. Каждые полчаса Марк крутил ручку, ловя новости. Известие об аресте убийцы с ножницами уже прозвучало по всем каналам. Девушку с лукавыми глазами звали Жюли Лакез, и Марк был рад это узнать. Она ему понравилась, и он думал, не совершил ли он стратегическую ошибку, охая и выклянчивая аспирин, после такого геройского поступка. В десятичасовых новостях его назвали «отважным профессором истории». Марк улыбнулся, сорвал несколько травинок у ног и мысленно переименовал на свой лад: «не подозревающий об опасности, нервный уборщик, напавший на жабу». Зачем все это? Слава держится на неведении, сказал бы Люсьен. Луи сразу же позвонил Пуше, потом зашел в комиссариат к Луазелю, где допрашивали Поля Мерлена. Оттуда он то и дело названивал в кафе «Красный осел», а Вандузлер-старший приносил новости. Луазель, сообщаясь с полицией Невера и родственниками жертв, собирал данные, чтобы «добить» Мерлена.

В одиннадцать часов стало ясно, что Мерлен заказал изнасилование Николь Вердо, хотя прямо в этом и не признался и имен исполнителей не назвал. Мерлен становился буйным и невменяемым, когда речь заходила о девушке из Невера. В полдень он признался в своем влечении и ненависти к Николь Вердо, которая после одной неосторожно проведенной с Мерленом ночи отвергла его и пригрозила уйти из института. *«Мой лоб еще в огне от поцелуя Королевы. Я грезил в гроте, где плещется русалка».*

Спрятавшись за деревом, Мерлен наблюдал за карательным изнасилованием. Может, потом он собирался прийти на помощь, сыграть спасителя и заставить ее уступить. Но этот болван Воке вмешался со своим идиотским шлангом, испортил удовольствие и уничтожил планы директора. Хуже того, он сорвал капюшон Русле, и Николь Вердо узнала насильника. Русле был скотиной и трусом, арестуй его полиция, он бы все рассказал и открыл бы имя заказчика. Ночью Мерлен убил Николь в больнице и утопил Русле в Луаре. Клеман Воке заплатит ему за это.

«На струнах лютни онемевшую Звезду...»

К трем часам Мерлен сознался в убийствах Клер Отисье, Нади Жоливе, Симоны Лекур и Поль Бурже. Луи объяснил, что Мерлен наслаждался агонией Николь Вердо и что это зрелище стало для него неожиданным удовольствием и породило желание убивать; как говорил Вандузлер-старший, он вошел во вкус. И уже не мог удержаться. *«Дыхание святой*

и крики феи...» Однажды утром после бессонной ночи стихи трижды попались ему на глаза. Они указали ему дорогу.

В половине пятого Луи рассказал, как просто и гениально Мерлен подыскивал будущих жертв. Он занимал высокий пост в налоговой службе на улице Вожирар, легко отыскивал нужные улицы в базе данных и выбирал одиноких женщин моложе сорока лет.

Мерлен запланировал два других убийства после Жюли Лакез. Одно на улице Белой Королевы и другое, последнее, на улице Победы. Марк, нахмурившись, сходил за картой Парижа, брошенной на буфете в кухне, и снова уселся на старую доску. Улица Белой Королевы. *«Мой лоб еще в огне от поцелуя Королевы»*. Отличный выбор. Белая Королева, непорочная чистота, все так очевидно. Для мухи, конечно. Чудо-вишней мухи с глазами в тысячу граней. В довершение улица Победы. *«Я дважды пересек победно Ахерон...»* Отличное рассуждение для мухи. Марк посмотрел на план Девятого округа. Улица Победы в двух шагах от Башни Аббатис, а та пересекается с Белой улицей. Обе они в двухстах метрах от Овернской башни, которая пересекает улицу Мучеников. И так далее. Марк положил карту на траву. Жестокая эстафета, где все увенчано великим смыслом и все детали пригнаны безупречно. Непогрешимая логика мухи, способная ввергнуть Париж в ужас и хаос.

В пять часов Марк снова слушал новости. Судьба Клема-на Воке была тщательно продумана. Предоставив ему убе-

жище в своем особняке после первых трех убийств, Мерлен инсценировал бы его самоубийство после улицы Победы. Но дурак ускользнул от него. Бог дураков любит. Мерлену пришлось продолжать на свой страх и риск. Он хотел совершить последнее преступление по всем правилам, кинув кости на удачу, чтобы освятить его, а потом сложить оружие и наслаждаться воспоминаниями.

Луи, Луазель и судебный психиатр, который работал на следствии, считали, что остановиться по доброй воле он бы не смог.

– Одна-единственная муха может обратить Париж в прах, – сказал Марк Люсьену, который в этот вечер готовил ужин.

Люсьен кивнул. Он снова достал свои ножницы и кромсал ими букетик специй. Марк молча наблюдал за ним.

– Эта женщина, – помолчав, заговорил он, – Жюли Лакез. Она была мила со мной. Впрочем, я ведь ей жизнь спас.

– И что потом?

– Потом ничего. Вряд ли из этого что-нибудь вышло бы.

– Друг мой, – сказал Люсьен, не отвлекаясь от своего занятия, – нельзя же одновременно совершить геройский поступок и получить девушку в придачу.

– Это еще почему?

– Потому что тогда вместо героической драмы получился бы водевиль.

– Возможно, – тихо ответил Марк, – но если честно, по-

жалуй, я бы предпочел водевиль.

Глава 43

Когда Луи выходил вечером из комиссариата, он чувствовал себя совершенно разбитым, но на душе у него было спокойно. Пусть Луазель заканчивает эту историю. А ему еще надо кое-что уладить.

Секатор работал граблями в северной части кладбища. При виде Луи он застыл на месте.

– Так и думал, что ты объявишься, – сказал Луи. – Услышал, что убийцу поймали, не так ли?

Секатор дважды бесполезно поскреб граблями.

– И ты решил, что можно выйти? Что тебя не схватят? А изнасилование? Ты про него забыл?

Секатор сжал руками черенок грабель.

– Я тут ни при чем. Если хозяин сказал, что я там был, он врет. Доказательств нет. Никто не поверит убийце.

– Ты был там, – отрезал Луи, – вместе с Русле и приятелем, которого ты нанял. Мерлен заплатил вам.

– Я ее не трогал!

– Потому что не успел. Ты уже лежал на ней, когда Клеман Воке облил тебя. Не трудись отрицать. Мерлен ничего не сказал, но есть свидетель.

Клермон наблюдал за вами в бинокль из своей мастерской.

– Старая сволочь, – проворчал Тевенен.

– А сам-то ты чего стоишь?

Тевенен метнул на Луи ненавистный взгляд.

– Я скажу, чего ты стоишь, Секатор. Ты не стоишь трех гвоздей, и я легко мог бы тебя отправить за решетку. Но Николь Вер до умерла, и ей это не поможет. И есть еще кое-что. Оберег твоей матери. И ради него, только ради него я оставлю тебя в покое. Тебе повезло, он тебя защитил.

Секатор закусил губу.

– И я оставлю тебе эту чертову бутылку сан-сера, которую таскал с собой каждый день, пока ты прятался. Когда будешь пить, подумай о Николь и постарайся почувствовать угрызения совести.

Луи поставил бутылку у ног Секатора и пошел прочь по центральной аллее.

В этот вечер Луи ужинал в лачуге. Когда он вошел, в столовой было пусто и сумрачно, и сквозь закрытые ставни он увидел Марка и Люсьена, сидящих на редкой траве пустоши.

– Где Мартин пупсик? – спросил он, подходя к ним. – Полетел навстречу солнцу?

– Не угадал, – сказал Марк. – Клеман не ушел. Я предложил ему прогуляться по улицам, но он важно заявил, что в том, что касается его, он самолично предпочитает клеить булыжники в погребу.

– Господи, – присвистнул Луи, – надо будет его как-нибудь поделикатнее вытурить.

– Конечно, но не сразу. Времени у нас полно.

– Вы не открыли ставни?

Люсьен взглянул на дом.

– И правда, – сказал он – никому в голову не пришло.

Марк встал и подбежал к дому. Он распахнул три окна столовой, раскрыл деревянные створки, потом отодвинул задвижку, которая закрывала ставни комнаты Клемана, и жаркий воздух волной устремился в комнату.

– Вот, – крикнул он Луи, высунувшись из окна. – Видел?

– Прекрасно!

– А теперь закрою, а то мы в этой лачуге от жары сдохнем!

– Что это с ним? – спросил Луи.

Люсьен вытянул руку.

– Не досаждай спасителю, – серьезно сказал он. – Он надеялся найти любовь, а остался с кучей неглаженого белья.

Луи прислонился спиной к аиланту и покачал головой. Люсьен шмыгнул носом и сунул руки в карманы.

– Возвращение солдат с фронта всегда трагично, – проворкотал он.

Глава 44

Толстуха Жизель решила в виде исключения оставить свой пост у дома на улице Делаамбр и пройти тридцать метров, отделяющие ее от юной Лины. В руках она держала газету.

Подойдя, она помахала газетой у Лины перед глазами.

– Ну что! – сварливо крикнула она. – Кто был прав? Мартин малыш убил бедных девушек или не Мартин малыш?

Лина с опаской покачала головой:

– Я этого никогда не говорила, Жизель.

– Да что ты! Я извиняюсь, но еще два дня назад ты была готова отдать его в лапы полицейских. Все время я должна вмешиваться. Так не поступают, крошка моя, пусть тебе это послужит уроком. Малыш Марты хорошо воспитан, поняла? И потом, он ей как сын. Тут и рассуждать нечего.

Лина опустила голову, и толстая Жизель, ворча, удалилась.

– Ну что за жизнь сволочная, – проворчала она, – вечно, чтобы настоять на своем, надо глотку драть.